

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА — ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Сергей Андреев

**ОЧЕНЬ КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
О ГЛАВНОМ**

Союз писателей
Петербурга

Санкт-Петербург
2022

Сергей Юрьевич Андреев
Очень короткие
рассказы о главном
Серия «Современная
литература, вечные ценности»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68932968

Очень короткие рассказы о главном:

ISBN 978-5-907638-36-5

Аннотация

В книге представлены короткие и очень короткие рассказы, в которых неожиданный сюжет заканчивается непредсказуемым финалом.

Автор предлагает читателям позитивный взгляд на жизнь в любых обстоятельствах, даже в кризисной ситуации. После прочтения книги возникает вера в то, что ничего невозможного нет, и появляется надежда на лучшее: для себя и для всех. Женщина и мужчина, грани их отношений выявлены в рассказах столь точно, что никого не оставит без сопереживания. Литературные герои надолго останутся в памяти – это позволит читателям действовать так, как советует опыт героев из прочитанных рассказов.

Книга рекомендована людям старше 18 лет.

Содержание

Проза Сергея Андреева	7
Обращение Сергея Андреева к читателям	10
Цикл «Подари мне надежду»	16
О пользе чтения хороших книг	16
Воробышек	23
Пересадка на следующий рейс	31
Лотерейный билет	39
Цикл «Такое разное счастье»	53
Консоле из свежих улиток с тмином	53
Грёзы юности	58
Фирма «Next»	67
Подруги	74
Мои трусы на его балконе	80
Секреты ремесла	93
Цикл «Мужские рассказы»	103
Волк на цепи	103
Эпизод из провинциальной жизни	108
В «десятку»	117
Без анестезии	124
Парад в честь Дня Победы	129
Атаманский округ	133
Философ	145
Цикл «Доказательства от противного»	154

Кастинг	154
Невозможное – рядом	158
Моя семья	164
Маникюр	166
Претендент	168
Тушканчик	169
Без вариантов	172
Умножение на нуль	175
Принц и принцесса	178
Всё идёт своим чередом	182
Тысяча видов услуг	186
Как нужно относиться к людям	189
Сказки, в которые мы не верим	190
Военно-полевой хирург	199
Доказательство от противного	201
Цикл «Самостоятельный выбор»	202
Реклама зубной пасты	202
Призовой забег	206
Сочинение о премиях за хорошую работу, с повтором для понимания	217
Квиты	219
Под другим углом зрения	223
Чем пахнут грязные носки	227
Самый дорогой парфюм	230
Кантемировский мост – только начало	232
Свобода выбора	261

Надпись на обелиске	271
Цикл «Несмотря ни на что»	275
Напоследок	275
Неисправимый	278
Адвокат	285
Наш Невский проспект	288
Топография и геодезия	293
Где-то идёт дождь	298
Тело, в котором я живу	300
Цикл «Всё начинается с тебя»	303
Сигарета и чашечка кофе	303
Инопланетянин	306
Конец ознакомительного фрагмента.	308

Сергей Юрьевич Андреев
Очень короткие
рассказы о главном

© Андреев С.Ю., 2022

Проза Сергея Андреева

Сергей Андреев подчиняется закону: хранить и передавать другим все оттенки светлого, надеясь, что все наконец заговорят на всемирном языке заботы друг о друге, душевной близости, любви.

Дар Божий ни предугадать, ни утаить, ни отменить невозможно. Сергей Андреев, как мало кто, наделён даром двойного свойства: раскрывать своё понимание счастья, трепетной нежности, бережного отношения к другому, но также и передавать ближнему своё убеждение в том, что душа человека живёт ожиданием любви.

Особенно хороши очень короткие рассказы Андреева о главном кратком отрезке жизни человека, вернее, двух людей – женщины и мужчины. У этого жанра есть великий предшественник, не жанровый, но эмоциональный и экзистенциальный – «Маленькие трагедии» Пушкина.

Все оттенки светлого, столь привлекательные в мирочувствовании Сергея Андреева, существуют не сами по себе. Они откуда-то берутся – из всех оттенков одиночества, бед, напастей и неприкаянности. В центре и повествования, и сюжета, и интриги, и переживаний у Сергея Андреева всегда женщина и мужчина (эта очередность мне привычнее) при всём безмерном разнообразии их судеб, надежд, прозрений, ошибок, огорчений и восторгов.

Какие бы драмы ни происходили с героями, как бы трагично ни обрывались их жизни, у читателя по ходу чтения, от рассказа к рассказу, нарастает ощущение накапливаемой по крупице веры, надежды и любви, преодоления безысходности, всё более уверенных промельков света, проблесков рассвета. Сергей Андреев – мастер, но здесь важны уже не секреты писательского мастерства, а внутренняя человеческая установка на светлую сторону жизни. И не столько в себе самом, сколько в ближнем, забота о том, чтобы в ближнем, в его душе неотвратимо наступал рассвет.

«Тонкие материи»; «Шиллер. Ода “К радости”»; «День первый»; «Секреты ремесла»; «Воробышек»; «Ты должен это знать»; «Где находится посёлок Хвойное»; «Инопланетянин»; «Свобода выбора». Написавший эти маленькие, подчас совсем крохотные рассказы может вслед за поэтом сказать: «И всё ж я прочное звено: мне это счастье дано».

По мере того, как читатель погружается в прозу Сергея Андреева, он оказывается среди водоворотов, в которых у него на глазах возникают и стремительно, в воронках, исчезают судьбы героев. «Письма, которыми кончается всё» написаны персонажами в тот момент, когда ничего уже, казалось бы, не поправить. Однако мы видим, как любое событие превращается в новеллах Андреева в повод создавать мир заново. Читатель приближается к точке потрясения. Вчитываясь в короткие рассказы Сергея Андреева, каждый из которых позволяет за несколько минут прожить чужую жизнь

на её изломе, читатель начинает понимать, что и он, как автор, может дерзнуть попытаться своими чувствами, своей верой пересотворить мир.

*Всеволод Багно,
научный руководитель Института русской
литературы (Пушкинский Дом) РАН,
член-корреспондент РАН*

Обращение Сергея Андреева к читателям

Спросите у себя самого, читатель: чего вы попросили бы у Господа Бога, окажись сегодня у подножия великого Престола и получив право на какое-то одно желание?

«Денег, и больших, – сразу же ответят многие. – Денег – чтобы решить все насущные проблемы!»

Но, решив одни проблемы, вы тут же получите другие, гораздо серьёзней – из тех, что тянутся вслед за крупными финансами. Поинтересуйтесь, например, у жены бизнесмена, всё ли у неё обстоит благополучно с мужем, – и узнаете многое для себя неожиданного. Оказывается, она очень редко его видит (в том смысле, чтобы провести время вместе) и уж тем более редко занимается с ним любовью. Он всё время измотан до предела, да ещё эти девки, слухи о которых то и дело доходят с разных сторон. Но ладно с ними, с девками: он начисто забыл о воспитании детей – откупается дорогими игрушками, и всё. Кроме того, в доме постоянно присутствует охрана, потому что всегда найдутся люди, которым покажется, будто богатством нужно поделиться, а конкуренты обязательно постараются застрелить главу бизнеса – и сама мысль об этом так давит на психику, что лучше уж вообще ничего не иметь и жить «как все», чем постоянно ждать

глобальных неприятностей... Короче, появляются вопросы, от которых никакими деньгами не откупишься.

Узнав всю совокупность таких обстоятельств, вы, возможно, перемените своё первое безотчётное желание, обращаясь к Богу. Притом, если у вас в наличии голова и руки, то и заработать всерьёз, безо всяких чудес, представляется вполне реальным.

«Хорошо, – скажете вы тогда, – попрошу-ка я себе лошадиного здоровья и семейного уюта до конца дней!»

Услышав такие слова, Господь посмотрит на вас с недоумением и задаст встречный вопрос: «Кто запрещает тебе, любезное Мне существо, хоть сегодня начать вести здоровый образ жизни, бросить курить и питаться не чем попало, в том числе не синтетическими концентратами, а нормальными природными продуктами (кстати, это обойдётся тебе дешевле)? Кто мешает очистить организм от многолетних шлаков и начать каждый день посещать спортивный зал, производя физические упражнения с вверенным тебе Мною телом? Или ты, душа Моя, хочешь получить от Меня здоровье для того, чтобы продолжать его регулярно разрушать и через год или два снова обратиться ко Мне – за следующей порцией? Тем самым ты хочешь бороться со Мною, но от Меня же требуешь тебе в этом помочь – так, по логике вещей, выглядит твоя просьба? Вдумайся в этот абсурд, прежде чем просить что-нибудь у Бога.

И ещё, касаясь семейного уюта. У тебя есть близкие, кон-

такт с которыми утерян из-за вечных ссор, которые ты же сам и устраиваешь. Стань снисходителен и добр хотя бы к родственникам – и увидишь: в самое короткое время они ответят тебе тем же! Но ты, неразумное существо, думаешь, будто мир возможен только на твоих условиях, поэтому ведёшь войну до победного конца... Которого, поверь, в вашей ситуации не увидит ни одна из воюющих сторон! Ты сам устраиваешь свою семейную жизнь, будучи полным в ней хозяином, – чего же ты просишь у Меня? И без того Мною тебе даны любые возможности, дано право выбора и полная свобода воли... вот и выбирай самый лучший для себя вариант. Выбирай – и он станет твоим, как сегодня твоим является мир склок и свар, созданный твоими же стараниями».

...Прежде чем сделать последнюю попытку получить что-то даром, вы, читатель (находясь всё там же, у Престола), наверняка глубоко задумаетесь. «Любовь, – наконец скажете вы, – вот чего просит душа!»

И вам ответит Голос, что любовь – это чувство, которое вы сами должны испытать ко всему сущему, в том числе к людям, которых, возможно, вы ещё не успели повстречать в своей жизни. Ищите их, если не нашли, и стройте ваши чувства совместно. Это – работа души, а не подарок свыше. И если (ответит Бог на просьбу послать к вам любовь) вы просите насильно, «сверху» принудить кого-то стать вашей парой – этого ли вы ждёте от судьбы? Станет ли тот вариант, который не проистекает из естественной потребности дру-

того существа сблизиться с вами, тем, что требуется лично вам? Если объект вашей любви дорог вам как сама жизнь – начните соответствовать ожиданиям того, кого выбрали. Создайте отношения, которых вы так хотите, – не опасаясь разочарований и неудач, поскольку самым большим разочарованием будет как раз отсутствие взаимной любви... – вот что вам посоветуют, скорее всего. «Вы это сможете, – добавит Бог, – потому что любовь может всё».

«Вот почему, – продолжит Бог, обращаясь лично к вам, – не старайся получить через Меня благоволение окружающих, к которым сам ты вовсе не намерен благоволить, родственникам или так называемым “близким”. Не веди себя словно капризный ребёнок, топающий ножкой на родителей и требующий новую игрушку. Ребёнок получит игрушку, но на следующий день сломает её и выбросит, потому что она ему, в общем-то, не нужна. Так и ты обойдёшься с не разделённой тобою чужой любовью. Ты станешь тешить свой эгоизм, чувствуя себя баловнем судьбы, но сам не внесёшь ни крупинцы чувств в эти отношения. Это не называется любовью, так что не об этом ты должен говорить, когда обращаешься ко Мне со своей просьбой. Вновь объясняю: у тебя достаточно сил и возможностей, чтобы испытать любовь самому и получить её в любой необходимой тебе форме. Нужно лишь захотеть этого с такой силой, чтобы все, кто тебя окружает, обнаружили серьёзность твоих намерений. Поверь, результат не заставит себя ждать.

Короче говоря, – скажет в заключение Бог, – ты сам хозяин собственной жизни, и в любви, и во всём прочем. Поэтому надеяться нужно на собственный разум, волю и веру в добро, тогда и Господь тебе поможет. Понятно?»

Выслушав подобный ответ, вы, читатель, вполне можете воскликнуть в отчаянии:

– Выходит, Бог не хочет мне помочь! Что же, и надеяться не на что?!

– Отчего же? – спокойно ответит вам Голос. – У тебя всегда есть на что надеяться. Если ты сам решишь, что тебе чего-нибудь очень нужно, и приложишь усилия всей своей жизни – то получишь именно то, к чему стремишься. Человек – это его мечта за вычетом его сомнений. Например, сейчас у тебя есть всё, чего ты хотел прежде. И нету того, о чём ты не позволял себе думать всерьёз, сомневаясь, будто тебе это доступно. Как только человек начинает сомневаться, силы небесные перестают ему помогать: они ждут, когда тот определится окончательно. Всё, чего ты захочешь, у тебя будет, стоит лишь захотеть этого по-настоящему – вот в чём заключается главное! Надежду на такой ход событий каждый черпает только внутри себя.

– Тогда подари мне такую надежду!.. – закричите вы, обращаясь вверх. – Пусть это и будет моей окончательной просьбой!

– Дарю, – ответит вам Бог, и вы, отходя от Престола, вдруг почувствуете себя совсем по-иному, чем раньше. Возможно,

именно в эти мгновения вы что-нибудь для себя уже решили по самому большому счёту, и такое решение начнёт прорастать вашей новой судьбой с того момента, как вы его приняли.

А потом вы вспомните книгу, которую сейчас держите в руках, и поймёте, что книга подарила вам надежду. Надежду на счастливое будущее.

Цикл «Подари мне надежду»

О пользе чтения хороших книг

В вагоне метро свободных мест не было: пассажиры сидели, плотно прижавшись друг к другу. Одеты все были по-зимнему – погода в городе стояла скверная, дождь со снегом, и настроение на лицах читалось соответствующее. А может, это мне так казалось, потому что позитива в своей жизни я не видел и не предполагал.

Неделю назад я развёлся с женой, она сразу же забрала дочку и уехала. Она уехала, а я остался, и вот вчера мне исполнилось тридцать. Я отметил этот праздник с приятелями по работе, архитекторами-проектировщиками из нашего отдела – зашли в кафе и наскоро выпили. Ребята хлопали меня по спине, улыбались, отпускали шутки мужского свойства, потом они разъехались по домам, а я не подумал даже, а почувствовал, как всё происходящее теряет смысл. Тот самый общий смысл, который определяет остальное – позволяя видеть в повседневности нечто большее, чем простую череду обстоятельств. Если понятно, о чём я говорю.

В общем, я качался в вагоне, стоя среди таких же пассажиров и глядя, как тёмные полосы тоннеля сливаются за стеклом. С утра я даже не успел побриться, потому что проспал,

а вместо галстука намотал на шею шарф, и вообще пребывал в том состоянии духа, которое иначе как омерзением назвать было нельзя.

Через три станции нужно было выходить, и я повернул голову в сторону ближайшей двери. Рядом со мной стояла девушка в сером пальтеце и вязаной шапке, и мне предстояло протиснуться мимо неё. Девушка читала книгу, и перевернула страницу как раз в тот момент, когда я посмотрел в её сторону. На обложке мелькнула фамилия автора: Ромен Гари – гениальный авантюрист, которого я очень любил за его мучительные художественные парадоксы. Впрочем, это было в прошлой жизни, когда мне вообще что-то нравилось, в том числе и читать. Теперь, особенно сейчас, мне не нравилось ничего.

Я сделал шаг по направлению к девушке и, собираясь пробраться мимо неё, сообщил:

– Там нету счастья.

Она подняла светло-серые глаза, отрываясь от текста:

– Где?

– В книгах, – ответил я, – и вообще нигде.

Девушка с лёгким раздражением качнула головой, отворачиваясь и снова принимаясь за чтение.

– Ваш Ромен Гари в конце концов покончил с собой, – сообщил я с каким-то даже остервенением. – И знаете как? Надел на голову резиновую шапочку для плавания, чтобы не испачкать мозгами стену, засунул револьвер в рот и застре-

лился. Когда берёте в руки его книгу, почаще об этом вспоминайте.

Девушка отодвинулась от меня, держась за поручень. Поезд подъехал к станции, много народу вышло, так что мы оказались в полупустом вагоне. Я шагнул к девушке, которая снова принялась было за чтение.

– Отстаньте от меня, мешаєте! – с раздражением бросила она.

Я тоскливо посмотрел в стекло, где под грохот колёсных пар отражалась моя унылая физиономия на фоне пролетающего мимо серого тоннеля. Потом я сделал полшага к девушке и снова встал с ней рядом.

– Почему вы такая злая? – спросил я и уточнил, имея в виду человечество в целом: – Ну почему вы все такие злые? Жизнь – паршивая штука, а тут ещё ваша книжка! Самоубийца пишет о красоте бытия... весело, правда?

Девушка с негодованием посмотрела на меня и снова слегка отодвинулась по вагону:

– Да что вам от меня-то нужно?!

Двери открылись и закрылись, поезд стал набирать ход, так что ехать оставалось совсем недолго. Тут меня и прорвало.

– Я вам сейчас расскажу, что мне нужно, – перекрывая голосом грохот тоннеля, почти крикнул я. – Мне нужно, чтобы мы познакомились, стали встречаться, потом у нас начались отношения, мы даже начали бы жить вместе, и вы влю-

бились в меня без памяти! Но это только начало, – говорил я, понемногу перемещаясь вслед за девушкой, которая отступала, держась за поручень параллельно мне. Я не отставал, стараясь приблизиться, чтобы не орать на полвагона. – А потом, – перекрывая шум состава, продолжил я, – когда ваше сердце стало бы дрожать и останавливаться при моём появлении, я безжалостно бы вас бросил! Вы рыдали бы вечерами, умоляя меня вернуться, а я равнодушно смотрел бы и наслаждался вашим безутешным горем. Вот мои истинные намерения, понятно?!

Последние слова я произнёс совсем уже громко, с кроважидным видом глядя на девушку. Мне было плевать, что она обо мне думает. Во время моей тирады, пытаюсь отдалиться, она отодвинулась чуть ли не на треть вагона, но вдруг остановилась.

– А вы уверены, что я смогу вас полюбить? – спросила она вдруг, опуская книжку, так что стало понятно: читать она больше не намерена.

От неожиданности я помолчал секунду, потом взглянул на девушку и встретился с ней глазами. Она спрашивала всерьёз.

– Конечно! – ответил я и сделал такой жест, будто разглаживаю пальцем воображаемые усы. На душе было муторно, и этот спектакль скоро должен был закончиться. Поезд наращивал скорость в перегоне. – Вы посмотрите на меня, – продолжал я фанфаронить. – Красавец, образованный, работа-

щий... словом, *интересный мужчина*. Вам повезло!

Девушка не отрывала от меня светло-серых глаз, словно что-то решая.

– Я согласна, – сообщила она наконец.

– Что... «согласна»? – не понял я. Поезд шёл полным ходом, тоннель гудел за стеклами.

– Согласна, что мы познакомимся и я вас полюблю... Потом – можете меня бросить, это неважно. Понимаете, я ведь до сих пор никого не любила. Встречалась с разными людьми, даже жила в гражданском браке, но вот... как вы сказали? – сердце моё не дрожало и не останавливалось. Все вокруг об этом говорят, а я не понимаю, как оно бывает! Так ни разу и не испытала. Вот и мучаюсь по жизни... Вы точно сможете всё устроить, насчёт любви? Чтобы... *без памяти*?

– Ну да, – пожал я плечами, – а зачем иначе-то?

Поезд понемногу сбавил ход и начал торможение. Я незаметно сделал по вагону шаг в обратную сторону – к дверям. Девушка подшагнула следом.

– Я готова, – сообщила она. – Меня зовут Ирина, работаю педагогом в музыкальной школе.

– А я Артём, – признался я, отступая шаг за шагом ещё дальше, и оказался практически возле дверей. Девушка встала рядом.

– Мне всё равно, буду я мучиться или нет, – заявила она, – лишь бы испытать... ну, что вы обещали.

– Вот, вы музыку преподаёте, а сердце не дрожало, – пы-

таясь оттянуть время, сказал я. – Как это вообще возможно?

Мы уже стояли напротив выхода, и поезд заметно снизил ход. Скоро должны были объявить мою станцию. Мы с девушкой отражались в двух разных половинках двери – каждый в своей, – и сейчас эти половинки должны были разъехаться в стороны.

– ...Так и преподаю, – пожала плечами девушка, – но всё меньше вижу в этом смысла.

Последнее её слово: «смысл» – словно повисло в воздухе, буквально за секунду соединив нас каким-то невероятным образом. Предстояло решить, воспользоваться этой секундой или на всё наплевать. Поезд подъехал к платформе и остановился.

Я взял девушку за руку и сообщил:

– Договорились! – после чего строго добавил: – Но после не жалуйтесь.

Двери распахнулись, мы шагнули из вагона вместе, и девушка повернулась ко мне с какой-то удивительной улыбкой. Я поймал себя на том, что тоже невольно улыбнулся, – наверное, в первый раз за последние пару месяцев.

– Для начала чашечку кофе, – распорядился я, – остальное после.

– После, – словно пробуя это слово на языке, повторила девушка. – А знаете, я так себе всё это и представляла!

Я не стал спрашивать, что именно она имела в виду, потому что имел в виду то же самое.

До моей работы отсюда было совсем недалеко. Мы зашли в кафе, где вчера с ребятами я провожал свои первые тридцать лет и где сегодня можно было начинать праздновать начало следующих тридцати. Собственно, там этот праздник и состоялся, а как всё получилось потом – об этом написано во многих хороших книгах. Которые, как выяснилось, обязательно нужно читать, чтобы получить свой шанс.

Шанс на счастье.

Воробышек

Зима выюжила вовсю, взвихривая снег в подворотнях и с поддвиганием и свистом протягивая метелью вдоль вечерних улиц. Крупная женщина в длинном пальто и вязаной шапке шла, прикрываясь от ветра рукой, когда из снежной круговерти к ней подскочили двое. Один схватил её здоровенную сумку, другой что-то гортанно выкрикнул и показал нож.

Всё это длилось доли секунды, но неожиданно рядом из снежной тьмы появился небольшого роста человек с портфельчиком. Он оттолкнул того, кто держал нож, и попытался втиснуться между женщиной и теми двумя. Стало ясно, что сейчас его зарежут.

Женщина легко отодвинула появившегося мужчinkу в сторону. Тот ростом приходился ей едва до плеча. В заводской сборной она числилась первым номером – толкала ядро, причём на последней спартакиаде показала такой результат, что её включили в городскую команду. Никто не учил её всяким премудростям: она просто ударила кулаком в голову тому, кто угрожал ей лезвием, как толкала бы ядро – резко и с разворотом. Тот отлетел, кувыркаясь, метров на пять и остался лежать на снегу в неестественной позе. Теперь настала очередь второго. Женщина двинула ему рукой куда-то между курткой и тёмной шапочкой – раздался хруст сломанного носа и дикий вскрик, после чего, закрыв лицо обеими

руками и выписывая вензеля, нападавший скрылся в завьюженном пространстве.

– Быстрее валим отсюда! – крикнула она сквозь снег и ветер. Мужчинка продолжал стоять как вкопанный со своим портфельчиком, не до конца, видимо, понимая, что же произошло. Женщина схватила его за руку (в другой она снова держала тяжёлую сумку) и буквально поволокла с места события. Он быстро переступал ногами, не поспевая за спутницей. До общежития было рукой подать, их пропустили безо всяких. Женщина стянула с волос шапку, отряхнула снег, сказала вахтёрше:

– Здравсьте, тётя Катя, – и стала подниматься по лестнице.

– Здравствуй, Людочка, – доброжелательно откликнулась вахтёрша, – это с тобой?

– Ну да, – полуобернувшись и махнув мужчинке рукой, констатировала та. Теперь стало ясно, что это была вполне ещё молодая девушка, только огромного роста и мощного телосложения. Пегие волосы беспорядочно падали ей на шею, а лошадиное лицо чуть улыбалось: – Пойдемте, чё стоять.

Мужчинка двинулся вслед за ней по лестнице, зашёл в тесную комнату, где стояли железная кровать, убогий столик с двумя стульями, тумбочка и шифоньер. Гвозди в стене обозначали вешалку, на которую девушка и набросила своё пальто.

– Холодно, – сказала она, – сейчас согреемся. С меня магарыч.

Она открыла дверцу тумбочки, служившей, видимо, кухонным шкафчиком, и выставила на стол бутылку водки и два стакана. Потом нарезала хлеб, кусок сыра и колбасу.

– Вы хоть разденьтесь, – пригласила она. Мужчинка скинул своё пальтецо и оказался в костюме и рубашке, с чуть сбившимся набок галстуком. Галстук он тут же, впрочем, поправил, а после пригладил редеющие волосы и оказался светлоглазым, востроносым и щуплым, лет около сорока – а сколько точно, и не скажешь. Он осторожно подсел к столу, слегка сутулясь и чувствуя себя явно не в своей тарелке рядом с этой огромной, мощной девицей.

– Ну, спасибочки вам, спасатель! – налив обоим по полстакана, произнесла та. – Меня Людмилой зовут, а вас как?

– Алексей Иванович, – откликнулся мужчина.

– Давай, Алексей Иваныч, за тебя, – произнесла девица и буквально кинула водку в рот. Потом закусила хлебом, предварительно его понюхав. – Ты откуда вообще взялся?

– На завод приехал, – пояснил мужичок, отхлебнув из вежливости и поставив стакан на край стола. – Изобретатель я. Из Тулы.

– А чего изобрёл-то? – спросила девушка, огромными лапищами сооружая бутерброд.

– Дизель усовершенствовал.

– Это как?

– КПД на семьдесят процентов выше, – пояснил мужчина. До этого он сидел смущённо опустив глаза, а теперь вдруг

посмотрел твёрдо и прямо.

– Это что, в два раза, что ли?

– Почти, – ответил мужчина. – Но можно и в два раза, только материал нужен качественный... сталь особого свойства.

– На заводе-то у нас был? – Девушка закусывала и спрашивала совсем уже по-свойски. – погоди, я сейчас картошки наварю, с консервами поедим. Был на заводе-то?

– Отказали, – коротко сообщил приезжий.

– Это кто отказал, главный инженер?

– Ну да.

– Ладно, сиди здесь, – приказала девица и пошла на кухню готовить. Через десять минут она вернулась в комнату с вопросом: – Остановился-то сам где?

Он пожал плечами:

– Некогда было, до гостиницы не добрался. Вот, с заводоуправления шёл, гляжу – к тебе пристают...

Она расхохоталась в голос:

– Да ты совсем воробышек против них!.. А ко мне приставать – дело пустое, ты же видел. Слышь, – она опять наливала, – ты только не думай, что я пьяница какая, у меня эта бутылка полгода стоит. Мне ж пить нельзя: тренировки и всё в таком духе. Просто не каждый день ножиком на улице угрожают – за это можно и по стакану принять. Да и такие мужики, как ты, нечасто встречаются... с портфельчиком!

Она опять расхохоталась, он смущённо улыбнулся в ответ.

– Давай, за тебя, – приказала Людмила и снова ухнула водки. – Жена есть?

– Неженатый я. – Мужчина качнул головой. – И не был никогда. Семью содержать – деньги нужны, а я всё с чертежами своими, пристроить никак не могу. Что-то новое каждый месяц изобретаю, но почти ничего пока не внедрил. Так, по мелочи...

– К примеру, что внедрил-то? – поинтересовалась Людмила.

– Вот представь. – Он снова глянул прямо ей в глаза. – Работают в газовой котельной пять печей. Я врезаю в контур свой преобразователь, и три печи можно выключать: на двух оставшихся объект отапливается лучше, потребление газа падает в два с лишним раза. Преобразователь по цене окупается за девять месяцев.

– Ух ты! – сказала девушка. – А почему не берут?

– Потому что поставщики газа теряют половину своей прибыли – они любую такую идею зарубят на корню.

– Доходит, – задумчиво произнесла девушка. – Ладно, ты побудь тут минутку, я картошечку принесу, шпроты открою... Жди!

Вернулась она быстро. Они ели и разговаривали, и он уже не был забитым и стесняющимся некрупным человечком, потому что рассказывал о том, что хорошо знал и по-настоящему любил. Девушка слушала и постепенно растворялась в его словах, в его ясных глазах и в ощущении чего-то высо-

кого, что двигало этим мужчиной, заставляя отказываться от куска хлеба ради непонятого знаменателя в формуле, описывающей второе начало термодинамики. Поэтому ночью, прижимая к себе этого маленького мужчину, она чувствовала, что на самом деле он – самый большой из всех, кого она встречала, и, нежно охватывая его своими длинными руками и ногами, ловила его поцелуи, шепча что-то вроде: «Любимый мой воробышек»...

Утром, собравшись рано, она оставила его спящим на неудобной кровати и в полседьмого была уже в заводоуправлении у директора.

– А-а, Людочка, заходи, – сказал директор, весело посмеиваясь и, как всегда ради шутки, вставая рядом с ней. Это был полноватый дядька среднего роста. – Чего новенького на спортивной арене?

– Дело есть, – хмуро ответила девушка, не принимая его тона. Они сели друг напротив друга.

– Выкладывай, – благожелательно сказал директор. Он следил за успехами заводской сборной, лучшая спортсменка которой сидела теперь перед ним. Иногда он получал за неё благодарности от городского начальства. «Ей бы тренера хорошего, – подумал директор, – да где ж его в этой глубинке взять...»

– Ладно, с чем пришла?

– У нас котельная чёрт-те сколько газа жрёт, – утвердительно сказала Людмила, – а мы за это чёрт-те сколько пла-

тим. Верно?

– Конечно, много... жрёт, – согласился директор. – И платим дорого. Ты это к чему?

– Скоро всё переменится, – заявила девушка. – Значит, так. Если в два раза меньше будем газа сжигать, это делу поможет?

– А куда его девать-то, оставшийся газ? – неожиданно спросил директор.

– Не покупать, и все дела! – как само собой разумеющемся ответила Людмила. – Я тут одного деятеля знаю из Тулы, он вам всё объяснит и покажет.

Директор ошарашенно смотрел на девушку, возвышающуюся напротив за столом. Он ждал чего угодно: просьбы о материальной помощи, вопроса об очереди на квартиру, требований отпуска, только не разговора про котельную с этой спортсменкой, напоминающей кобылу.

– И городу польза будет, и нам, – твёрдо произнесла Людмила. – А если откажетесь, я президенту напишу, что вы деньги, которые задерживаете работникам по зарплате, готовы платить за газ, который можно сэкономить.

– Ну ты язык-то не распускай! – прикрикнул директор. – Я ещё и деятеля твоего не видел, а ты уже... президенту писать!

– Увидите – сами всё поймёте, – пообещала Людмила. – Во сколько его привести?

– В два, – всё так же ошарашенно ответил директор. – Я

главного инженера приглашу...

– Этот козёл уже всё знает и на всякий случай отказал, – пояснила девушка. – Я ему башку расшибу, если ещё раз встрянет! Короче, позовите кого поумней, а я в два часа здесь буду со своим кадром.

– Валяй, – согласился директор. Что-то у него в глазах заискрило. – Чем чёрт не шутит, а? Ещё и благодарность за службу.

– Вот именно, – сказала Людмила, опираясь кулачищем о стол и вставая. Кожу на костяшках средних пальцев саднило, она подула на них, и директор вопросительно на неё глянул.

– Да полез тут один вчера, – лаконично пояснила она.

Тот понимающе и с некоторым даже уважением кивнул.

Девушка вышла с территории завода и направилась по хрустящему насту обратно в общежитие. Пурга стихла, стояло морозное безветрие. Солнце над этим северным городом ещё не взошло, но воздух становился всё более светлым, так что чуть-чуть – и развиднеется. Люди шагали по улицам, кутаясь в шарфы и воротники.

– Воробышек ты мой любимый! – громко сказала самой себе девушка и засмеялась.

Отзвуки этих слов ещё таяли на морозе, когда она открыла дверь своей комнаты и посмотрела на мужчину, безмятежно спавшего в её постели. Она стояла и всё смотрела на него. Мужчина потянулся, открыл глаза и улыбнулся ей навстречу.

Пересадка на следующий рейс

Они сидели в здании международного аэропорта в Рио-Жанейро и ждали, когда объявят их рейс. Мужчина лет сорока, аккуратно и коротко стриженный блондин в светлой куртке и джинсах, подошёл к барной стойке, купил бутылку минеральной воды и вернулся, на ходу отвинчивая крышку. Он отпил глоток и протянул бутылку спутнице, оставшейся в кресле возле чемоданов, – тридцатилетней симпатичной женщине, темноволосой и темноглазой. Она отрицательно покачала головой, он сделал ещё один глоток и закрыл бутылку.

Словно разговор и не прерывался, мужчина продолжил фразу:

– ...тогда давай разойдёмся. Слетаем к этим чёртовым водопадам, вернёмся, и никаких отношений.

– Не думаю, что мы уже всё между собой исчерпали, – возразила женщина. Говорила она внешне спокойно, но пальцы рук при этом непроизвольно стиснула.

– И что же у нас впереди, по-твоему?

– По-моему, – сказала она, – мы вполне друг другу подходим. И не один раз это доказали – вспомни хотя бы ту историю с твоей Светланой, откуда я тебя буквально за ноги вытащила. Или про полицейских, с которыми ты подрался... Да и вообще, я тебе последние годы и прислуга, и жена, и

любовница, разве нет? В честь чего ты вдруг надумал всё рвать?

Мужчина молчал, не зная, стоит ли говорить о причинах, а если стоит – насколько честно.

– У тебя ведь никого не появилось? – то ли утвердительно, то ли вопросительно сказала женщина и внимательно на него посмотрела, улавливая первую реакцию на свои слова. Мужчина отрицательно качнул головой, и это её вполне удовлетворило. – Остальное поправимо.

– Мне всё надоело, – пояснил мужчина, глядя в пол, чтобы не встретиться с ней глазами. – Работа осточертела. Сын, оболтус, раздражает: учиться он, видите ли, не хочет! Ну так иди в дворники, зарабатывай у мусорных бачков на корку хлеба... так нет же: папа, дай денег на дискотеку, папа, дай денег на кафе... Вот тебе, сынок, от меня денег! – Мужчина обозначил неприличный жест. – Ещё и с какой-то непотребной девкой связался, так она, когда со мной познакомилась, глазёнками по углам шнырять начала, дескать, хорошо бы с папика бабки снять, а если ему надо, так и расплатиться готова... чем захочешь. Задницей своей? – пожалуйста, без проблем!

Женщина слушала, склонив набок голову и не прерывая. Он продолжил:

– Теперь вот с тобой. Я всё заранее знаю: что ты скажешь, какотреагируешь, как ляжешь, в конце концов.

– Разве это плохо? – со скрытой иронией спросила жен-

щина, ладонью отводя тёмную прядь с лица. – Тебе что, было бы легче загадки разгадывать, например где я и с кем была и чем там занималась?

– Да не в том дело, – попытался он объяснить. – Хочется острых ощущений, понимаешь? А у нас с тобой всё словно поблёкло. Я в этой мути уже не понимаю, зачем живу! Раньше карьеру делал... Так сделал же! Выше – только глава фирмы, но этого мне не надо, потому что тогда вообще на себя времени не останется. Заместитель – самое то: и деньги хорошие, и власти сколько требуется, и уровень вполне достойный. Ладно, стал замом генерального. Выбрал себе женщину – тебя: и умная, и красивая. Всё с тобой прошли, везде побывали, теперь вот в Рио сидим... А зачем мы здесь сидим, я уже не понимаю. И что дальше делать, тоже не понимаю. Поэтому давай-ка разойдёмся, и пусть всё идёт куда подальше.

– А куда оно пойдёт? – спокойно и горько спросила женщина, а потом сама же ответила: – Я не говорю про себя, это отдельная тема. А ты начнёшь беситься, переспшишь с кучей молодых девиц, потом на одной из них сдуру женишься, потому что решишь, что это и есть любовь. Она подождёт немного, а потом станет сосать из тебя деньги и делать тебе рога. Это и окажется главной интригой твоей жизни. К примеру, ты её повезёшь на Канары, но она даже на фотографиях станет получаться так, будто муж, то бишь ты, хочет взять её за руку, а она вроде как свою ладонь вынимает

из твоей... произвольно, по Фрейдю. Вернувшись, первым делом она окажется не в парикмахерской, как сообщит тебе, воркуя по телефону, а в гостинице со своим любовником, которому позволит делать всё, что с тобой не получается! Но за её шмотки платишь будешь ты, и хорошую машину ей тоже купишь ты. Вот чем всё обернётся. Да ты и сам всё это знаешь, потому и бесишься.

– Перестань, – поморщился мужчина. – Мы же о нас с тобой толкуем, касательно перспектив и смысла совместного существования.

Она чуть помолчала, потом откликнулась, словно подводя черту:

– Тебе новая цель нужна в жизни. Гораздо значительнее, чем раньше, под стать твоему положению...

– Добавь: и возрасту, – закончил он.

– ... и возрасту, – согласилась женщина, прямо взглянув на него тёмными глазами. – Мне кажется, ты должен открыть свою фирму и всех переиграть. Тогда тебе всё остальное станет интересным, включая меня... Давай ребёнка заведем? Мне ещё не поздно.

– Ты просто хочешь привязать меня за ногу крепче, вот и всё, – констатировал мужчина, нахмурившись. – Слушай, кажется, наш рейс объявили.

Он встал и взялся за ручку чемодана.

– Не нужно сейчас ничего решать, – предложила женщина. – Вернёмся с водопадов – тогда и поговорим: глупо такие

вещи обсуждать в аэропорту.

Они поднялись и встали в длинную очередь, медленно продвигающуюся к стойкам регистрации. Пассажиры шли общим потоком сразу на все рейсы. Женщина, одетая в лёгкую блузку и джинсы, притягивала случайные взгляды.

– Кстати, насчёт ребёнка, – заметила она. – Если тебе нужны развлечения, тут их окажется больше чем достаточно. Хочешь, вырастим гения? Есть такие методики, начиная с четырёхмесячного возраста. Подростками такие дети уже вузы заканчивают и всё такое. Как тебе?

Он впервые за время разговора улыбнулся:

– Ещё родить не успели, а уже в вуз определяем!

На мгновение она увидела его таким, каким когда-то полюбила: сильным, энергичным и добрым.

Когда они наконец, минут через сорок, добрались до стойки регистрации, посадка на их рейс была закончена. Мужчина, глядя на служащую – меланхоличную толстую бразильянку, – произнёс несколько слов отчётливым русским матом. Служащая подозвала администратора, и тот, извинившись, предложил:

– Вы ведь летели вначале в Сан-Паулу, потом на Игуасу другим бортом, с пересадкой, верно? Предлагаю: через три часа по этим билетам вы можете прямым рейсом вылететь на Игуасу. Мы предлагаем вам бесплатное питание, я готов перерегистрировать ваши билеты прямо сейчас.

Мужчина кивнул и снова произнёс несколько слов по-рус-

ски. Администратор воспринял всё это как согласие и быстро оформил новые билеты. Женщина отвернулась и приснула со смеху, прикрыв рот ладонью. Водопады в Игуасу значились вторыми в мире по величине после尼亚гары и располагались на границе Бразилии, Аргентины и Парагвая. Всё это находилось в двух тысячах километров от Рио-де-Жанейро, но, не посетив этого чуда, нельзя было считать, что ты побывал в Южной Америке. Поэтому поездку никто отменять не собирался, а то, что два перелёта заменили теперь одним, оказалось даже удобнее – если не считать, что в аэропорту вновь предполагалась беседа длительностью в три часа. Впрочем, можно было пообедать за счёт заведения – это снимало остроту разговора и естественным образом отвлекало. А в салоне самолёта полагалось спать.

...В конце концов лайнер, уже заходя на посадку в Игуасу, осторожно тронул бетонную полосу колёсами и побежал в сторону стоянки, снижая скорость. Пассажиры заплотировали; затем был автобус и – вот наконец отель, откуда завтра можно двигаться на экскурсию.

Они распаковывали багаж в номере, когда женщина, включив телевизор, села на кровать и побелела от ужаса.

– Смотри, – сказала она.

Мужчина поднял глаза к экрану. Шли последние новости. Самолёт, в котором они должны были лететь, чтобы затем делать пересадку, столкнулся в аэропорту Сан-Паулу с вырывающимся на взлёт бортом, вместе их выбросило за пределы

полосы – прямо в бензоколонку, где оба лайнера взорвались. Загорелись даже дома вокруг. Ни одного спасённого из ста шестидесяти пассажиров и членов экипажа не осталось: все сгорели заживо. Эти новости, с кадрами пожара, раз за разом транслировали все местные каналы, а потом продублировали по центральному.

– Какой ужас! – снова прошептала женщина, глядя на экран. – Ведь мы должны были там лететь!

Её буквально трясло: она всё представила воочию.

– Господь уберёт, – отозвался мужчина, окаменело стоя там, где его застала новость. Он ещё не успел снять светлую куртку, так и застыв перед телевизором. На экране плясали языки пламени и виднелся остов самолёта. Завывали пожарные сирены.

Двое смотрели на экран и думали об одном и том же. Мужчина опустился рядом со спутницей и положил ей руку на плечо. Стало понятно, что упустить новый шанс, подаренный судьбой, было бы непростительной глупостью.

Женщина закрыла глаза и положила голову мужчине на плечо, а он обнял её так, как делал это когда-то, в самом начале. Теперь она точно знала, что завтра, после поездки к водопадам, сможет сообщить ему о своей двухмесячной беременности, а после – оставить в прошлом всё, что не было счастьем. Счастье растекалось теплом по телу, и женщина вдруг назвала мужчину тем нежным именем, которое давно уже не произносила, боясь раздражения или насмешки. Те-

перь это прозвучало как невысказанный вопрос, поняв который, мужчина потерся щетиной о её щеку.

– Ну вот, – сказал он и помедлил, подбирая слова. Потом нашёл самые точные и закончил: – Вот мы с тобой и встретились.

Лотерейный билет

Маленький автобус – маршрутное такси – весело катил по летнему Санкт-Петербургу сквозь зелень тополей, утреннее солнце, сквозь запах асфальта. Пассажиров было немного, и молодой, лет двадцати трёх, загорелый белобрысый паренёк в рубашке с коротким рукавом, сидя рядом с темноглазой и темноволосой девушкой, что-то ей оживлённо рассказывал. Та вошла в микроавтобус минут пять назад, и паренёк, улыбнувшись, сразу же завязал с ней разговор – и вот теперь она уже белозубо хохотала, запрокидывая голову с тяжёлой каштановой гривой.

– Мне, вообще-то, сейчас выходить, – предупредила паренька девушка, но оказалось, что он тоже едет именно сюда, и вообще им по дороге, так что он её проводит.

Они вместе шли почти до её дома, но на углу завернули в кафе и посидели на улице, под тентом, на лёгоньких стульчиках за белым пластмассовым столиком. Официантка принесла им кофе, и паренёк рассказал, что недавно окончил физический факультет университета, а теперь работает по специальности, только вот ездить в лабораторию приходится далеко за город. Она сообщила в ответ, что тоже окончила вуз, только педагогический, – и вот, первый год преподаёт в школе: непривычно, но очень интересно, потому что первоклашки – народ благодарный.

Он говорил про свои лазеры и как с их помощью можно кодировать любую информацию, но девушка вдруг перестала его слышать – потому что смотрела, как он улыбается, как пьёт кофе и ставит чашечку на блюдце, чтобы, размахнув руками, объяснить и показать ей нечто необычное, а между ладонями у него в этот момент словно возникает тонкий рубинового цвета луч.

Но дело было не в луче, а в том состоянии, когда сердце у неё замирало словно бы от страха, и даже дыхание останавливалось в абсолютно определённом предчувствии чего-то необычного, входившего не спросясь в её судьбу и проводившего грань в этой судьбе, деля её на две неравные части: первую, маленькую и незначительную, которая сложилась до сих пор, и ту, другую, простиравшуюся на весь последующий отрезок жизни. Такое размежевание происходило прямо на глазах потому лишь, что она сидела здесь, на солнечной стороне улицы в кафе под тентом, и слушала, как загорелый молодой человек рассказывает ей о чудесах техники, в которых она могла понять лишь то, что он ими занимается и хорошо владеет вопросом.

Он шутил, рассказывая, как добился после окончания вуза распределения по любимой тематике, в лицах представляя профессоров, которые пытались его отговорить от занятий явно неперспективной, с их точки зрения, проблемой. Такое противоборство в конце концов получило неожиданный финал: вместо диплома он преподнёс им чуть ли не доктор-

скую диссертацию – и вот теперь проверяет свои собственные нетрадиционные предположения на дорогой научной аппаратуре. Девушка даже не пыталась что-то спрашивать по сути того, о чём рассказывал собеседник. Она в ужасе думала о том, что же ей делать с самой собой – той, которая за какие-то полчаса перестала быть прежней, будто бабочка появилась из кокона. Понять, во что же именно она превратилась буквально на глазах, было пока невозможно. Паренёк шутил, а она даже смеяться теперь в ответ не могла: сидела и смотрела на этого свалившегося с неба молодого человека, на его губы, что-то продолжавшие произносить, и на его тонкие пальцы, то и дело складывавшиеся в какую-то новую фигуру, чтобы прояснить для неё суть дела. Единственное, чего она теперь хотела, – получить у жизни хотя бы минимальную паузу, чтобы успокоиться и попытаться найти свою новую линию поведения.

– Наверное, мне пора, – сообщила она, когда кофе был допит. – Вы так интересно рассказываете... даже дух захватывает. Никогда не думала, что про физику можно говорить такими словами!

Оба поднялись с плохо скрываемым сожалением.

– Если бы перед вами оказался волшебник, – спросил её паренёк, – и у вас было право всего на одно желание, что бы вы у него попросили?

Они уже шли по улице.

– Я бы сказала ему: подари мне надежду, – откликнулась

девушка. Она так и не смогла с собой справиться и боялась сделать какую-нибудь порывистую глупость. Это испортило бы всё, чего ещё не произошло, поэтому следовало держать себя в руках, несмотря на то что всю свою жизнь она представляла именно эту минуту. То есть ту самую минуту, когда в груди рождается холодок, парализующий волю и безоглядно увлекающий к другому человеку.

– Ну, надежда всегда должна присутствовать, – авторитетно заметил паренёк, – как же без неё?

– Бывает, когда её попросту нет. К этому даже привыкаешь.

– Если речь о депрессии, то вы вовсе не похожи на такую вот... умирающую, – весело поглядел он на девушку. – Знаете что, я выступлю в роли волшебника. Смотрите. – Он достал из нагрудного кармана рубашки сложенный вдвое листок. Листок оказался лотерейным билетом, и молодой человек что-то написал на нём, вынув авторучку. – Возьмите! Через два дня тираж, а вот здесь – номер моего телефона. Когда выиграете, позвоните, и мы...

– А если не выиграю?

– Всё равно позвоните. – Он засмеялся. – Тогда будет повод ещё раз угостить вас кофе. Дарю вам два дня надежды.

– Потрясающий срок! Вы, действительно, настоящий волшебник! – засмеялась наконец и девушка, приходя постепенно в себя. – Чашечка кофе как награда за долгое ожидание!..

– Уверяю вас, дело стоящее, – заговорщицки прошептал

он ей. – Я просматривал звёздную карту, выигрыш абсолютно гарантирован.

Они уже пришли.

– Обязательно позвоню, – обещала девушка. Она всё время думала о том, не слишком ли выдаёт её голос. Вроде бы для первого знакомства всё оставалось в пределах правил.

Дверь в парадную имела код, внутри сидел консьерж – и девушка, взмахнув ладонью, исчезла в недрах старого дома. Паренёк ещё немного постоял, глядя вслед исчезнувшему видению, и двинулся к остановке маршрутного такси. Ехать ему, конечно, нужно было совсем не сюда.

Два дня билет лежал у неё на столе. Два дня она не могла ни есть, ни разговаривать с родителями, да и вообще что-то делать. В конце концов она обнаружила, что у неё самым натуральным образом дрожат пальцы, чего никогда раньше не случалось.

Дом был полной чашей – разве что антиквариата не хватало. Отец руководил крупной фирмой, у дверей квартиры дежурила охрана. На второй день, увидев, в каком состоянии дочь, отец, обычно не баловавший её разговорами, спросил, топорща щёточку чёрных, с пробивающейся сединой усов:

– Надеюсь, тебя никто не достаёт... я имею в виду – из братвы?

Она помотала головой.

– Гляди, если что-то не так – сразу сообщи. В таких делах тянуть нельзя, сама знаешь.

– Знаю, – ответила девушка, – ещё по прошлому разу помню. Не беспокойся: тут, знаешь ли, сугубо личное.

Отец испытующе глянул на неё, потом кивнул, принимая версию к сведению, и, внезапно шагнув вперёд, погладил дочь по голове. Ни слова не сказав, он повернулся и вышел из комнаты.

Мать ничего не спрашивала, глядела понимающе. На следующий день, всё так же на маршрутке, девушка добралась до ремонтной мастерской, где оставила свой чёрный «БМВ», и уже через полчаса выкатила из ворот, рассчитавшись с мастерами со счёта на кредитной карточке. Она должна была ехать в консульство, чтобы оформить отъезд – вскоре началась её работа за границей по линии МИДа. Ни в какой школе, как она сказала пареньку (лишь бы что-то сказать), она, конечно, учителем не числилась. Зато её отец умел решать всякие вопросы, и до сих пор всё шло гладко.

Молодой человек тогда настолько увлечённо рассказывал о лазерах, что даже не обратил внимания: одежда на девушке явно была куплена в бутике. Слава Богу, мужчины редко замечают такие вещи – иначе трудно было бы объяснить, почему она ездит на маршрутке, работает учительницей начальных классов, но при этом носит блузку за четыреста долларов.

«Это была вынужденная ложь, – решила про себя девушка, – и ложь последняя». Она затормозила перед отделением Сбербанка. Закрыв машину, вызывающе одетая, в тёмных

очках, она зашла внутрь, не сразу сообразив, где можно посмотреть таблицу лотерейных выигрышей. Потом подошла к крайнему окошечку, и кассирша, забрав билет, стала сверять его номер с цифрами, распечатанными в газете.

Девушка барабанила пальцами по пластмассовой стойке. Охранник, стоявший возле двери, ничего не мог с собой поделать и разглядывал её почти открыто, пока она не глянула тем особым образом, который легко доходил до такого рода людей. Охранник отвернулся, и в этот момент кассирша сообщила:

– Выигрыш – тысяча рублей.

Это соответствовало по курсу примерно тридцати пяти долларам. «Тоже неплохо», – улыбнулась девушка, забирая деньги и складывая их в сумочку. Она вышла из Сбербанка, села в «БМВ» и поехала по делам.

Не доезжая до консульства, она всё-таки решилась позвонить молодому человеку, и даже достала из сумочки миниатюрный мобильник. В этот момент её словно ударило током: номер телефона был записан на том лотерейном билете, который она только что отдала.

Чёрный «БМВ» круто развернулся и полетел назад.

В Сбербанке крайнее окошко, где она получала выигрыш, было закрыто: кассирша отправилась сдавать выручку. Полчаса, которые пришлось ждать, казались пыткой.

Девушка ходила по улице и, наверное, впервые пожалела о том, что не курит. Когда окошко открылось, она вбежала

внутри и в двух словах объяснила ситуацию.

Кассирша равнодушно ответила, что билет уже погашен и только что направлен с инкассаторской машиной в центральное отделение. Адрес такой-то.

Спрашивать о чём-то в центральном отделении оказалось бесполезно, потому что номер своего билета девушка не запомнила, а перебирать всю массу выигрышной лотереи билетов ради сомнительной версии, будто где-то записан чей-то телефон, служащие отказались. Кроме прочего, тут попахивало какой-то аферой... Не позвать ли милицию?

Девушка добежала до «БМВ», бросила чёрные очки на соседнее сиденье и рванула с места, направляясь в пригород – туда, где могла находиться физическая лаборатория, о которой упоминал паренёк. Она знала только его имя – Олег, – но и этого могло оказаться достаточно.

Лазерами, похоже, здесь занимались все – или, по крайней мере, каждый второй. Девушка пожалела, что не слушала, о чём тогда говорил её новый знакомый, потому что не смогла даже близко пересказать специалистам суть проблемы. Оставалось только обходить один университетский корпус за другим, задавая довольно странные вопросы о какой-то там информации, которая якобы считывается лазерным лучом.

В конце концов один из аспирантов, заинтересовавшийся скорее длиной её ног, чем сутью вопроса, в процессе беседы вспомнил, где находится что-то вроде экспериментальной мастерской, изготавливающей нестандартное лазерное обо-

рудование. Аспирант с грустью наблюдал, как она удаляется, и лишь вздохнул, когда дверца машины захлопнулась.

Из мастерской её отослали в лабораторию перераспределения энергии при воздействии лазера на твёрдую среду – по крайней мере, такое или похожее название она повторяла всю дорогу, чтобы запомнить. Олег работал именно там, но оказалось, что сейчас он находился в отпуске, и никто из присутствующих не знал номера его телефона. Говорили, будто он снимает комнату в коммуналке, потому что приехал из другого города и после университета шатается по разным адресам. Между собой сотрудники с улыбкой называли Олега теоретиком.

По крайней мере, теперь она узнала его полные данные: фамилию, имя и отчество, а также, как подсказал работавший здесь же его сокурсник, и год рождения. Девушка вышла из университетского корпуса в пригородный летний вечер и по мобильному телефону связалась с отцом.

– Мне нужен адрес, где он снимает квартиру, и его телефон, – сказала она. – Нет, здесь без криминала. Перед отъездом я должна ему кое-что передать, а человек оказался в отпуске.

– Но ты ведь даже в консульстве сегодня не была, – констатировал отец. – Не тяни с этим, всего два дня осталось: я ведь попросил там максимально всё ускорить.

В трубке отзывалась только тишина.

– Ты меня слышишь? – переспросил отец.

– Пока я не найду этого человека, в консульстве мне делать нечего, – сообщила девушка. – Так что поручи своим людям решить вопрос быстро.

Отец хорошо знал, что означает этот её тон.

– Уже поручил, – лаконично откликнулся он. – Приезжай, поговорим.

Она отключилась со связи и снова села за руль. Адрес будет известен не позже, чем завтра, но никто не гарантирует, что Олег вообще сейчас в городе. «Впрочем, это выяснится сразу», – подумала она.

Вечером состоялся напряжённый разговор с отцом, который ничем не закончился, а утром она уже ехала по адресу, который ей назвал человек, работавший на отца по специальным поручениям. Было рано – восемь или половина девятого, – когда она зашла в проходную парадную, пахнущую застоявшейся мочой, и поднялась на третий этаж. На звонок вышел хмурого вида мужчина в трусах и майке – видимо, он ещё спал.

– Никого у них нету, – безо всяких интонаций сообщил он. – Уехамши третьего дня. Почём я знаю куда? Говорил, в Новгородскую область, у него там мать живёт.

Через час она знала адрес матери Олега в деревеньке под Новгородом. Расстояние дотуда было километров двести, не больше, поэтому, выбравшись из Санкт-Петербурга на трассу, девушка вывела «БМВ» в левый ряд и вдавила педаль газа в пол.

Мать всё-таки спросила её вчера ночью, что происходит, и получила ответ, содержащийся в одной фразе. После этого мать целиком была на её стороне, так что рано утром даже перекрестила её, благословив, пока не видел отец.

Машина чёрной торпедой шла по трассе, обходя редкие попутные грузовички или семейные драндулеты, на которых дачники ехали за город. Асфальт под лучами солнца блестел, создавая видимость лужиц воды, если глядеть далеко вперёд над капотом. Встречные машины, на секунду поравнявшись, рвали воздух, словно газету, с резким сухим хлопком.

В Новгороде ей показали, в какой стороне находится выезд на шоссе, ведущее к нужному ей посёлку. Девушка, остановив машину, зашла в придорожное кафе, больше похожее на столовую советских времён, и наспех глотнула там кофе. Во рту было сухо от дорожной пыли, глаза чуть слезились. Её разглядывали все, кто находился в помещении: юбка у девушки не отличалась излишней длиной, поэтому ножки, в сочетании с полуоткрытой блузкой, приводили население в ступор. Ей было на всё это плевать, и она, выйдя на солнечную улицу, снова села в «БМВ». Становилось жарко, и девушка, тронув с места, включила кондиционер.

В том райцентре, куда она приехала через полчаса, находился даже небольшой аэропорт для самолётов сельскохозяйственной авиации. Вздымая пыль, на просёлке она оставила сбоку взлётно-посадочную полосу, представлявшую из себя более-менее утрамбованную землю, и, увидев

диспетчерскую, притормозила рядом. Нежаркое солнце плыло над низкорослыми сосёнками, а полосатый чулок, поднятый невдалеке на флагштоке и указывающий направление ветра, провис и болтался без дела.

Старый дядька, распорядившись полётами, ответил девушке с основательностью в голосе:

– К Матрёнину сыну, значит, в гости? То-то он и вернулся третьего дня... Значится, так: езжай, дочка, до первого просёлка налево, а там ихняя улица – крайняя. Домик у ней жёлтый, сразу увидишь.

Девушка измученно улыбнулась, и дядька добавил:

– Погоди. Выпей хоть кваску на дорожку, а то лица на тебе нету. Небось, натряслась по дороге.

Он вынул из холодильника бутылку, налил ей стакан вкуснейшего кваса и, пока она пила, глянул по-доброму и с хитрецей:

– Вот они, дела-то сердешные, да?

Девушка только кивнула, с благодарностью возвращая стакан, и они улыбнулись друг другу, понимая одно и то же. Он покачал головой, одобрительно глядя на девушку, а она в своих туфельках уже бежала к машине, чей чёрный корпус стал уже серым от придорожной пыли.

Ещё через десять минут безлюдная улочка посёлка уставилась всеми окнами своих домиков, наблюдая, как «БМВ» останавливается возле нужного дома и как девушка открывает калитку, пересекает двор и всходит на крыльцо. Распах-

нув дверь, ей навстречу появился Олег.

Он остановился и остался стоять, пока она не подошла вплотную и не сказала то главное, что несла в себе все эти дни.

Она сказала:

– Ты знаешь, я всё-таки выиграла по твоему билету. Поэтому что встретила тебя.

Он ничего не отвечал, всматриваясь в её глаза, в её лицо, и тогда она сообщила:

– Я тебе наврала насчёт учительницы и всё такое. Просто я давно живу будто заведённый автомат и делаю только то, что кажется полезным. Вся моя жизнь расписана и расчерчена, и тут появляешься ты! Но я уезжаю за границу, и хотела... В общем, хотела тебя перед этим увидеть.

– Заходи, – пригласил он.

– Нет, здесь давай поговорим, – попросила она, и оба они присели на перила. – Ты должен знать одну вещь.

Девушка поправила каштановые волосы, которые чуть двинул ветерок. Солнце падало ей на лицо, так что видны были её похожие на вишни тёмные глаза, которые смотрели открыто и твёрдо.

– Ты должен знать, что я тебя люблю, – сказала она. – У меня очень богатые родители, и всю жизнь я подчинялась каким-то правилам. Но теперь решила стать самостоятельной... и вот, видишь: начинаю. Может, по правилам так и нельзя. Но через неделю я уезжаю, и ничего, понимаешь, –

ничего не могу с собой поделатъ. Поэтому хочу тебя спросить: ты сможешь со мной сейчас вернуться в Питер? Хотя бы на два дня?

Она не отрывала от него глаз. В какое-то неуловимое мгновение, пока длился этот взгляд, молодой человек увидел в нём всё, что предшествовало появлению здесь этой девушки, и понял до самого конца, что же это появление означает для них обоих.

Он улыбнулся наступившему лету, своей молодости и счастью, которое входило в его дом. Он вспомнил, как ждал звонка всё это время и как уехал не дождавшись, потому что попросила мать.

– Конечно поедет, – как о чём-то само собой разумеющемся, ответил он. – Я же говорил, что билет с выигрышем! Думаешь, просто так тебе его подарил? Пойдём, я хотя бы с мамой тебя познакомлю. Э-э, что случилось?

Девушка внезапно побледнела и прислонилась к косяку.

– Понимаешь, устала я тут немного, – глядя на него, будто до сих пор не видела, произнесла она. – Ехала и всю дорогу слова про билет подбирала. Да и про всё остальное тоже.

Они стояли на крыльце обнявшись, а северное солнце светило так, как это бывает в хороший летний день, который длится долго.

Цикл «Такое разное счастье»

Консоме из свежих улиток с тмином

Вы спрашиваете, какие я сейчас испытываю чувства после случившегося только что триумфа, и хотите написать об этом в своей газете. Что ж, дорогая, включайте диктофон, я постараюсь объяснить это вашим читателям.

Когда мне было шесть лет, я сочинил моё первое блюдо: йогурт-кейк. Когда стал взрослым, освоил профессию повара и за двадцать пять лет работы придумал более тысячи рецептов. А после потерял зрение – что-то произошло с сетчаткой, и я практически ослеп. Поглядите на меня: импозантный высокий мужчина к пятидесяти, но при этом ничего не вижу, так что даже не могу, увы, оценить вашу молодую красоту... Вы ведь, по голосу, очень молоды... Но поверьте, я чувствую, как вы очаровательны, и в этом точно не ошибаюсь, хотя мир выглядит для меня светлым пятном, если глаза открыты, и погружается в полный мрак, когда я смыкаю веки. Вам это трудно представить – ну так зажмурьтесь покрепче и попробуйте встать и пройтись, сразу всё поймёте.

Остались помнившие работу руки и обоняние, которое, по мере того как угасали зрительные образы, стало заменять мне все прочие представления о мире. Как выяснилось, я

мог воссоздать все элементы блюд, над которыми работал, и определить степень готовности с точностью до минуты, если делать блюдо на открытом огне.

Я – повар штучного разряда, таких, поверьте, в мире немного. Коллеги очень сожалели о том, что со мной случилось: я ведь создал целую поварскую школу, где обучал не только тонкостям приготовления пищи, но и творческому подходу к её ингредиентам, отдельным составляющим.

Моими блюдами искренне восхищались такие великие актёры, как Николас Кейдж, и многие выдающиеся политики. Но дело не в громких именах, а в качестве приготовления, которое ничуть не изменилось с тех пор, как я ослеп. По запаху я теперь гораздо точнее понимаю, когда и какие компоненты требуется добавлять в пищу, а когда блюдо сделано, аромат в целом подсказывает мне, удалось ли достичь желаемого.

Да, вы правы, я стал легендой ресторанного дела после того, как начал готовить вслепую. Это и вправду так. Но по-настоящему в это можно поверить только сейчас, когда для того, чтобы подтвердить своё высокое место среди профессионалов, я имел честь принять своих коллег – пятьдесят лучших поваров Америки, по одному от каждого штата. Чтобы не возникло мысли о каких-то подтасовках, я прилетел в Сан-Франциско и в присутствии высочайших и привередливейших знатоков сотворил то, что и должен был сотворить.

Я создал невероятное меню – пожалуй, самое дорогое за

всю мою жизнь. Вы только не подумайте, что использование дорогих или изысканных продуктов обязательно даст на выходе какое-нибудь сверхблюдо! Хороший повар может приготовить классную еду из простых составляющих, лишь бы они были качественные и свежие. Но в этот раз мне доставили искомое из Франции – через океан. В меню вошли: консоме из свежих улиток с тмином, фуа-гра в сотерне с мини-артишоками и зелёной фасолью, тюрбо с эмульсией из лангустина, оленина со свежими трюфелями... Короче, свой бенефис я оформил так, как если бы композитор отыграл свой лучший симфонический концерт, что-то вроде.

Вы слышали, какие в мой адрес гремели аплодисменты. Вся моя жизнь вела к этому моменту, и вам остаётся лишь догадываться, что же я чувствовал в течение нескольких лет, когда тьма вокруг меня сгущалась, а я не знал, что делать, и разъезжал по разным клиникам в надежде остановить беду. Теперь я получаю глубокое удовольствие, если людям нравятся мои блюда, точнее – творения, ведь я знаю, что это по-настоящему качественные изделия: обоняние меня не подводит.

Я и людей различаю теперь по запаху: читаю их характеры, а иногда и помыслы. Можно лгать словами, но обоняние расскажет мне обо всём, что вы хотели бы скрыть. Например, я знаю, что вчера вы напились, а сегодня, как и всегда в последнее время, рассчитываете на близость с мужчиной... точнее, хотели бы близости. Не с кем-то конкретным, а вооб-

ще – с мужчиной, отсутствие которого в вашей жизни стало печальной правдой. Вы не понимаете почему? Всё дело в вашем внутреннем напряжении, неверии в будущее. Это скоро закончится, ведь вы слишком сильно хотите, чтобы кто-то появился в вашей жизни, а значит, всё произойдёт именно так, как вам мечтается. Не опускайте рук! До свидания.

...Мужчина поднялся, взял белую трость и двинулся прочь сквозь анфилады гостиничного пентхауса. Высокий и широкоплечий, в рубашке и лёгком свитере, он шёл, почти не сбиваясь с маршрута и не останавливаясь. Девушка щёлкнула кнопкой диктофона, открыла запись чуть назад и прослушала отрывок, чтобы убедиться в качестве воспроизведения. Удовлетворённо кивнув, она положила диктофон в сумку.

Появился служащий отеля – он помог девушке подняться и проводил к лифту. Она опиралась локтем на его согнутую руку и придумывала подзаголовок к завтрашнему интервью – на первой полосе местной газеты, что-то вроде: «Слепой берёт интервью у слепого», – или: «Им было о чем сказать друг другу и о чем помолчать». Свою белую трость девушка держала в той же руке, что и сумку, на глазах у неё были тёмные очки. «Вообще, – подумала она, на данную тему стоило бы написать большую статью – из разряда тех, где человек может всё, если захочет. По крайней мере, это могло бы стать комментарием, который сопровождает беседу».

Она чувствовала: интервью получится чрезвычайно удач-

ным и заставит людей всерьёз задуматься. Мешало одно: она не знала, что такое консоме из улиток, и тем более никогда не пробовала такого блюда. Можно было, конечно, зайти в хороший ресторан и заказать консоме из свежих улиток с тмином, предварительно осведомившись о цене. А потом, в комментарии, вскользь упомянуть свои вкусовые ощущения, придав им необходимую пикантность, чтобы у читателя появилась слюна на языке.

Главным, однако, было передать слова мастера от первого лица: это казалось предпочтительнее любых экскурсов в поварское искусство – на чём и следовало остановиться.

Спустившись на лифте в сопровождении портье, девушка оказалась в просторном гостиничном холле, где её сразу окружил неявный шум шагов и голосов. Постукивая тростью, она безошибочно двинулась к выходу и оказалась на улице.

Ей вспомнился уверенный, спокойный и сильный голос мужчины, у которого она брала интервью. Привычная тоска последних месяцев внезапно отступила. Девушка стояла и прислушивалась к себе, вспоминая те слова, что проронил по поводу её судьбы слепой мастер.

Солнечные лучи согревали её лицо и руки, и становилось очевидным (как это только что окончательно и бесспорно выяснилось), что ничего невозможного нет.

Девушка улыбнулась этому новому своему ощущению и отправилась в редакцию – набирать текст.

Грёзы юности

Он всегда был человеком творческим, хотя в свои сорок пять не особо себя реализовал: то ли писатель, то ли художник. Вот почему он сочинил для себя эту игру, будоражащую воображение и вызывающую выброс тестостерона. В интернете он выставил фотографию 16-летней девушки и стал от её имени искать себе подружек в социальной сети, чтобы не просто с ними общаться, а делиться главными новостями. Какими? Да о мальчишках же, конечно, о своих якобы с ними отношениях, которые этот писатель тут же придумывал, и о самых первых интимных переживаниях, вплоть до неловких попыток любви. Ему отвечали вполне откровенно, а он смаковал детали, визнавая их у девчонок, и, подстраиваясь под примитивный молодёжный сленг, раскручивал собственные сериалы с продолжением, продолжая со сладострастием вникать в чужие истории. Иногда он давал подружкам вполне дельные советы, маскируя свой житейский опыт под обычный здравый смысл. Он призывал, например, к осторожности, когда у какой-нибудь девчонки всё шло с её женишком к кульминации, а когда на том конце интернета плакали по поводу расставания, он (то бишь девочка, за которую он себя выдавал) с горечью декламировал сентенции типа: «Я же тебя предупреждала». Он вёл себя так, словно сам был девушкой-тинейджером, и считал, будто этот опыт поможет

ему когда-нибудь написать роман, подобный «Лолите». Но в глубине души в основе всего (в гораздо большей степени, чем творчество) лежала самая обычная похоть, поскольку в силу возраста он не мог в реальной жизни делать то, что диктовало пылкое воображение, а во время виртуальных сеансов связи это оказалось вполне доступным.

Он подсказывал девчонкам всевозможные вольности, якобы проделанные той, чьё фото он выставил в интернете, а потом получал от них ответы, как именно они воплотили его фантазии в своей девичьей жизни и что, например, получилось, когда за всем этим неожиданно застал папа. Он делился ощущениями, которых попросту не мог испытывать, и поэтому их придумывал – а девчонки, искренне поверив в его игру, делились собственными радостями, которые заставляли его помногу раз перечитывать их сообщения и воочию представлять происходившее.

Потом он начал присылать подружкам откровенные фото, скачанные с нескромных сайтов, и делиться впечатлениями от картинок. Некоторые девочки на это откликались, некоторые плевались с негодованием, но кое-кто рассказывал ему истории из собственной юной биографии, где уже встречались подобные сцены. Правда, описывались по большей части чувства, а не физиологические подробности, которые его больше всего волновали, но в конце концов всплывали именно подробности, в неуклюжем детском отображении представлявшие из себя наивную прелесть, столь любезную его

опытному восприятию.

Помимо жены, у него была тридцатилетняя любовница, у которой он иногда бывал в гостях. Там тоже имелся компьютер, и, разжигая страсть, он иногда заходил с него на свою почту и вёл переписку с девчонками, подстёгивая их эмоции. Он взахлёб мог рассказывать подружкам о встрече со взрослым мужчиной и как это всё бывает интересно (до главного, конечно, не доходило, но сама ситуация...), а от них порой получал в ответ такие описания, что диву давался, как далеко продвинулась во многих вопросах молодёжь. В свои далёкие шестнадцать лет он таким, как они, конечно же, не был, а если бы знал тогда, как обо всём судят девчонки, шалостям его не было бы удержу.

Он и теперь, начитавшись их писем, шалил иногда со своей знакомой, представляя её юной школьницей, отчего всё получалось как-то по-молодому, во всяком случае – совсем не так, как складывалось с женой. Жена всегда была одинакова, но в этом тоже крылись свои преимущества, потому что можно было не задумываться, как себя вести. Каждый получал своё, и это устраивало обоих. А вот в интернете он разжигал у любой своей знакомой абсолютно иные эмоции и вместе с ней проходил особый путь первых ошибок, наказаний за которые молодые девчонки ещё не ведали.

Работа по обслуживанию телефонных сетей позволяла ему иметь много свободного времени, и он тратил его на переписку в интернете. Однажды он сидел за компьютером

у своей любовницы и так увлёкся, что, когда женщина буквально силком затащила его в постель, так не вышел из пошты. После любви он уснул, а ей зачем-то потребовался компьютер, и вся его игра оказалась перед её глазами.

Женщина читала его переписку с девчонками больше часа, и от подробностей ей становилось плохо. Потом она стёрла все письма без исключения – и его послания, и их ответы, – разбудила мужчину и, собрав его одежду в кучу, выбросила на лестницу, куда затем вытащила за руку и самого любовника, полусонного и ничего не понимающего.

Захлопнув за ним дверь со словами: «Убирайся к своим девкам!», женщина отправилась в спальню, сорвала с кровати постельное бельё, на котором он только что лежал, и отнесла его в стиральную машину. Больше всего её убивало то, что многие из описанных им от лица девочки-подростка ощущений она реально испытывала с этим мужчиной, а от его «упражнений с пальчиком», как он ласково называл такие вещи, она приходила в самое заветное своё состояние. Теперь выяснилось, что об этом её состоянии знал весь интернет, а то, что конкретного её имени не называлось, значения не имело.

Слово «подносок» было самым мягким из тех, которые произносились в адрес писателя, придумавшего себе безобидное, в общем-то, развлечение. Другие слова в его адрес, сорвавшиеся с языка любовницы, носили фольклорный оттенок и с трудом переводились на иные диалекты.

Когда он внезапно исчез из интернета, а фотография почти невинной шестнадцатилетней девушки, чьи подружки привыкли уже к её впечатляющим письмам, испарилась без следа, многие интернет-девчонки обиделись или недоумевали. Главной версией являлось то, что их подругу «засекли» родители, после чего ей стало невозможно пользоваться компьютером, а сама она, скорее всего, оказалась под плотным контролем. Больше всех переживала по этому поводу одна из самых активных подружек, она переписывалась со всеми участниками этой молодёжной тусовки, но больше всех общалась с «девочкой», фотографию которой писатель выставил в интернете. Однажды прислала им всем своё фото обнажённой, хотя и со спины. Общий комментарий к своей фотографии она дала следующий: якобы у неё имеется знакомый профессиональный фотограф, она к нему периодически ходит, пьёт кофе в его мастерской, фотографируется в разном виде, например с хризантемами, прижатыми к груди, но всегда почти без одежды («Смотрите, девчонки! Правда, классно?»). Потом в переписке с девочками она рассказала, как в фотостудии погас свет – видимо, выбило предохранитель, – а потом произошло такое... знаете, такое, когда всё воспринималось на ощупь... В самый интересный момент письмо прервалось, что сделало историю совсем интригующей.

Подружка эта, со всеми её портфолио, была точно такой же подставной фигурой, что и та, которую раньше придумал похотливый писатель. Интернет предполагал удовлетво-

рение самых разных грёз и фантазий, и вот мужик под сорок, после развода решивший начать жизнь заново, размещал от имени молодой девчонки письма и получал ответы. Особенно его возбуждал обмен мнениями с той шептунной, изображаемой писателем девушкой, которую, по версии, потянуло на подвиги (сначала в интернете, а потом, похоже, и в жизни).

В итоге вся история сводилась к тому, что два взрослых мужика – писатель, ищущий остреньких ощущений, и разведённый фотограф – вели друг с другом переписку от имени двух весёлых девчат, и каждый из них не знал, какую игру с ним ведут. Зато для всех прочих участниц шоу это стало настоящей школой первого чувственного опыта: два десятка девочек попали в общий круг любительниц поделиться впечатлениями и понять, что же такое мужчина – на вкус, на цвет и на ощупь.

Самой старшей из них было семнадцать лет.

Старшая и оказалась той дурочкой, которую два взрослых дяди учили грамоте с первых взрослых шагов. Она делилась с ними своими охами и ахами, описывала впечатления от мальчиков, с которыми дружила раньше, и не знала, что делать потом. Если бы не эти уроки, девчонка, конечно, до многого не додумалась бы и не дочувствовала за всю свою последующую взрослую жизнь.

Взрослая жизнь началась у неё сразу же, как только «подружка» предложила познакомить её (разумеется, случайно)

со своим фотографом, который на самом деле сам всё это и организовал, а теперь сидел, изображая одиночество, в кафе. За соседний столик, как он и задумал, села девушка из сети, от «подружки» заранее знавшая, какое у него, фотографа, нежное сердце, отважный характер и светлый ум. Спустя короткий срок не было уже силы, которая могла разъединить восемнадцатилетнюю дурочку с опытным и даже можно сказать, мудрым, но таким несчастным в душе мужчиной, которого отчего-то хотелось пожалеть. Они встречались каждый день: кино, боулинг, дискотека и, трудно поверить, музей, так что девушка вскоре стала обмирать, глядя на телефон, где во время его звонка высвечивалось дорогое лицо улыбающегося мужчины.

Она писала сдержанные короткие письма на его почту, боясь сказать лишнее, и безудержные, взхлёб – своей интернет-подружке, то есть ему же, выстраивавшему всю игру. Он отвечал ей, и это были прекрасные письма на отвлечённые темы, а от лица подружки давал нужные советы, подталкивая к каждому следующему шагу, который она затем и делала – навстречу своим чувствам. Ну и, конечно, навстречу постели фотографа.

Вот тут и произошло самое интересное. Когда-то в юности фотограф мечтал о любви, в которой пропадёт с кем-то вместе и которую отождествлял со счастьем. Жизнь, естественно, внесла коррективы, от которых иногда хотелось удавиться. Позитивного финала в данном направлении явно не про-

смастривалось, и к тёртым его сорока годам это стало очевидным, а вот теперь, словно мечта из юности, возникла эта девчонка, которую он словно бы создавал собственными руками, разбудив в ней то лучшее, что, казалось, навсегда заснуло в нём самом.

Девчонка стала нужна ему не меньше, чем он ей. Фотограф не успел даже заметить, как въехал вдруг в собственную юность и почувствовал себя влюблённым мальчишкой. Вообще-то, следовало над этим подумать, но думать уже не хотелось – хотелось летать.

Они с девочкой начали словно бы невзначай соприкасаться руками, а потом случился первый беглый поцелуй, которого ждали оба и после которого в её письмах к подружке появилось слово «люблю» с таким количеством восклицательных знаков, что они заполнили весь экран ноутбука. Она хотела... нет, она грезила, чтобы на первой чистой странице её судьбы оказалось написано именно это главное слово. Она хотела только так, а не иначе. Мужчина пригласил её в гости, потому что любовь, чтобы состояться, не нуждалась более в промедлениях.

...Она родила ему троих детей: мальчика и двух девочек. Муж её действительно оказался таким, каким она его и представляла из писем «подруги»: сильным, умным и нежным. Он помог ей окончить педагогический вуз и спустя время устроил в консультационную фирму, занимающуюся решением семейных конфликтов. Он попросту не мог не соответ-

ствовать высоким критериям, которые к нему предъявляла молодая жена, и, кстати, сам помолодел внешне. За то время, пока подрастали дети, он создал компьютерное направление по спецэффектам для фильмов и сильно продвинулся со своими технологиями, по праву став в этой сфере одним из ведущих специалистов. Другьям он рассказывал, что причина его успехов – любовь, и был недалёк от истины.

Теперь, когда с обложек некоторых книг по семейной психологии на читателя смотрят глаза его жены – повзрослевшей, доброжелательной женщины, – можно с уверенностью сказать, что за каждым её словом кроется желание сделать нас счастливыми. В этих книгах до нас доводят простое правило: чтобы грёзы сбылись, нужно очень этого захотеть.

А прочее случится само.

Фирма «Next»

В полуподвальные окна кафе пробивался летний вечерний свет.

– Не бывает такого, перестань сочинять, – заявила рыжеволосая голубоглазая девушка, продолжая посасывать через трубочку свой коктейль. Губы у неё вытянулись и слегка напрыглись: вряд ли она проделывала эти манипуляции умышленно, но на спортивного вида парня, сидевшего с ней лицом к лицу за столиком, это должно было произвести нужное впечатление. Тот был аккуратно пострижен, хорошо выбрит и одет в модный свитер, обтягивающий фигуру.

Воображения девушке явно не доставало, так что парень с некоторым сожалением окинул её взглядом. Они были хорошо знакомы, и, несмотря на её привлекательность, доброту и общительность, широкой фантазией девушка не отличалась.

Вечером здесь всегда бывало накурено, компании там и сям шумно беседовали, и парень мог говорить, не опасаясь, что его услышат.

– Не хочешь – не верь, – сказал он. – Только я с завтрашнего дня выхожу там работать, притом что буду самым молодым сотрудником. Моё имя даже в рекламе указано, на входе щит специальный поставят. Двадцать два года, высшее образование, рост, вес и всё остальное. Видишь, даже постригся.

– Реально... есть такой магазин?

– Говорят же тебе! Вход разрешён только женщинам. Они там появляются и начинают выбирать...

Девушка недоверчиво слушала с не донесённым до рта коктейлем. Пухлые, красивые её губы застыли, полуоткрытые.

– ...выбирать себе мужа на месяц, – продолжил парень. – Знакомятся с его биографией, перечнем привычек: всё это в специальной рамке вывешено возле того места, где мой номер 148. Предполагает претендент разное счастье. Тот, к примеру, может сидеть на кресле, или работать в мастерской за верстаком. Интерьер подбирается для каждого индивидуально. Мне, к примеру, оформили место под спортзал, поставили пару тренажёров, гантели на стойке разместили... Стану качать периодически мускулы – на глазах у прекрасных дам. Они просмотрят информацию обо мне, а заодно и понаблюдают... в натуральном виде. Тех мужиков, которые постарше, сажают за письменный стол или, к примеру, на диван – с газетами. Они располагаются поудобнее, читают, а на них женщины смотрят.

Девушка так и продолжала сидеть, не только раскрыв теперь рот, но и распахнув голубые глаза, потом залпом допила коктейль и попросила ещё. Молодой человек поправил свитерочек, подозвал официантку и заказал: себе – кофе, ей – крепкий алкоголь и сок.

– Если выберут тебя, что нужно делать? – спросила девушка.

– Во-первых, подписывается контракт, и в течение месяца я обязан выполнять для покупательницы то, что называется супружескими обязанностями. О них составляется отдельная бумага, там расписано всё – от мытья посуды до походов в театр или загородных поездок.

– А про... это, – спросила девушка, сделав большой глоток и даже не запивая соком, – тоже контракт?

Рыжие волосы падали ей на лицо, она отводила их ладонью. Жесты не отличались чёткостью.

– Конечно, – удивился парень вопросу. – К примеру, нельзя пожилому человеку навязать какие-то запредельные вещи. Там всё указано. Я тебе говорю: каждый пункт пропечатывают, даже мытьё полов и пылесос для ковра в спальне, что за кем закреплено. Жильё, естественно, обеспечивает женщина, продукты и рестораны оплачивает тоже она.

– И?..

– Заключив контракт, дама идёт платить в кассу. С этого момента покупка считается состоявшейся, и она со своим избранником уходит. Месяц он живёт у неё, везде сопровождает и делает всё, о чём записано в контракте. По инструкции, он должен пытаться её в себя влюбить, любые конфликты исключаются. Конечно, перед тем как пойти с дамой, мужчина должен согласиться – нельзя же что-то через силу делать. Но потом всё у них должно быть тип-топ, идеальненько.

– Ну а если всё-таки выйдет ссора? – удивилась девушка и снова выпила, с сожалением поглядев на опустевший бокал.

Парень заказал ей ещё порцию.

– Какая там ссора! – снисходительно улыбнулся он. – До этого нас два месяца тренировали на курсах нейролингвистического программирования, плюс учили актёрскому мастерству, с гороскопами заставили практикум пройти... Нужно так угождать клиентке, чтобы она снова в этот магазин прийти захотела. Но по правилам нельзя больше месяца находиться в контакте с одним мужчиной – это может войти в привычку, да и у мужчин появляется психологическая усталость... Возможны срывы. А магазину репутация важна.

Девушка нетрезвым жестом попросила взять ей ещё один коктейль: без этого осознать происходящее было трудно.

– Выходит, вы там все – идеальные мужья, только возраст у вас разный... Обученные. – Она думала вслух. – И не больше, чем на месяц. А потом вас... куда?

– Потом женщина должна вернуть в магазин товар, то есть своего мужчину, и обязательно написать отзыв обо всех его достоинствах и недостатках. Тогда с учётом характеристики ему выплачивается премия и он снова может выставляться в магазине. Ему на демонстрационное место прикрепляют табличку «Next», что означает «Следующий», то есть такого мужчину уже кто-то приобрел и с благодарностью вернул. Это почётно. А тех, кто не справился, увольняют.

– Но если женщина не захочет его возвращать? – возмутилась девушка. Она уже была настолько пьяна, что даже не старалась скрыть своего возмущения за весь женский пол. –

А вдруг у неё возникло чувство?!

Молодой человек сделал глоточек кофе, потом участливо и даже с какой-то отстранённой жалостью глянул на спутницу:

– Если мужчина с ней останется, он потеряет свой огромный заработок, которого нигде и никогда больше не получит... Знаешь, сколько в этом магазине платят? – Он нагнулся к девушке и назвал цифру. – Представь, это не за год, а всего лишь за месяц, плюс ещё столько же премиальных. К тому же сама пойми, какой опыт появляется: живёшь-то с разными женщинами, интересными каждая по-своему, стараешься сделать их счастливыми... Получаешь удовольствие, да ещё и деньги платят. Почему, например, я сегодня только кофе пью? В контракте написано: за два дня до выхода на работу – ни капли алкоголя.

Девушка с горечью поглядела на спутника. Она уже не старалась убрать падающую на лицо рыжую прядь.

– Это не магазин, а пункт проката какой-то, – сообщила она с интонациями, близкими к истерике. – Я думала, у нас с тобой получится наконец-то хороший вечер... Почти три месяца знакомы, всё так замечательно было – а ты вон какие гадости мне рассказываешь! Честно сказать, я сегодня совсем другого свидания ожидала.

– Почему «гадости»? Вспомни: когда я за тобой ухаживать начал, ты мне сколько претензий выкатила? Всё во мне не так было: и неуживчивый, и профессию себе не выбрал, и де-

нег не зарабатываю... А теперь погляди-ка: в фирму «Next» кого попало не возьмут!

Он белозубо расхохотался, глядя, как она на него смотрит, и продемонстрировал ей напряжённый бицепс.

– Представь, – сказал он, – когда я ещё практикантом в фирме был, видел такую сцену. К открытию магазина собралась перед дверями группа женщин, ровно в десять утра заходят внутрь и разбредаются по отделам – товар смотреть. Одна, лет двадцати пяти, вполне привлекательная, остановилась возле мэна среднего возраста, он ей улыбнулся, она ему тоже. Потом, видимо, решила, что посмотрит на других, сравнит, выберет... Никого себе подходящего не нашла, возвращается, чтобы забрать того мэна, а его уже другая дама, побойчее, увела, контракт подписала и в кассе на него чек пробивает! Та, молодая, в слёзы, кричит: я его первая заметила! А которая постарше в ответ: ты его заметила, а я его взяла!

Девушка чуть не плакала, пухлые губы её дрожали.

– Слушай, Павлик, – сказала она, – а почему бы нам... ну вот прямо сейчас... не поехать ко мне? Предки на даче, музыку послушаем, а до завтра ещё далеко. Может, ещё расхочешь в своей фирме работать, а? Если честно, я ведь нарочно тогда тебе всякую ерунду городила, ты мне с самого начала очень нравился – просто не знала, как под твоим натиском себя вести. Ты ведь не сердишься, а? Ну как?.. Тут две остановки всего, и мы дома.

Тот, кого она назвала Павликом, сделал вид, будто размышляет. Девушка положила на его руку свою ладонь, и он, словно бы окончательно решив для себя что-то, благожелательно кивнул:

– Поехали.

Она разве что в ладоши не захлопала. Молодой человек рассчитался, они встали и двинулись между столиков к выходу: рыжая девушка впереди, чуть покачиваясь на каблучках, он – сзади, энергичный и высокий. По дороге молодой человек мельком глянул в зеркало и помахал сам себе рукой – в знак того, что всё сложилось именно так, как и затевалось.

В фирму «Next» он, конечно же, завтра не поедет, потому что такой фирмы попросту не существует. Однако же до поры это следовало держать в строжайшем секрете.

Подруги

Мы знали его более-менее близко и ценили в нём бодрый дух и какую-то неуёмную энергию. Он никогда не унывал.

Это был крупный, увесистый мужчина, и даже когда он стал чиновником, то не утратил своей привычной жизнерадостности. Видимо, понимал, что через некоторое время уйдёт в бизнес, и поэтому работал так, чтобы не особо пачкать руки в коррупции.

Его постепенно продвигали по службе, пока не сделали вице-губернатором: идти выше ему самому было не нужно, да никто бы его и не пустил. На этом посту власть, деньги и умение ко всему легко относиться сослужили ему хорошую службу. Правда, времени на личную жизнь почти не оставалось, но это с лихвой компенсировалось теми возможностями, которые предоставляла должность.

Мы знали, что с женой он начал разводиться ещё четыре года назад, но там всё было сложно, потому что имелись дети и на жену оказалась записана довольно большая совместная собственность. К тому же, как и все женщины, она ждала, что всё может повернуться иначе, и всячески оттягивала развязку. В свою очередь, ему было некогда заниматься формальной стороной дела, а нанимать адвоката, чтобы тот рылся в семейном белье, не хотелось. Поэтому вялотекущий этот процесс завершился только в прошлом году, после чего

они с бывшей женой выпили шампанского и разъехались в разные стороны: он – кататься в Альпах на горных лыжах во время короткого зимнего отпуска, она со вполне взрослыми уже детьми – в коттедж под Москвой, оставшийся за ней после развода.

Вернувшись, он всем объявил о своей помолвке. Оказалось, эти годы он жил с девушкой из танцевальной труппы, которая рядом с ним казалась ещё более хрупкой и миниатюрной, чем была в жизни. Блистать на сцене девочке полагалось до тех пор, пока ей не наденут кольцо на палец. Да она и сама была не против, поэтому ждала и ждала, когда ей сделают предложение. Он вернулся с горнолыжного курорта – загорелый, весёлый и, как всегда, словно переполненный электричеством; от него во все стороны летели искры, а смеялся он по-хозяйски громко и заразительно. Девушка купила подвенечное белое платье, и тогда он сделал ей действительно царский подарок: бриллиантовое кольцо, деньги на которое, как он туманно объяснил нам, интересовавшимся, остались ещё от прежней жизни. Темнил, конечно, но мы всё понимали.

Папарацци тиснули было в газетёнках фото, где он оказался заснят со своей танцовщицей на краю бассейна в Ницце, но скандала не вышло, поскольку ничего нового во всей истории уже не обнаружилось. Наоборот, легализация отношений только привлекла симпатии публики: он ведь и вправду собирался жениться – смотрите, какой честный!

Как раз в это время он и погиб. Глупая смерть случилась на дороге из города в город: водитель, зная характер шефа, который никуда не любил опаздывать, гнал по скользкой трассе и не рассчитал обгона, так что всё произошло мгновенно и страшно. Встречный крупнотоннажный грузовик не успел даже начать торможение, когда машина нашего чиновника оказалась прямо перед ним; после лобового удара что-то захрустело под бампером и колёсами грузовика, и всё кончилось.

Хоронили его всем городом. За не очень долгую свою жизнь он никому не причинил вреда, наоборот, как выяснилось, многим помог. Друзей он не предавал, детям сумел дать хорошее воспитание, а то, что у него не сложилось с первой семьёй, – с кем не бывает? По мере возможностей жил он честно, и это признавали все. Прошло почти полгода, и в прессе перестали упоминать его имя. Вот тогда-то вся история и случилась, ровно за неделю до того дня, в который родственники и бывшая жена готовились отметить траурную дату, как и положено по традиции.

Рассказывали, что в его квартире раздался телефонный звонок. Мать взяла трубку и долго вслушивалась в чужую речь. Потом тихо охнула, села на стул рядом с телефонным столиком и взялась рукой за сердце. Пришлось вызывать скорую – еле откачали.

Оказалось, что кроме той танцовщицы у нашего знакомого была за границей ещё одна семья – да такая, что только

держись! Мулатка, фотомодель, красавица: видимо, у него было пристрастие к таким дамочкам. От пристрастия там появился на свет темнокожий ребёнок – не совсем, конечно, негритёнок, но уж точно не белый. Ребёнку исполнилось почти два года, так что не составляло труда подсчитать, что двойную жизнь (и даже тройную, если учитывать не разведённую тогда ещё жену) наш знакомый вёл аккуратно четыре года подряд.

Зачем позвонила та, из-за границы? Несложно понять: хотела получить долю наследства. По закону, она имела право подать в суд, готова была на генетическую экспертизу и так далее. Весть разнеслась по всей округе со скоростью ветра: не успевал кто-то закрыть рот, как десять других эту тему вновь уже обсуждали.

Естественно, несостоявшаяся невеста чиновника всё узнала чуть ли не первой. Его бывшая жена, мягко говоря, танцовщицу не жаловала, справедливо считая разлучницей, а уж теперь и вовсе радовалась вперемешку со злостью, как если бы за неё, то есть за жену, отомстили тем же способом: увели мужика буквально из постели! Не нужно объяснять, что такое оскорблённое дамское самолюбие. Когда эта месть свершается, нет предела злорадству и торжеству! И впрямь унижение нашей танцовщицы в глазах всего города было полным и безоговорочным, но всех мучил вопрос: что же будет с наследством?

Танцовщица, понимая своё положение, решила хоть как-

то отыгаться: она подала заявление в адвокатскую службу, которая занималась посмертным разделом имущества, и встала в очередь потенциальных наследников, готовясь доказать, что имеет право на что-то претендовать.

Назревала драма. Многожёнство никогда до добра не доводит, а тут на части рвали уже не имущество, а имя покойного. Приехал зарубежный адвокат той фотомодели, и от её имени в последний день, положенный по закону, тоже подал претензию на часть наследства. В городе только и разговоров было, что об этой истории.

Три дамы друг с другом, естественно, не разговаривали – хотя, если разобраться, то им было бы чем поделиться. В конце концов, они любили одного и того же человека, а теперь выходило, что своим поведением, этой тяжбой, они втоптывали память о нём в грязь. Смерть должна примирять людей, а здесь – сплошные раздоры... Неправильно это было, да что поделывать.

Прошло ещё полгода, пока адвокаты рассматривали все вопросы, но так ни к чему и не пришли, и отослали дело в суд. Стояла зима, подходила дата годовщины смерти нашего знакомого, и тогда весь город в очередной раз ахнул.

Поминальный стол накрыли в его просторной квартире, и там, в траурном убранстве, встретились все три его жены – одна бывшая, одна несостоявшаяся и одна заграничная, темнокожая, приехавшая к нам со своим маленьким кучерявым ребёнком. Его называли по-русски Егоркой, и мулатка пояс-

нила, что именно так хотел его отец.

Все три женщины вели себя словно хорошие подруги, не давая ни малейшего повода для сплетен. В конце концов на следующий день они составили совместную бумагу в суд, где приняли общее любовное решение. Кому и чего они там отписали – дело десятое, но сам по себе этот поступок в памяти у нас остался прочно.

Вот, собственно, и вся история, разве что остаётся добавить один нюанс.

Танцовщица из нашего города вскоре уехала – уж больно она здесь оказалась на виду. Говорят, будто та мулатка помогла ей устроиться в какой-то зарубежный коллектив, и теперь она колесит по всей Европе, выступает и, кажется, имеет успех. Ну и слава Богу!

Мои трусы на его балконе

Я, конечно, не шибко богатый, но на жизнь хватает. Работаю инженером в крупной фирме. Ну, из тех, что обосновались не только у нас, в российской глубинке, но и по всему миру: связь, ай-ти технологии. Возможно, с моими талантами стану менеджером отдела. У начальства я на хорошем счету, работу свою знаю неплохо. Расту.

Раз в году мы с женой уезжаем в отпуск за границу. На пару недель. Сына и дочку оставляем моим родителям. Стараясь побывать там, где ещё не случилось. Начали, как водится, с Турции и Египта. Потом, ради гонора, на Канары слетали, изображали состоятельных господ. А вот в Австралию или на Кубу попасть не удалось – билеты слишком дорогие.

В прошлом году мы оказались во Вьетнаме. И не пожалели! Во-первых, там очень доброжелательные люди, всё время улыбаются. И очень хорошее отношение к русским. Во-вторых, нам достался шикарный отель. Обслуживание по первому классу и любая кухня. Хочешь – европейская, хочешь – восточная. Когда мы ещё только выбирали этот отель в агентстве, нам рассказывали про это всё. Но мы думали, реклама. Оказалось, так и есть. Просторный номер, несколько ресторанов, спортзал, бассейн – хоть наружу не выходи! А если всё-таки выйдешь, вокруг пляж с чудесным золотым песочком. Жена у меня много работает, она бухгалтер, да ещё быт

на себе тащит. Так что во время отдыха поваляться на пляже для неё – в самый раз.

Я мужчина крупный, высокий. В свои тридцать восемь выгляжу внушительно – в молодости штангой баловался. Вьетнамцы рядом со мной – как дети, даже неловко вначале было. Но я читал про их историю, как они обломали Америку. Твёрдости этим ребятам не занимать, в этом они похожи на нас, русских. Поэтому к вьетнамцам я отношусь с большим уважением. Малый их рост ни при чём.

В общем, мы приехали, расположились. Съездили с гидом на обзорную экскурсию. Вечером спустились с женой в ресторан. Зал уютный, народу немного, а русских и вовсе никого.

Я люблю наши компании за границей. Мы народ шумный, весёлый, вчера ещё знать друг друга не знали, а сегодня уже сидим за столом в обнимку. Песни, смех – одним словом, гуляем! Как-то раз прямо в одежде, с часами, в обуви ныряли в бассейн на Новый год. Конечно, бардак, зато весело. Я против того, чтобы заставлять, например, немцев где-нибудь в Хургаде 9 мая ходить с поднятыми руками и кричать: «Гитлер капут!» Наши иногда лишнее вытворяют. Но в пределах отчего бы не повеселиться? В крайнем случае скинемся, заплатим в отеле штраф – и всё, не доводить же до полиции. Мы не хулиганы какие, мы – русские! Отдыхаем от души и платим тоже от души. Так что никто на нас не в обиде. В общем, мы спустились с женой в ресторан. Там за столиком в

углу сидела очень странная парочка. Старик – он был в цветастой рубашке с короткими рукавами. Кожа у него на лице и на руках казалась какой-то потрескавшейся и тёмной. Я сразу назвал его Ящерицей. С ним – красивая девушка, сама светловолосая и одетая во всё светлое. Очень элегантная. Сидели эти двое друг напротив друга и о чём-то разговаривали. Когда мы с женой оказались за столиком поодаль, мне был виден профиль Ящерицыной спутницы. Иногда длинные волосы падали ей на лицо, она их легонько поправляла.

Я посмотрел на неё, и всё во мне похолодело. Такое со мной уже случилось однажды, много лет назад, и теперь вспомнилось очень редко. Даже дыхание перехватило. Потом я взял себя в руки, будто ничего не происходит. Мы с супругой заказали ужин. Сначала мне принесли пиво и поджаренные хлебцы, а для жены – бокал красного вина. Я волей-неволей наблюдал за той парочкой. Получилось, что мы за своим столиком устроились так, что эти оба находились у меня перед глазами. Девушка вообще ни разу не повернула головы в сторону зала, смотрела только на старика. Они заканчивали ужин. Говорили тихо, наклоняясь друг к другу. Невозможно было даже расслышать, на каком они общаются языке.

Я люблю свою жену. Она моя ровесница, с виду широкая и основательная, мне под стать. Добрая, хозяйственная женщина и правильная мать. Сын и дочка наши её обожают! Она и приласкает, и проявит строгость. Дети такую справед-

ливость понимают. А мне вообще лучшего пожелать нельзя. Постирает, погладит, приготовит и совет даст, если надо. Я за десять лет, пока женаты, умиротворился рядом с ней, а то раньше чего только не вытворял с женским полом... Не скрою.

Но вот увидел я ту девушку в ресторане за столиком со старой Ящерицей, и сердце, признаюсь, ёкнуло, как тыщу лет назад – давно забытое ощущение. Что-то было в ней притягательное. Ради такого «чего-то» мужики порой готовы рискнуть всем нажитым. Известное дело, счастье поманит – всё бросишь.

Это я так, вообще. Но сердце и вправду защемило.

Старый Ящерица, этот пожилой сукин сын, заострённым своим лицом и вправду похож был на рептилию. Он глядел на девушку пристально и почти не мигал. Рядом с ней он выглядел чуть ли не покойником. Даже представлять не хотелось, что их связывало. Они закончили ужин. Девушка положила Ящерице руку на ладонь. Она улыбнулась, что-то ему сказала (вроде как поблагодарила), и оба они поднялись. Я поймал себя на такой мысли, что... В общем, я хотел бы увидеть, как она, вот прямо здесь, в отеле, улыбается не ему, а мне. Те двое не торопясь двинулись к выходу. Старик шёл впереди, а она небрежно так переступала следом в своём белом. Её длинные ноги прошагали через весь зал, и я только после этого отвёл от девушки глаза. Якобы высматривал официанта, который нёс горячее.

Завтрак входил в стоимость номера. Каждое утро мы появлялись в ресторане, и я видел тех двоих: девушку и Ящерицу. При солнечном свете мужик казался мне ещё более старым. А девушка, наоборот, всё более привлекательной. Светлые волосы она иногда собирала сзади, так что лицо и шея оказывались открыты. Платья она носила чуть выше колен, отчего ноги вполне даже просматривались. Ни разу она не подняла глаза и не посмотрела ни на кого, кроме своего Ящерицы. И ни с кем не заговаривала, только с ним. Всегда очень тихо! Они замолкали, стоило кому-то приблизиться. Мне никак не удавалось понять, какой же они используют язык. Судя по манерам, Ящерица мог быть откуда угодно. А вот девушка – явно наша, русская, я это не то чтобы угадывал – буквально знал.

Всё-таки мне всё больше хотелось хоть раз поймать взгляд этой молоденькой. Ну хотя бы услышать звук её голоса. Я даже, когда брал на шведском столе блюдо, пристраивался на раздаче следом за ней. Но напрасно! Она пропускала меня вперёд или уходила к другой стойке. И не реагировала на всяческие мои «сорри». Жена всё время находилась рядом, и проявлять интерес на сторону казалось глупым. Да и чего ради? Чтобы узнать, на каком языке эти двое говорят?

Я постарался себя унять, и, похоже, мне это удалось.

Ни Ящерица, ни девушка так ни разу и не дали понять, что их связывает. Эдакие папа с дочкой или престарелый ловелас со взятой напрокат дамочкой. Может, шеф с секре-

таршей? Варианты напрашивались разные. Мы с женой после очередной экскурсии прогуливались вечером по горящему огнями городу, или катались для экзотики на велорикше, или забавлялись на аттракционах, а может, к примеру, перекусывали в кафе у моря. Если встречали тех двоих – они всегда чинно ходили под руку. Не позволяли себе ни вольностей, ни даже громкого смеха. В конце концов я решил, что мне плевать, кем они приходятся друг другу. Не затем же я приехал во Вьетнам, чтобы разгадывать глупые загадки! Какое мне дело кто, с кем и почему спит! У меня есть жена, дети и домашний очаг – что мне за интерес до чужих постелей?

На четвёртый день нашего пребывания случился тропический шквал. Внезапно налетел мощный ветер. Он тут же перерос в ураган, посрывал зонтики возле шезлонгов на пляже. Служащие выбежали из отеля, но, конечно, не всё успели убрать. Лёгкие кресла и столики ветер сорвал с мест, опрокинул, закувыркал и погнал вдоль побережья. Он сбрасывал всё это в воду или разбивал о пальмы. С балконов слетела одежда, которую там сушили отдыхающие. Шторм парусил её и нёс чуть ли не к горизонту.

Мы с женой, держась за руки, едва успели вбежать в отель и поднялись к себе на пятый этаж. С неба буквально рухнули потоки. Это было похоже на водопад, только опрокинутый набок. Я такого урагана отродясь не видел! Тугие струи дождя неслись параллельно земле. Мною овладел дикий вос-

торг: я выскочил на балкон, как папуас! Под шквалами воды и ветра я размахивал руками и орал что-то несусветное. В мгновение ока я стал мокрым с ног до головы, как под брандспойтом. Но продолжал смеяться и танцевать! Небо оставалось тёмным от бешеного ливня, и это было здорово. Я даже подумал, что вот так на нас иногда, как буря, сваливается любовь. Тогда всё, что для других – дикая стихия, влюблённому человеку только в радость. И он, к примеру, пляшет под дождём.

...Жена втащила меня обратно в номер. Туда уже захлестывали с балкона шквальные порывы, и она крепко задрала дверь. Я ещё задыхался и хохотал, когда она с улыбкой сняла с меня прилипшую к телу рубашку. А потом стащила штаны и отправила под горячий душ – отогреться.

Спустя пятнадцать минут ветер внезапно стих, облака разошлись, но дождь ещё продолжался. Отвесные струи переливались на солнце. Теперь они прибывали к земле то, что раньше унёс шквал. Потом, будто выключили, всё прекратилось. Я посмотрел вокруг с высоты пятого этажа, оценив последствия.

Материальные потери у нас имели место: с балкона унесло два полотенца, которые мы развесили на просушку, ну и мои, извиняюсь, домашние трусы. Жена их до того заботливо постирала. Оба полотенца намотались на ствол ближайшей пальмы: если взглянуть сверху, всё было видно. А вот трусы после дальнего перелёта оказались на перилах номе-

ра в соседнем флигеле, на первом этаже. Они белели там и привлекали всеобщее внимание.

Я переоделся в сухое и отправился вначале за полотенцами. Забрав их, я вновь поднялся к себе в номер и глянул в сторону соседнего флигеля. Трусов там уже не было. Я приблизительно вспомнил место, где их видел. И, под ироничным взглядом жены, отправился на поиски.

– Представляю, как ты там станешь объясняться! – заметила она.

Вычислив номер, на перилах которого могло находиться моё, с позволения сказать, бельё, я направился туда. С разговорным английским у меня проблема. Постучав в первые же примерно подходящие двери, я стал жестами объяснять появившейся старушке, что потерял трусы. Выглядело всё это комично и глупо. В конце концов она пустила меня к себе на балкон. Ничего там не обнаружив, под её подозрительным взглядом я прошествовал через номер обратно. Бормотал что-то вроде «экскьюз ми». Похоже, бабушка в лучшем случае приняла меня за служащего отеля. А в худшем – за потенциального вора. Она так и не поняла, зачем я всё-таки приходил.

Скорее всего, вещь могла находиться двумя номерами дальше по коридору. Подойдя к дверям, я собрался было постучать, когда услышал чистую русскую речь. И замер с поднятой рукой.

– Ты просто шлюха! – проскрипел мужской голос. – Тебя

на десять минут нельзя оставить одну, чтобы не появился какой-нибудь мужик! А ведь договорились...

– Да не было здесь никого, – истерило в ответ молодое женское существо.

– А это что?! Похоже, он вообще голяком отсюда спрыгнул, даже трусы не надел! Хорошо, что первый этаж...

– Я не знаю, откуда это у нас! – выкрикнула женщина. – Ветром занесло: видел, какая буря была?!

– Тебе случайно ничего больше ветром не занесло? – язвительным голосом спросил мужчина. – Каждый раз какие-то отговорки. Слышать больше ничего не хочу! Собирай вещи и уезжай.

– Куда?

– Куда хочешь, – устало сказал мужчина. – Я так больше не могу. Мы два года вместе, и всегда одно и то же.

– И я так не могу, – откликнулся женский голос. – Ты патологически ревнив. Тебе даже поводов не нужно.

– А ты вроде как ни при чём?!

В этот момент я решил вмешаться и постучал в дверь. Открыл тот, кого я называл Ящерицей.

– Эскьюз ми, – сказал я. – К вам мои трусы совершенно случайно не попадали? Я, собственно, за ними пришёл.

За спиной у Ящерицы я увидел ту светловолосую девушку. Она посмотрела на меня, потом отшагнула назад, прислонилась к подоконнику и скрестила руки на груди.

– Здравсьте, – сказал я ей. Девушка даже не кивнула.

– Вон они, ваши труссы, – сообщил Ящерица, отодвигаясь в сторону. Вещдок лежал возле балкона на полу, мокрый и скомканный. Словно его туда только что с силой бросили.

– Спасибо, – сказал я, наклоняясь и забирая вещь. – Шторм, сами понимаете. До свиданья.

Я уже собирался выйти, когда увидел, как старик сел на край кровати, обхватил лицо руками и заплакал. Я промычал что-то типа: может быть, нужна помощь? И вообще что случилось?

– Не сейчас, так потом, какая разница, – откликнулся он и поднял ко мне мокрое, смуглое лицо с потрескавшейся кожей. – Скоро сам таким станешь, всё поймёшь.

Девушка стояла всё так же молча. Со скрещёнными руками она смотрела на происходящее. Я вышел, закрыв дверь. Пока я шёл по пустому коридору, казалось, было слышно, как старик плачет.

На следующий день, когда мы с женой вышли завтракать, тех двоих в зале не оказалось. Их привычное место в углу пустовало. Жена перехватила мой взгляд:

– Уехали, наверное, – сказала она. – Странная всё-таки была пара.

Через десять дней уехали из отеля и мы. Отдых получился чудесным, полным новых впечатлений. А спустя пару месяцев я включил телевизор. И неожиданно увидел в блоке новостей, что нашу страну на встрече с банкирами где-то в Африке представляет тот самый... Ящерица, и они там под-

писывают какие-то соглашения. Старик улыбался. Он был в официальном костюме и выглядел акулой бизнеса, а вовсе не тем жалким старикашкой, который плакал тогда в номере.

Я переключил программу на футбол. Наши играли с португальцами. Слава Богу, ни о чём, кроме этого, можно было не думать. Я взял из холодильника пиво и устроился на диване.

Жена готовила на кухне ужин, дети легли спать. Всё, что меня окружало, представляло надёжную гавань. В ней пришвартовался мой корабль. Всё складывалось нормально.

Если бы не одно обстоятельство. К сожалению.

Я очень хорошо знал ту девушку, с которой мы столкнулись в отеле. Раньше она работала секретаршей, ну, точнее, референткой в МИДе. Наша фирма налаживала там локальную компьютерную сеть. Я был вполне надёжно женат, а в столицу приехал впервые. Все мы очень хорошо тогда зарабатывали. Наладка сети заняла несколько месяцев, и кстати, тот заказ нам помогла пробить именно она, секретарша, через своего шефа. Он сам оформил подряд, и вместе они получили положенные им 15 процентов. Девушке тогда исполнилось двадцать четыре, мы с ней вдвоём отметили день её рождения. А когда расстались, ей было уже двадцать пять. Весь тот год я провел в непонятной любви. Это похоже было на шторм, о котором я вспомнил под ливнем на балконе.

...Тогда, в Москве, она носила короткую стрижку и короткие платья. Чего ей хотелось? Бури для нас обоих? А может,

денег, которые рекой текли из моего кошелька, стоило мне появиться в столице? Появлялся я, конечно же, гораздо чаще, чем нужно было по работе. Или она собиралась строить со мной жизнь и уводила из семьи?

Какая теперь разница, если я твёрдо решил остановиться?

Она меня тогда здорово потрянула – так, что я почти потерялся. В конце концов мне хватило сил совладать с собой. Но заплатил я за это дорого. И в прямом смысле, и в переносном. С тех пор эта девушка ушла из моей судьбы, казалось бы – навсегда. Пока мы вдруг не столкнулись нос к носу во Вьетнаме.

Догадывалась ли в тот дикий год обо всём моя жена? Конечно. Женщины всё понимают без слов. Да тут трудно было, наверное, чего-то не понять. Но ни одного вопроса задано не было. И ни одного слова я сам не сказал. Подрастал сынишка, и мы с женой словно шли по минному полю. А когда решение оказалось мною принято, я целиком и сразу вернулся в семью. Из которой, слава Богу, не успел уйти. Тогда мы и завели второго ребёнка.

Но вчера та девушка позвонила снова, и от её голоса что-то во мне вздрогнуло, как раньше. Память – опасная штука! Оставляет только самое хорошее. Уж лучше бы я не ездил тогда во Вьетнам и не искал свои вещи на чужом балконе!

Приняв решение, мужик, если это мужик, должен как гвоздь в доску заколотить. Я – опора дому моему. И никаких других мотивов!

Выпита была уже вторая бутылка пива, а счёт в матче по-прежнему сохранялся ноль-ноль. Я поднялся и взял в руки мобильный телефон. Среди контактов я нашёл вчерашние позывные той девушки и стёр их начисто, а заодно ввёл функцию запрета на соединение с этим абонентом.

Матч подходил к концу, наши теперь выигрывали. Скоро можно было идти ужинать. Я подумал, что завтра выходной. Надо сходить с детьми в цирк. Приехала труппа из Питера – говорят, забавно.

Свою жизнь я выбрал для себя сам. И она мне, ей-Богу, нравилась.

Да.

Нравилась!

Секреты ремесла

В нашей творческой среде обычно все друг другу завидуют и стараются наделать пакостей. Но я с самого начала взяла себе за правило: публиковать в нашем журнале статьи только в благожелательном тоне. Поэтому художники потянулись к этому изданию, зная, что там про них гадостей не напишут. Став главным редактором, общую линию я выдерживала без искажений, и в тот именно период натолкнулась на удивительную женщину-фотографа с ирландским именем Айрис.

Женщина эта выглядела на свои пятьдесят, была сухощавой и загорелой и, хотя следила за собой и старалась придать себе бодрости, лицо всё же выдавало возраст. Борьба с морщинами она считала безнадежным делом, но главным в её внешности были серые, умные, добрые и в то же время цепкие глаза профессионала, глядящего на мир сквозь злзк видеискателя.

Каждый её фотопортрет оказывался маленькой сенсацией, а появление каталога и вовсе вызывало фурор. Дело заключалось не в том, что в её фотосборниках встречались лица уважаемых людей. Приводила в изумление своеобразная манера, особый дар, позволявший зафиксировать ничего не подозревавших персонажей в тот момент, когда сквозь их мимику и жесты становилась видна подноготная: характеры, судьбы – а в итоге те чувства, которые они испытывали к

этому миру. Среди знатоков считалось престижным приобрести в свою коллекцию очередной фотоальбом – как правило, с роскошной тиснёной обложкой и безупречным качеством печати.

Один раз она поставила себе задачу – раскрыть дух самых разных российских городов: больших и малых, древних и относительно новых, и свести их в один фотоальбом, наподобие человеческих портретов. Образовался цикл, где Псков глядел из-под снега вечными глазами небольших старых домиков, а душа Санкт-Петербурга, которую ещё никто не видел (хотя многие уверяли, что вполне её ощущают), – его душа, глядевшая сквозь кружево оград, отражалась одновременно и в небе, и в воде. В прессе появились восторженные оценки в адрес альбома, всё это называлось новацией или (бери выше!) проникновением в святая святых. «Так, наверное, в старину писались иконы», – утверждал один критик под впечатлением от увиденного и, похоже, был во многом прав. Что-то в творчестве этой фотохудожницы действительно присутствовало от Бога.

В нашем журнале статья, касающаяся её городских фотопейзажей, называлась «Какими нас видят ангелы». По-другому, наверное, про такое творчество и не скажешь.

Женщину, повторю, звали странным для России именем – Айрис. В своё время отец её, североирландский дипломат, работал в Советском Союзе, а мать, русская, отвечала за поставку в консульство качественных продуктов. Путь к серд-

цу мужчины, естественно, лежал через желудок, и международные отношения здесь преградой явиться не могли, даже во времена СССР. Маленькая девочка Айрис узнала Европу раньше многих своих сверстниц, но, когда выросла, постоянно стала жить в Москве. Здесь она и открыла в себе Божий дар, который принёс ей профессиональное имя, славу и деньги.

Айрис умела с помощью фотографий раскрыть то, что никогда не увидишь невооружённым глазом. Она делала очевидным всё до поры тщательно скрываемое.

Таившийся, например, в степенном профессоре весёлый чёрт мог неожиданно для всех выскочить наружу и пойти куролесить во время самой, казалось бы, обычной лекции, которую профессор даже не прерывал, – просто он повернулся в три четверти (ни анфас, ни профиль), чуть наклонил голову и поглядел, словно бы сбоку, на аудиторию: вот и весь фокус. На снимке Айрис у профессора на голове разве что рожек не появилось, но в том, что перед слушателями именно чёрт, сомнений не вызывало.

Ещё один снимок, очень сильный, был сделан на одной из персональных выставок в Центральном зале. Известнейший во всём мире и один из самых талантливых российских художников, чьи работы в жанре крупного полотна здесь выставлялись, вынужден был стоять и выслушивать всё то, что ему вещал по поводу его творчества мэтр, бездарность со связями, академик живописи. Моцарту нужно было выслу-

шать всё, что с пафосом нёс в его адрес Сальери. В тот момент их обоих и схватила вездесущая фотокамера Айрис.

Когда я много позже увидела этот снимок у Айрис в мастерской, то, ей-Богу, даже вздрогнула. В ту десятую долю секунды, когда художник отвёл взгляд от мэтра, продолжавшего ещё что-то говорить, он, видимо, всерьёз решал, не перерезать ли академику глотку. Я вполне могла его понять и вряд ли сама сдержалась бы от какой-нибудь жестокой выходки, окажись на его месте. Художник, видимо, слишком много претерпел от всех тех Сальери, которые судили его картины, и холодное бешенство светилось в его отведённом в сторону взгляде – если хотите, за секунду до убийства. Так всё выглядело на фотографии.

...Я пришла к Айрис, чтобы посоветоваться. Уже многожды самые разные люди получали у этой удивительной женщины рекомендации, как им жить дальше. Ей достаточно было взглянуть на чужой портрет, чтобы понять о человеке всё. Никакой детектор лжи подобного сделать не мог. До этого я отдала Айрис несколько снимков своего мужа, а теперь сидела и ждала её вердикта.

Айрис пустила меня в мансарду, где находилась её мастерская, и удалилась в смежное помещение. Я огляделась, и хотя была уже здесь раньше, снова преисполнилась профессиональным изумлением. Мне тридцать пять лет, я хорошо выгляжу и стильно, иногда даже вычурно одеваюсь. Ничего не попишешь: общение с богемой накладывает свой отпечаток.

Я не маленькая девочка и нагляделась на всякое. Высшее образование, плюс второе замужество, которое длится сейчас, и двое детей (по числу браков) – всё это кого хочешь обучит жизни, тем более в Москве, где человека от зверя порою не отличишь. Казалось бы, я должна разбираться в людях, но то, что я лицезрела в мансарде у Айрис, наваяло мысль о скудости моих представлений. Она видела человека до самого дна и умела своё видение отобразить на снимках.

Медленно двигаясь вдоль стены, я переходила от одной работы, вставленной в рамку и висящей на крепёжных нитях, к другой. Всё это, видимо, готовилось для выставки либо же для продажи, но мне бы на месте Айрис стало жалко отдавать такие вот шедевры в чьи-то руки. Например, ту фотографию, где пожилая богатая женщина залиvisto смеётся, запрокинув голову, а рядом стоит её муж в официальном костюме. Казалось бы, родные и сжившиеся вместе люди – ан нет: на снимке они оказались чужими до безразличия! Через секунды эта вот дама вынет свою руку из его ладони и, возможно, вежливо похлопает мужчину по плечу, а дальше с резиновой улыбкой пойдёт на свою половину уютного коттеджа, во дворике которого и оказалась запечатлена. Она уйдёт к себе, плеснёт в стакан чего-нибудь крепкого и выпьет прямо безо льда, а потом поймает себя на мысли, что это уже вошло в привычку. Так оно всё просматривалось на фотографии безмятежной (якобы) ирландской семьи. На десятую долю секунды люди становились настоящими, а не

теми, кем хотели бы казаться, и как раз в это мгновение их и запечатлевал объектив Айрис.

На другом фото у девушки, которая шла куда-то под руку со своим мужчиной, были гноящиеся от похоти глаза – другого термина и не подобрать. Кавалер-то, наверное, думал, что прогуливается с подругой, но на самом деле его буквально волокли в постель, о чём, вполне возможно, этот тип даже не догадывался. Мужчины всегда пребывают в иллюзии, будто они управляют ситуацией. На самом деле это делают женщины, если, конечно, оказываются достаточно умны.

Двигаясь вдоль стены с фотографиями, я поймала себя на мысли, что во всех работах Айрис вижу лишь печальную сторону сюжетов. Наверное, на мне сказалась усталость последних месяцев, когда с мужем начало твориться что-то неладное. Вначале я списывала всё на нелады с работой: в связи с финансовым кризисом перегрузки там действительно случались серьёзные. Но к таким стрессам нашей семье было не привыкать, тем более что муж, являясь руководителем крупного подразделения в холдинге, ломал обстоятельства, словно ледокол. У него хватало энергии и навыков, чтобы в любой ситуации если уж не выиграть, то по крайней мере не проиграть.

Но недавно, когда он спал, а я встала, чтобы проверить детей, и зажгла ночник, мне довелось увидеть на его лице такое горькое выражение, что я поняла: дело, конечно, не в работе. Его тоска читалась даже сквозь сомкнутые веки, и я

представила, что могла бы ощутить, открой он тогда глаза.

Я вдруг посмотрела на него не как любящая женщина, а сторонним взглядом. На его лице проступали черты, которые я наблюдала много раз у разных людей, так что прекрасно знала, что они означают.

Теперь у него были губы, а точнее – складки вокруг рта, как у человека, способного на неадекватный поступок.

Я тогда вздрогнула, а спустя секунду вновь уже смотрела на мужа глазами жены, приемлющей любые повороты его судьбы. Он даже не проснулся, когда я вновь легла рядом, выключила ночник и постаралась забыть своё впечатление – скорее всего, неправильное из-за тусклого освещения.

А вот теперь я пришла к Айрис и поневоле многое вспомнила.

Я вспомнила, что его ладонь пахла чем-то весьма необычным, когда он однажды вернулся за полночь вроде бы прямо со службы. Я так и не определила тогда, да и после не разобралась, чем же именно: то ли чужим парфюмом, то ли какими-то медикаментами.

Я поняла, почему однажды он быстро выключил компьютер, стоило мне появиться в его кабинете.

Ко всему прочему, на его столе как-то лежала бумага для записей, где крупными буквами обозначено было: «Сходить в нотариат и всё оформить!!!» Я никогда не позволяла себе заглядывать в его записи, и если бы не три огромных восклицательных знака, не заметила бы и эту.

Ко всему прочему (я не стала специально напоминать себе, но это само пришло на ум), мы теперь гораздо реже оказывались с ним близки как муж с женой. Поводов для этого находилось более чем достаточно, но с очевидностью причина была одна. Какая – догадаться становилось всё проще, и я подумала, что Айрис лишь подтвердит мою догадку. Шерше ля фам, сплошная пошлость. Интересны были только детали – кто, где, почему, но можно было считать вопрос решённым. Ждать оставалось недолго: послышались шаги, затем хлопнула дверь – и Айрис появилась, держа в руках фотографии моего мужа.

– Вот адрес, куда вам нужно обратиться, – сказала Айрис, протягивая мне какую-то бумажку. – Я только что созвонилась, вас там примут.

Я взяла листок, но продолжала с недоумением смотреть на Айрис. Выглядела та как обычно: небрежная короткая причёска, серые глаза, свитер и джинсы, как раз по осеннему времени: ещё не холодно, но к тому идёт.

– Постарайтесь не затягивать, – добавила она.

– Что это? – спросила я в недоумении.

– Разве вы не за этим пришли? – в свою очередь удивилась она. – Ах, Боже мой! Как я не догадалась... вы же, наверное, так ничего и не знаете.

Я почти упала на стул: ноги буквально подломились.

– Значит, он вам ничего не сказал, – утвердительно кивнула головой Айрис и снова забрала у меня из рук пачку фо-

тографий мужа. Она пролиставала несколько и достала ту, где он изображён был крупным планом у нас на даче. Я тогда из окна потихоньку щёлкнула его, убирающего листья, со своего мобильного телефона. Вид у мужа, как и всегда в последнее время, был грустный и какой-то отрешённый.

– Вы только успокойтесь. – Айрис сходила в ту часть мансарды, где находилось подобие кухни, и принесла мне воды. Я механически выпила полстакана. – Ваш муж чем-то тяжело болен, это вне всяких сомнений. Возможно, онкология. Он всё знает, и у него на этой почве депрессия. Когда такое случается, человек сам сдаёт позиции, и тогда заболевает ещё серьёзнее. Такой вот порочный круг... Человека нужно силой вытаскивать из подобного состояния... В этой клинике, – она показала на листочек в моей руке, – всё умеют делать, но главная работа ляжет на вас. Звоните туда, и – в путь.

Я всё ещё не могла заставить себя встать, поэтому мелкими глотками пила воду, пытаясь до конца осознать услышанное. Потом взяла себя в руки и поднялась. В этот момент до меня дошло: в той записке мужа с тремя восклицательными знаками, обращённой к нотариусу, речь шла о завещании, где мужем предполагалась его скорая смерть.

Айрис участливо поглядела на меня:

– С вами он выберется, – сообщила она без тени сомнений. – Вы и не такое сможете.

Я пошла к выходу, она сзади. На пороге, открыв дверь, я не удержалась и всё-таки спросила:

– Но... откуда вы всё это узнали?

Нужно было видеть, как по-доброму улыбнулась эта женщина и как морщинки разъехались от её глаз к вискам. Я ждала ответа, и тогда Айрис, чуть наклонившись ко мне, доверительно сообщила:

– Всё от профессии, дорогая... Секреты ремесла! Когда насмотришься на людей через объектив, так и без объектива многое становится заметным.

Я всё ещё стояла, осознавая произошедшее.

– С Богом, – благословила меня Айрис. – У вас всё обязательно получится, не сомневайтесь.

От неё исходило такое тепло, что я вдруг успокоилась и отчётливо поверила в благополучный исход дела. Видимо, способность утешить одним своим видом тоже входила в секреты ремесла, позволявшего Айрис видеть перспективу дальше сиюминутных обстоятельств. Я махнула ей рукой и стала спускаться по лестнице.

Впереди была осень – а значит, оставалось достаточно времени, чтобы подготовиться к зиме.

Не пропадём.

Цикл «Мужские рассказы»

Волк на цепи

В наступающем сумраке на снегу мелькали быстрые тени: наша стая пыталась уйти в лес. Потом был грохот выстрела и вспышка рядом, жгучая боль – и я перевернулся прямо на бегу. Меня ударило под лопатку и сбило со всех четырёх лап, мгновенно оглушив, а когда я очнулся, рана кровоточила всюю. Я дотянулся до неё языком и начал лизать, и только тут понял, что лежу в конуре на вонючей соломе, оставшейся, видно, после какой-то суки, а на шее у меня – цепь и ошейник. Встать я не мог и чуть не взвыл от боли, когда попробовал повернуться. Глаза сами закрылись, и я надолго ушёл во тьму.

Это было поздней осенью, и выстрелы тогда гремели по всей округе. Мою стаю, видимо, дочиста перебили, потому что обложили нас славно и гнали с умом, зная наши повадки.

Это была не первая и не вторая облава, в которую я попал. Я всегда умел найти выход – флажков я давно уже не боюсь, а между охотниками существует мёртвая зона, где они не могут выстрелить навстречу друг другу. Именно в такую щель между номерами я и хотел проскочить. Выпавший снег был глубоким, лапы вязли, но другого пути не оставалось:

только через сугробы, среди деревьев – в просвет, а потом уйти за редким кустарником к лесу.

Я видел, как застрелили мою волчицу, но скулить по этому поводу не было времени. Нас убивали, и всполохи выстрелов рвали вечернюю полутьму. Я не стал бы жалеть человека, окажись против него со своей стаей, когда нам хотелось жрать: законы в лесу действуют простые. Но убивать ради забавы – на такое способен только человек.

Думать обо всём этом было некогда. Я подобрался и кинулся вперёд, решив, что путь открыт, – но обманулся. Охотник, на которого я выскочил, умел ждать: он стоял, почти закрытый деревом, так что я заметил его только в последнюю секунду. Потом меня ударило и поволокло, лопатку пронзила боль, а после тот, который стрелял, привёз меня, раненого, к себе – чтобы посадить на цепь и оставить во дворе вместо сторожа. Волк – не собака, так что ясно: во двор к хозяину не сунутся. Позвали ветеринара, тот вынул пулю. Нужно было лишь, чтобы я как-то оклемался, поэтому меня долгое время кормили и не трогали.

Теперь стоит зима, и рана понемногу зажила, хотя ещё тянет. Я вполне могу стоять на ногах и, чуть хромя, передвигаюсь с каждым днём лучше и быстрее. Каждое утро хозяин приносит мне миску с едой – не худшая, прямо скажем, жратва: от его охотничьих трофеев остаётся хорошее мясо. Он ставит миску возле будки, я уволакиваю еду внутрь и там всё съедаю. Хозяин наблюдает за этим, приближаясь иногда

на длину вытянутой руки. Я смотрю на него жёлтыми, как у всего моего племени, глазами и слабо рычу. Пусть он думает, будто выздоравливаю я медленно.

Каждую ночь я раз за разом дёргаю цепь, которой прикован к своей будке. Я дёргаю её сильно, и дужка на ошейнике начала понемногу разгибаться. Я встаю на четыре свои лапы, выхожу из будки, натягиваю цепь и, налегая всем телом, пытаюсь разогнуть крюк, за который меня пристегнули.

Я знаю, что однажды я окончательно разогну его, дёрнув посильней, и стряхну с себя цепь и ошейник. Но это вовсе не значит, что я тут же прыгну через забор и уйду в лес: мне ещё нужно свести кое с кем счёты.

Хозяин думает, будто прострелил мне лопатку и навсегда сделал своим рабом. Я полагаю иначе. С каждым днём силы у меня прибывают, ноги становятся крепче, а уж челюсти – и подавно. Боль уходит. Вчера я окончательно убедился, что если как следует дёрнуть цепь, крайняя дужка ошейника вылетит напрочь, но время ещё не пришло. Недели мне вполне хватит, чтобы подготовиться, а потом ударить без промаха.

Вчера сын хозяина, восьмилетний щенок, забыл о дистанции – длине цепи, которой ограничена моя территория. Он вышел во двор и начал играть. Я мог бы накрыть его и зарезать в два движения, но тогда нужно было бы уходить, не сделав главного.

Главное для меня – хозяин, а его щенка можно вообще оставить на потом, это не так уж важно. Я знаю: скоро насту-

пит та самая ночь, когда я очень сильно дёрну за цепь, сорву ошейник и с холодной ненавистью приготовлюсь ждать рас-света.

Как всегда, хозяин утром выйдет во двор в пропахшем потом и табаком свитере, держа в руках миску с едой. Он глянет на меня, а я спокойно, с полуприкрытыми глазами буду лежать в конуре, возможно, даже отвернувшись, чтобы он ничего не заметил.

В тот момент, когда он наклонится и поставит миску возле меня, его вздрагивающее горло окажется прямо напротив моих клыков – я брошусь неожиданно и стремительно, чтобы сделать всего лишь одно движение и услышать, как он захрипит. Я брошусь молча, чтобы не дать ему времени понять опасность и закрыться рукой, и пока не почувствую хруста хрящей на его кадыке под моими зубами, не глотну его крови – не перестану его рвать.

...Когда я закрываю глаза, мне всё это снится. Когда я их открываю, начинаю измерять расстояние, необходимое для прыжка и короткого, резкого движения к горлу напротив. Днём я почти не двигаюсь или, нарочно хромая, ковыляю вокруг своей конуры, понуро опустив голову и прикидываясь слабосильным. Ночью я мечусь по двору, насколько позволяет цепь, и дёргаю, дёргаю её, расшатывая слабое звено. Я не устаю от ожидания, потому что уверен в финале, и не обращаю внимания даже на те поганые запахи, которыми полны конура и весь этот двор, не говоря уже о хозяйском доме.

Скоро всё это кончится и лес снова примет меня. Может быть, кто-то из стаи выжил после побоища – тогда мы снова начнём охотиться вместе. Если нет, я стану делать это один.

Я лежу на подстилке, брошенной в будку, и наблюдаю за тем, как хозяин ходит по двору. Возможно, он снова собирается на охоту, а значит – всё, что давно уже решено, нужно сделать завтрашним утром.

Он ходит по двору, а я смотрю ему в спину не мигая, и у ненависти моей – жёлтые глаза.

Эпизод из провинциальной жизни

Отца у мальчишки не было, а мать спивалась. Сам он подворовывал, где-то доставал деньги, приносил домой хлеб, картошку и молоко. Ему было двенадцать лет, о школе он давно забыл и в основном подвизался во дворе – выполняя, что поручат старшие пацаны. Другая жизнь в этом городке на окраине страны для паренька исключалась.

Провинцию пропитала тупая жестокость безработицы и отчаяния. Лет двадцать назад здесь ещё дымили трубы комбинатов, впуская за свои ворота по утрам и выпускавших по вечерам сотни тысяч человек, а теперь каждый существовал как мог. Городишко жил по блатным понятиям, что означало: кто сильнее, тот и прав.

Сейчас стояли осенние сумерки, снег выпал и тут же превратился в слякоть. Мальчишка должен был отнести пацанам пакет размером в два кулака, который ему передали на другом конце города, и шёл, прижимая его под курткой обеими руками к животу. Он проделывал это не в первый раз, маршрут был проверенный, но сейчас становилось холодно, и он решил срезать, чтобы добраться побыстрее.

В переулке, куда он свернул, за ним побежали. Кто это был – полиция или парни из чужого квартала, – он разбираться не стал и, не раздумывая, прыгнул через забор в соседний проезд. За ним тоже прыгнули, топот приблизился, и теперь

паренёк бежал, задыхаясь, по кривым узким улочкам, понимая, что если догонят – могут отнять пакет. Тогда ему конец, пацаны не простят: предупреждали заранее.

Он знал один проходной двор неподалёку, проскочив который можно было затаиться между гаражами: по тёмному времени его там не найдут. Из последних сил, разбрасывая руки и ноги, мальчишка ещё раз свернул в подворотню и, почти уже падая, выскочил в тылы старого автопарка. Нырнув в узкую щель, отделявшую забор от ближайшей постройки, он ввинтился в проход и, задыхаясь так, что лёгкие готовы были разорваться, прижался к стене. Спустя минуту, слегка отдышавшись, он заполз в какую-то полуразрушенную мастерскую, нырнул под здоровенный щит, прислонённый к стене, и затаился там лёжа, вслушиваясь в собственное дыхание и звуки снаружи.

Его недолго поискали, потом ушли. На всякий случай, выждав время, мальчишка вылез, отряхнул руки и, передвигаясь с оглядкой, пошёл дальше – к своим.

Куртка и джинсы оказались чем-то перепачканы, лицо тоже. Паренёк попытался привести себя в порядок, но потом решил, что сделает это позже, дома. Сейчас нужно было отдать пакет в нужные руки, получить за это деньги и только после этого что-то делать дальше.

Он прекрасно понимал, что именно находится в том небольшом мешочке, который он нёс с собой, и не хотел об этом думать. Сам он не притрагивался ни к водке, ни к этому

белому порошку, потому что видел, во что они превращают людей за самое короткое время. Мать свою он жалел и молча сносил её тихое пьянство, потому что она была единственным человеком на земле, который его любил. Остальные в лучшем случае не трогали. Когда случалось, что мать была трезвой, она обнимала его, и кроме её ладоней, на свете другого тепла не оставалось.

На улице совсем стемнело. Паренёк добрался до своего двора, где его уже ждали человек десять подростков – личности насквозь известные. Старшим среди них был узколиций, высокий и жилистый Рыба. Все контакты со взрослым криминалом лежали на нём, пацаны слушались Рыбу беспрекословно. Ему было уже за двадцать, и глаза у него были какими-то пустыми. Даже те парни, что показывали во дворе свой гонор, отчего-то боялись Рыбу, а тот обычно отдавал команды, не предполагая, будто его приказ можно не выполнить.

– Давай товар, – сказал Рыба, когда паренёк появился во дворе. – Чего такой грязный?

– Гнались, – односложно ответил парень и сунул руку под куртку, за пакетом.

Пакета не было.

Компания, стоя возле скамейки посреди двора, смотрела, как в свете зажигающихся окон паренёк снял с себя куртку, оставшись в одной рубашке, и проверил, не завалился ли куда-нибудь пакет. Стало ясно, что он выронил его по дороге, когда убегал, но Рыба уже ударил его, резко сбив с ног,

а остальные по команде бросились топтать ногами. Первый удар ботинком пришёлся в лицо, разбив губы и, кажется, выбив часть зубов, другой, в живот, заставил скрючиться. Били остервенело, всё больше входя в раж, и в это время во дворе появилась женщина.

Она выглядела настолько нездешней, что спутать её с местными было невозможно. В короткой шубке из светлого меха, в такой же шапочке, с сумочкой в тон сапожкам на шпильках, она казалась только что сошедшей с экрана. На самом деле столичная гостья приехала сюда, чтобы продать свою квартиру, доставшуюся от дальних родственников по наследству, и снова улететь в Москву.

К сожалению, требовалось хотя бы один раз лично появиться в этом городишке, чтобы засвидетельствовать нотариусу своё физическое существование, то есть убедить его в том, что это не очередная риэлторская афера. Квартира стоила не слишком дорого, но весь жилой дом шёл под расселение, так что требовалось решить вопрос быстро. Она сама уговорила мужа отпустить её в поездку без сопровождения: дескать, день туда, день назад, и незачем беспокоиться по пустякам. Теперь, оставив в гостинице вещи, она взяла такси и поехала по адресу – посмотреть жильё.

В Москве у женщины было всё, о чём пишут в гламурных журналах: богатый супруг, хорошее авто, загородный дом. Не было только детей. Лет десять назад случились неудачные роды, но врач тогда сказал, что кое-какие шансы ещё оста-

ются. В свои тридцать два женщина успела создать вместе с мужем хороший бизнес, нечто вроде интернет-рынка подержанных вещей. Они построили виртуальную торговую сеть на полстраны и с каждой купли-продажи получали свой процент.

Такси, на котором приехала женщина, остановилось за углом. Она входила во двор, где в полутьме избивали мальчишку, когда он, получив очередной удар ногой, вдруг в голос, по-детски тонко закричал:

– Мама-а-а!..

Через секунду женщина была рядом. Она подбежала и не раздумывая бросилась прямо в толпу, расталкивая парней руками. Кому-то она заехала своей сумочкой по голове, так что оторвался хлястик, кого-то сходу пихнула в бок, с каждым шагом стараясь пробиться к лежащему в снегу и грязи пацану с окровавленным лицом. Она что-то выкрикивала как сумасшедшая и, когда ей удалось добраться до мальчишки, присела над ним, закрывая собой от ударов. Рыба взмахнул рукой с кастетом, попав точно ей в затылок, и женщина распласталась лицом вперёд, почти поперёк лежащего под ней паренька. Она не шевелилась, и все смотрели, как она лежит в своей светлой шубке. Никто не понимал, что делать дальше.

– Уходим, – сказал Рыба. – Слышь, – он наклонился к пареньку, – если скажешь чего, убью, понял?

Он снял с руки кастет, вытер его о куртку и первым дви-

нулся вглубь двора. Там, если отогнуть металлическую сетку, открывался проход на соседнюю улицу, и пацаны один за другим пролезли в образовавшуюся дыру. Когда последний покинул двор, раздался отдалённый сигнал полицейской сирены – наверное, кто-то из жителей успел позвонить в отделение, и там, как ни странно, отреагировали вполне оперативно.

...Ее муж, высокого роста, с окаменевшим лицом, прилетел через два дня, привёз столичных оперов и трёх человек из собственной службы безопасности. Хоронить женщину должны были в Москве, а пока нужно было разобраться с деталями – здесь, на месте.

В больничной палате на пятерых он нашёл избитого парнишку. Лицо у того опухло, всё было в фиолетовых подтёках, дёсны кровоточили. Сломанные зубы торчали острыми углами во рту, когда он пытался говорить, и мальчишка то и дело трогал их языком.

Муж убитой, в накинутом поверх костюма белом халате, сел на стул рядом с койкой, спиной к другим пациентам.

– Мамке моей поесть отнесите, – слабым голосом попросил мальчишка. – Одна она там, пропадёт без меня.

Он не знал, кто перед ним, да ему всё было безразлично. Полиция уже побывала здесь пару раз, парень ничего путного им не рассказал: ну, кто-то набросился на него в темноте, а тётчка шла мимо, вмешалась, больше ничего не помню – вот и все показания. Из тех, кто его избивал, паренёк ни од-

ного имени не назвал.

– Я её муж, – сказал тот, кто пришёл в палату. – Её убили, когда она тебя закрыть пыталась. Мы их всё равно найдём, а тебе здесь жить не дадут: ты – свидетель. К тому же ты товар потерял... пакет уже нашли, там твои отпечатки.

– И чё? – спросил парень.

– Поехали со мной в Москву, – устало, без каких-то интонаций предложил мужчина. – Определю тебя в интернат, профессию получишь. О мамке твоей позабочусь, вылечим.

Мальчишка взглянул из-под опухших век, фиолетовых после побоев.

– Чего надо-то от меня? – спросил он, заранее понимая, какая сейчас последует просьба.

– Главного назови и где его разыскать, – тяжело и спокойно глядя на него, сказал мужчина. – Он мне раньше нужен, чем до него опера доберутся.

– Если я его сдам, меня самого убьют, – ответил парень, шепелявя.

– Да тебя здесь и так убьют, – равнодушно констатировал мужчина. – А этого, который мне нужен, посадят, но срок дадут небольшой, потому что он начнёт отпираться, будто в толпе и в драке неясно было, кто её ударил, а кастет он давно уже выкинул. Известная история, у меня на неё времени нет. Если сдашь его, в Москву поедешь с мамкой. Если нет – делай что хочешь.

Паренёк лежал и молча смотрел в потолок.

– Наплевать мне на вашу Москву, – шепеляво сказал он. – Никуда я не поеду, врёте вы все. Если мамке сегодня пожрать отнесёте, то и хорошо... Только денег ей не давайте – пропьёт.

У мальчишки очень болела голова, он потрогал лоб рукой. Вошла медсестра, принесла капельницу:

– Заканчивайте свидание!

– Сейчас, – попросил мужчина. – Через три минуты ухажу.

Та отошла к другим пациентам.

– Знаете, – сказал наконец парнишка, – что ваша тётечка этим кричала? «Сына моего, – кричала, – не троньте, сволочи вы поганые...» То есть меня, значит, сыном называла.

Мужчина кивнул и закончил за парня:

– ...А они её – кастетом по голове. Выходит, они мамку твою убивали. – Он говорил по-прежнему, вроде бы без эмоций, но паренёк после этих слов вдруг приподнялся на койке и повернулся к нему, несколько секунд он о чём-то раздумывал.

– Рыбой его здесь кличут, – сказал он внятно. – Фамилия Григорьев, зовут Александр, адрес такой: Гаражный проезд, десять. Привет ему от меня передайте, скажите: я лично попросил.

Мальчишка снова откинулся на подушку – сил у него ни на что не оставалось.

– Обязательно передам. – Мужчина поднялся, поправил

халат и, прежде чем выйти, сказал на прощание: – Ты, малый, поправляйся, всё ещё впереди.

Начальник службы безопасности ждал его в холле, и вместе с мужчиной они пошли по коридору, обмениваясь краткими репликами. Вроде бы жизнь в городке текла по-прежнему, но теперь в ней явно что-то должно было поменяться. Хотя бы в некоторых деталях.

И, возможно, к лучшему.

В «десятку»

Чемпионат военного округа по стрельбе проводили в просторном помещении бывшего ангара, оборудованного под тир. Прямо на земле установили деревянные скамейки для участников, а секретариату и судьям на помосте, сбитом из досок, поставили два стола и стулья. Столы для солидности накрыли красными скатертями, положили на них по микрофону, поставили бутылки с водой. Организаторы бегали с бланками участников, вывешивали на стенде результаты жеребьёвки с обозначенной очередностью подходов: шла обычная суэта, предшествующая соревнованиям.

Площадка для стрельбы была посыпана гравием, её отделяла от участников и судей красная лента, растянутая на стойках поперёк ангара. Дальше виднелись мишени: специальный механизм на четыре секунды разворачивал их к стрелкам фронтально, так что становились видны зелёные силуэты, по которым нужно было вести огонь. Потом мишени вновь поворачивались плоским ребром к участникам и становились невидимыми: кто не успел – тот опоздал.

Сегодня проходила закрытая часть соревнований. Съехались по три представителя от разных силовых ведомств, начиная с управления тюрем и заканчивая федеральной службой безопасности. Всего собралось человек сорок, в основном в униформе. Каждый приходил сюда со своим оружи-

ем, и неторопливо передвигавшиеся вдоль помоста мужчины были между собой чем-то неуловимо похожи. Отличалась, пожалуй, только охрана губернатора, гуртовавшаяся в углу, – ребята там подобрались какие-то разбитные, больше похожие на гражданских. Один из них, детина в чёрной кожаной куртке, выделялся из прочей массы ростом и телосложением, напоминая издали быка. Говорил он громче всех и часто смеялся.

Все ждали, когда объявят первое упражнение – стрельбу из двух пистолетов, по десять патронов в обойме. Массивный детина из губернаторской команды громко доказывал, что целиться нужно из каждого пистолета по очереди:

– Прикинь, глаза не могут одинаково резко видеть две мушки и две прорези!

С ним пытались спорить, подошли даже ребята из соседней команды от десантников, каждый доказывал своё.

Рядом, на дощатом помосте для судей, худощавый парень в свитере, джинсах и кроссовках пытался выровнять ножку судейского столика. Он подкладывал под неё свёрнутую вчетверо газету, но стол всё равно продолжал качаться. Наконец всё получилось, парень разогнулся, отряхивая ладони, и оказался как раз напротив детины в чёрной куртке. Вокруг того собралась уже небольшая толпа.

– Вот ты, спец, – обратился к нему детина, – как у вас тут советуют: глядеть при стрельбе в оба глаза или по очереди? Я говорю: по очереди. Верно?

Детина явно хотел доминировать, ему было всё равно над кем. Молодой человек спокойно посмотрел на него и негромко ответил:

– Нет, стрелять надо, глядя одновременно сквозь два прицела.

Он не стал тратить время на разговор, отвернулся и принялся, наклонившись к столу, заполнять какую-то ведомость. Скорее всего, он работал здесь служащим, которого вызвали для проведения соревнований.

– Два глаза целей не увидят, – прорычал детина ему в спину. – Это и ёжику ясно!

Под потолком зажглись яркие лампы, служащие прикрепили к держателям все десять мишеней и объявили через микрофоны упражнение: стрельба из двух стволов. Первый участник встал на линию у красной ленты.

Просторное помещение ангара гасило грохот от выстрелов – звук по перепонкам не бил. Отстрелялись внутренние войска, потом десант. Результаты оказались так себе: кому-то не хватило четырёх секунд, чтобы выпустить весь заряд, пока мишени стояли фронтально; кто-то стрелял из двух стволов по очереди и мазал даже по силуэту. Вызвали охрану губернатора, и тот детина еле вытянул норматив, сопровождая матом свою неудачную стрельбу.

Молодой человек в свитере молча наблюдал за происходящим. Он помогал менять мишени и заполнять протоколы. Ещё несколько команд отстрелялись и ушли с рубежа,

и наступила относительная тишина. Пора было переходить к следующему упражнению, судьи подсчитывали очки для каждого из участников, определяли команду-победителя.

Детина, стоя рядом со столиком судей, продолжал громко и матерно комментировать происходящее. Старший судья два раза на него обернулся.

– Пожалуйста, тише, – попросил молодой человек.

– Это ты мне? – уставился на него детина. В своей чёрной куртке он был на голову выше.

Вместо ответа молодой человек что-то тихо спросил у главного судьи, и тот кивнул, разрешая. Паренёк нагнулся к стоящему у стола небольшому чемодану, открыл его и достал два длинновольных пистолета, внешне похожих на «Беретту», но чуть иных, своеобразной конструкции. Не говоря ни слова, он по очереди передёрнул у них казённые, взял по пистолету в каждую руку и сделал шаг по направлению к детине, стоявшему у края площадки. Потом повернулся к мишеням и встал перед натянутой красной лентой, отделявшей огневой рубеж.

Теперь на молодого человека смотрели все. Разговоры как-то разом смолкли. Судья снова кивнул, и парень неуловимым движением нырнул под ленту ограждения, а потом быстро побежал наискосок, пересекая посыпанную гравием площадку справа налево. В это время механизм со щелчком развернул мишени лицом к публике – на те четыре короткие секунды, которые отведены для стрельбы. Парень от-

крыл огонь сразу из обоих стволов, и скорострельность была такой, что казалось, будто от пистолетов к мишеням протянулись свинцовые нити, перечёркивая каждый силуэт точно на уровне груди. Выстрелы буквально слились в очередь, и тогда парень сделал длинный кувырок через голову, легко вскочил и произвёл, словно для контроля, ещё два выстрела. После долгой, как всем показалось, паузы механизм вновь развернул мишени боком, превратив их профили в тонкие линии. Парень, не останавливаясь, подошёл к стойкам мишеней, снял пробитые пулями бумажные контуры с креплений и принёс их к судьям.

– Все попадания – в «десятку», – объявил через микрофон судья. Наблюдавшие за происходящим разом зааплодировали.

– Молодец, Володечка, – сказал старший судья, – другого мы и не ждали.

Детина, отойдя от своих, стоял сбоку от столика с раскрытым ртом.

– Как-нибудь вот так, – взглянув на него, пояснил молодой человек, проверив казённые свои пистолеты и вновь укладывая оружие в чемоданчик.

– Где это ты... поднатыркался? – спросил у него детина, не зная, как теперь себя вести.

– В разных местах, – ответил молодой человек. Они отошли чуть в сторону, где их не могли слышать. Вблизи заметно было, какие у парня пугающе холодные глаза, да и лицо

не отражало никаких эмоций. – Ты, Дима, крикуном в школе был – крикуном и остался. А всё без толку, как и раньше.

Детина взглянул с удивлением:

– Мы, что ли, учились вместе?

– Ну да, – спокойно ответил парень. Он смотрел будто сквозь прицел. – Ты года на четыре был постарше, однажды избил меня в туалете. Не помнишь, наверное? Да и не надо. Я ведь потому в спецуру и подался, что очень уж до тебя когда-нибудь добраться хотелось. Такая у меня мечта пацанская была.

Он говорил тихо и очень внятно.

– Детские дела, – растерянно отреагировал детина. Он не решался смотреть парню в глаза.

– Это как примерить, – не меняя интонации, ответил парень. – Иногда от таких дел вся жизнь туда или сюда наклоняется.

С детины окончательно слетел привычный гонор:

– А вообще-то, ты... где? – спросил он.

– Говорят тебе: в разных местах, – всё так же, не повышая голоса и словно глядя поверх ствола, ответил молодой человек. – Тебе туда нельзя, маленький ещё.

Он повернулся и пошёл обратно к судейскому столику. На стендах уже закрепили новые мишени, и стрелки, определившись по жребью, ждали, когда их вызовут на линию огня.

Детина вернулся к своим и молча сел на место.

– Вы что, знакомы? – спросил его приятель. – Это же Во-

лодя Озеров, Герой России... Легенда спецназа, про него даже книгу написали.

Детина даже не кивнул – сидел и смотрел себе под ноги. Стрелять следующее упражнение он не стал – снялся с соревнований, и всё.

Гремели выстрелы, подсчитывались очки, объявлялись победители, и каждый значил в этом мире ровно столько, сколько заслуживал.

Без анестезии

Эта зубная клиника считалась одной из самых дорогих, здесь работали лучшие дантисты. В рекламе сообщалось, что известные эстрадные певцы вставляли себе керамику именно в этих кабинетах. У входа, в гардеробе, посетителям выдавались бахилы, холл застелен был толстым ковром, там стояли удобные мягкие кресла, а плоская панель телевизора занимала чуть ли не полстены.

Мальчик лет десяти-одиннадцати, в строгом костюмчике, белой рубашке и галстучке, аккуратно и стильно постриженный, пришёл сюда с мамой, длинные розовые ногти которой оказались разукрашены ещё и миниатюрными цветочками. Мама носила одежду, явно купленную в дорогом бутике, была длинноногой, в короткой юбке и с модной сумочкой в руках. Причёску мама скопировала из глянцевого журнала, поэтому казалась ходячей картинкой, демонстрирующей гламур.

Медсестра вышла в холл и пригласила обоих.

Они зашли в кабинет к дантисту, мальчик уселся в кресло, откинувшись и приготовившись к неизбежному. Он не улыбался и не гримасничал, как многие дети, – сидел и внимательно смотрел на доктора тёмно-серыми глазами. Мать расположилась на стуле в углу.

Дантист накинул на грудь мальчику салфетку, включил

свет и изучил полость рта. Медсестра стояла за креслом, готовила инструменты.

– Три зуба, – сказал врач и назвал цену. – Пломбы поставим из лучшего материала. Держаться будут столько, сколько сам зуб.

Мать кивнула.

– Сколько стоит анестезия? – спросил у дантиста мальчик.

– По восемьдесят за каждый зуб, – слегка удивившись взрослому тону, ответил врач.

– Я буду терпеть без наркоза, – сообщил мальчик и повернулся к матери. – Двести сорок мои, согласна?

Мать откликнулась:

– Если доктор не против...

Тот пожал плечами:

– Мне всё равно, лишь бы пациент не дёргался. Будешь сидеть смирно?

Мальчик кивнул, зажмурился и открыл рот. Врач склонился над ним, слышался свист бормашины, высверливающей дупло, и мальчик замычал от боли.

– Может, всё-таки укол? – спросил врач, отстраняясь и держа бормашину в поднятой руке. На лице у него была марлевая повязка, так что виднелись одни глаза.

– Нет, – ответил мальчик.

– Тогда поехали, – сказал врач.

Он вскрыл зуб и стал обрабатывать края отверстия, периодически давая команды медсестре. Та специальной трубчоч-

кой отводила слюну из-под языка у мальчика и меняла вату у него за щекой. Положили пломбу, и настала очередь соседнего зуба.

Машина визжала, эмаль летела крошками. Мальчик сидел, по-прежнему зажмурившись, а доктор выполнял свою работу у него во рту. Из-под закрытых век у паренька текли слёзы, он иногда пытался сглатывать, и тогда доктор на мгновение прекращал работу. Медсестра вычищала мальчику рот, давая короткую передышку, и всё начиналось заново.

Когда работа со вторым зубом почти подошла к концу, мальчик схватился за подлокотники кресла и изо всей силы сжал их руками. Ему было очень больно. Медсестра умоляюще взглянула на доктора, тот снова вынул бормашину и хотел о чём-то спросить, но не успел.

– Нет, – то ли сказал, то ли прошептал мальчик, едва шевеля губами, за которыми были проложены валики с ватой. – Делайте.

Третий зуб оказался самым трудным, и мальчик уже откровенно плакал от боли.

– Я так не могу, – сказала медсестра.

– Осталось немного, – не отрываясь от работы, сообщил врач, – терпишь?

– Да, – промычал мальчик.

– Держи рот открытым, – попросил врач, – зафиксируем материал, и всё.

Медсестра вынула у мальчика ватные тампоны и дала ему

стакан жидкости с ментолом, чтобы прополоскать рот. Тот прополоскал и сплюнул в раковину возле кресла. У него распухли губы, а в самых уголках рта, похоже, появились трещинки – там, где инструмент приходилось заводить сбоку. Не слезая с кресла, он достал из кармана носовой платок, вытер слёзы и высморкался, после чего аккуратно сложил платок и убрал в карман.

– Всё? – спросил он.

– Всё, – ответил доктор, снимая резиновые перчатки и стягивая повязку. – Привет, герой!

Мальчик пожал протянутую ему руку, выбрался из кресла и одёрнул пиджачок. Потом осторожно потрогал пальцем губы. Следом за матерью он прошёл от кабинета через холл до самой кассы. Когда она достала из сумочки кошелёк, он поглядел на неё в упор и сказал:

– Мои деньги.

Она протянула ему несколько бумажек, он пересчитал их, сложил и сунул в наружный карман, кивнув и не проронив ни слова. Медсестра вышла к стойке регистратуры и о чём-то шёпотом рассказывала служащим. Те смотрели на мальчика, который уже надевал в гардеробе пальто. Женщина набросила лёгкий плащ, они с мальчиком вышли и направились на стоянку возле клиники, где был припаркован их автомобиль престижной модели.

Мальчик шёл к машине, спокойно глядя по сторонам. По нему уже не было заметно, что он недавно плакал. Иногда он

дотрагивался до ноющих губ пальцем и нажимал на дёсны там, где болело.

Мать уселась за руль, мальчик – рядом. Он привычно пристегнулся ремнём и, когда машина тронулась, подвёл внутри какой-то баланс.

– Осталось заработать ещё четыреста, и куплю компьютер, – констатировал он. – Поставлю специальные программы, выучу математику за всю школу вперёд. И поступлю экстерном в институт.

– Да мы с Павлом Семёнычем тебе что хочешь можем купить, – откликнулась дама, выруливая со стоянки. – Что за упрямство такое?

– Я сам себе всё сделаю, – ответил мальчик. – И стану продвинутым, как папа. А Павлу Семёновичу твоему я ничем обязан не буду.

Они замолчали. Дорога стелилась под колёсами; город, как и всегда днём, был забит транспортом, и в пробках иногда приходилось простаивать подолгу.

Мальчик смотрел на дорогу тем же спокойным, уверенным взглядом. Он точно знал, что всё, что задумано, у него получится.

Парад в честь Дня Победы

Я – из числа тех последних, которые не только видели Вторую мировую, но и воевали. Я – из уходящего поколения и, наверное, единственный, кто четыре раза бежал из фашистских концлагерей, в том числе Майданека. Меня ловили, пытали и снова бросали за проволоку, а я находил способы и вновь сбегал. Один раз пришлось сутки лежать в повозке под трупами – удалось поменяться с покойником номерами на робе, меня вывезли в лес и закопали в общей яме. Как я оттуда выбирался, рассказывать не буду, и без того понятно.

Я воевал за нашу страну – великий Советский Союз – и присягал нашему флагу, а не всей той сволочи, которая сегодня правит Россией. Всё, что я вижу вокруг, – это торжествующая мразь, жиреющие нувориши, а народ-победитель живёт в нищете и не смеет даже рта открыть, чтобы высказаться вслух.

Так вот: я скажу!

Два последних года я ношу в ухе аппарат, без которого вообще ничего не слышу. И, чтобы вы знали: я почти всё время держу его выключенным, потому что не желаю слышать враньё, которым нас пичкает власть. Телевизор я не смотрю по той же причине.

Но сегодня, в семьдесят пятый День Победы, я надену все свои ордена и медали, включу слуховой аппарат и приду на

телестудию, куда меня вызвали вместе с другими ветеранами для торжественного, как они сказали, разговора в прямом эфире. Я им устрою разговор!

Жить мне, понятное дело, осталось недолго, и после того горя, что довелось пройти, бояться мне нечего. В сорок четвёртом в гестапо мне, пацану, ломали пальцы, когда дознавались, откуда и как я оказался на закрытом объекте, да ещё с немецким «вальтером» в кармане. Откуда мне было знать, что там был за объект? Я три дня назад бежал из шахты, где нас заставляли таскать уголь, а поляк, мой напарник, скрутил в штольне шею надзирателю и забрал у него пистолет. Мы тогда поднялись наверх вместе с другой сменой и ушли через окно раздевалки, имея в запасе три часа, пока не кинутся искать. Поляка застрелили полицаи в соседнем городишке, а я по руслу ручья ушёл от собак. Ночью, пробираясь оврагами, я оказался в укрепрайоне, где меня оглушили прикладом по голове, а потом доставили в гестапо и начали допрашивать... Оказалось, объект был под усиленным контролем, а я прошёл незамеченным сквозь три кольца охраны. Повезло, что не застрелили сразу. Я и оттуда бежал, добрался до своих и закончил войну в рядах Красной армии, а вот сегодня я должен выступать как ветеран, о котором власть якобы проявляет заботу. Нужно сказать в адрес этой власти несколько слов благодарности.

За что?

За ту нищенскую пенсию, которую имеют в нашей стра-

не старики? За опустевшие поля, на которых никто не сеет, потому что все продукты везут на прилавки из-за границы? За остановившиеся заводы в маленьких наших городках, где раньше люди и жили-то только потому, что имелась работа, а теперь предприятия встали, а население спивается от безнадёги... За это им – спасибо?! Или за поколение наших внуков, не желающих учиться, не создающих семьи и не рождающих детей?

Сегодня, в прямом эфире, я плюну в лицо этой власти от имени тех, кто имеет на это право. Не для вас мы отвоёвывали каждую пядь земли. Не вам мы приносили себя в жертву. Россия терпит пока ещё вас, словно вшей на своём теле, но вы так расплодились, что скоро нашу страну ждёт большая дезинфекция!..

Так я всё вам и скажу, и это станет моим личным парадом Победы. Что вы мне сделаете – арестуете? Меня это не пугает. Убьёте где-нибудь в подворотне, якобы хулиганским образом? Я и этого не опасаясь, потому что прошёл через такой ад, который вам и не снился. Отнять вам у меня нечего, даже квартиры сносной власть мне не дала, так и живу в коммуналке – за все мои старания.

Сегодня вся страна, вся наша Родина услышит мои слова. Люди должны знать правду! А потом я снова выдерну из уха свой аппарат, и пропадите вы пропадом, власть имеющие! Я выйду на Красную площадь и пройду по ней гвардейским маршем, звеня своими наградами.

Отдаю честь российскому знамени и снова присягаю своей Отчизне.

Служу России!

Атаманский округ

I

Посёлок в оренбургской глуши, когда-то известный на всю округу своим колхозом, теперь тихо вымирал. Народец спивался, молодёжь колобродила, потому что работы почти не стало, а если кто-то из селян ещё строился или находилось дело в колхозе – все подряды забирали себе шабашники, приехавшие своей общиной с юга и заправлявшие здесь силой. Крупное в прошлые годы хозяйство развалилось, председатель даже сев и уборку как следует наладить не мог, а уж содержать стадо – тем более.

В ночь на первое марта, по самому ещё снегу, в крайнюю со стороны шоссе избу незаметно вернулся домой из тюрьмы невзрачный, вжавший голову в плечи человек.

Звали его Пётр, и свои пять лет за глупую аварию, когда погиб человек, он протянул от звонка до звонка.

Всё, что на зоне могло случиться худшего, с ним случилось. Он и раньше, до тюрьмы, нрава был тихого, а теперь и вовсе выглядел забитым и вздрагивал от каждого резкого звука. В свои тридцать он выглядел много старше, с лица был худ, с потерянными глазами. Дома его ждали мать и брат Павел – человек хмурого вида, на пять лет старше, неженатый.

На широком подворье стояли в хлеву коровы, водилась птица, отдельно находился свинарник – хозяйство было справное, но всё это Пётр увидел уже назавтра, потому что вечером поел, упал в постель и проспал двенадцать часов не открывая глаз.

Неделю он приходил в себя, не высовывая со двора носа. За это время брат рассказал ему все новости, из которых хороших было мало. Например, о том, что бывшая жена Петра уехала к своим в Курск, велела её не тревожить.

Вместе братья нарубили дров, подправили колодец, и тогда Павел предложил:

– Давай привезём маленькую лесопилку – я тут присмотрел, недорого. А то в селе доску на домовину взять негде – ни гроб, ни крест не сделать.

Пётр до тюрьмы работал в райцентре экономистом, он что-то посчитал на бумажке и, всё ещё робко, согласился:

– Давай.

Он никак не мог привыкнуть к воле.

Прошло две недели, и на тракторе с прицепом прибыло оборудование. Место для станков приготовили заранее, по разметке залили фундамент. Станки сгрузили, долго налаживали, после чего за пару дней соорудили над ними навес и расширили въезд в ворота. Третью двора отвели для будущего склада и прикинули, как будут вставать машины под разгрузку. Всё вроде бы получалось как надо.

Братья съездили в ближайший леспромхоз, договорились

о поставке брёвен. Первую небольшую партию купили за наличные, остальное нужно было оформлять на реализацию.

Кругляк отбирали сами, и, пока работали, стало заметно: солнце днём стало пригревать, а снег до рези слепил глаза.

Весна готовилась наступить.

II

Старший брат, Павел, жил в селе безвыездно и знал всю администрацию по именам.

Разрешение оформили быстро – теперь можно было начинать дело. Доска лежала во дворе, двое рабочих и бригадир нарезали брёвна циркулярной пилой, складывая сделанные доски и перемежая их для удобства поперечинами из бруса. В местной газетке поместили объявление, но по сарафанному радио всё было давно известно, и в первые же несколько дней заготовленные доски вывезли подчистую. Можно было готовить следующую партию, и тогда во двор заглянули двое южан – из тех, что здесь шабашили и, как поговаривали, хорошо подружились с председателем колхоза.

Один из них походил по двору, полному опилок и щепы, другой сразу же подошёл к Павлу:

– Ты здесь главный? Свою доску только нам продавать будешь. Цену мы тебе сами назначим.

Когда они ушли, Павел сел, обхватив голову ладонями, и долго молчал.

За воротами маячили несколько фигур, потом вошли, и Пётр, стоя на крыльце, увидел подростков. Те переминались у входа, потом старший, лет восемнадцати, двинулся вперёд, остальные за ним.

– Ты тут... из тюрьмы вышел? – спросил у Петра парень. – Короче, заели нас эти кавказцы. Надо что-то делать.

Пётр глядел, ничего не понимая. Сзади подошёл Павел, спросил у парня:

– А вам-то чего?

– Избили вчера нашего, – пояснил тот. – Ножамы грозят, их тут человек сорок. Если одного тронешь, остальные хором наваливаются.

– А вас сколько? – спросил Николай.

– Да тоже вроде того. Только нам никак не собраться: кто трусит, кто пьёт. Вот мы и пришли... гнать их надо, оборзели вконец. Говорят, это их земля.

– Чья?!

– Ихняя! – заголосили подростки разом. – Скупить хотят все угоды! И родственников своих уже привезли, чтобы дербанить тут всё вокруг, власть над нами держать.

Милицию купили... Ты скажи, – обратился парень к Петру, по-прежнему растеряно молчавшему, – как нам быть? Раз ты... это... ну, сидел – значит, знаешь! Будешь у нас за старшого. Мы тут поговорили, в общем – согласны.

Петр обвёл пацанов глазами. Тех было пятеро. Молчание длилось. Сбоку вмешался Павел:

– Соберите корешей, приходите через два часа, мы тут всё обмозгуем.

– Придем, – обрадовались подростки, – всех соберем, не бойсь!

Они с гомоном вышли, а Павел повернул к брату свое тяжёлое лицо и сказал:

– Ты кто?

Пётр в недоумении молчал. Он вообще хотел бы оставаться на третьих ролях, а тут его со всех сторон донимали.

– Ты казак, – уточнил Павел. – И дед наш, и отец были оренбургскими казаками.

У этих пацанов родители тоже из наших – будем сход объ-являть.

– И... что? – робко поинтересовался Пётр. Его худое лицо не выражало ничего, кроме растерянности и привычного затаенного страха.

– Будешь у нас атаманом, – как о свершившемся факте, заявил Павел. – Слыхал, почему к тебе молодые приходили? Им главный нужен, ну а ты у них – в авторитете: сидел.

– Да какой там авторитет!.. – почти выкрикнул Пётр. – Я же...

– Будешь атаманом, и всё! – оборвал его Павел. – А командовать я за тебя стану. Ты только кивай... Пора жизнь налаживать, братан, понял?

Тот понял, поэтому потерянно согласился.

Через два часа набился полный двор народа. На крыльце

расхаживал Павел, строго поглядывая на толпу молодых, которые переговаривались и курили. Все ждали Петра, и когда он вышел из дверей хаты, в один момент смолкли.

Тот был в чёрной куртке, штанах с тёмно-синими лампасами, в сапогах, а на голове у него красовалась дедовская каракулевая папаха. Пётр остановился на крыльце возле перильцев и молча глядел на толпу, а толпа глядела на него.

– Слушать сюда! – зычно гаркнул Павел, возвышаясь рядом с братом. – Мы с вами казаки, и отцы у вас тоже казаки! Мы – сила! Нас хотят положить на землю, но мы сами кого хочешь положим! Будем выбирать казацкий круг... кто за старших, выходи вперёд, к крыльцу.

Несколько человек продвинулись сквозь толпу, ещё двоих-троих выпихнули свои.

– Десять надо! – рявкнул Павел. – Ещё давайте. Так, хорошо. Каждый из них будет командовать десятком своих пацанов, выстраивайтесь, кто с кем вместе.

Пацаны разбились на группы, многие стояли теперь по пять-шесть человек.

– Нашим атаманом будет Пётр, – рявкнул Павел, показывая на брата. Тот по-прежнему ни слова не проронил, внутренне обмирая от страха и стараясь хотя бы не прятать голову в плечи. – Вы сами так решили! Любо!.. – крикнул он.

Кто-то из толпы поддержал.

– Не слышу, – прорычал Павел. – Ещё раз, вместе: любо!!!
Теперь толпа заорала в голос, наслаждаясь своей общно-

стью.

– Пусть сегодня каждый поговорит с родителями. В восемь часов собираемся возле церкви, кто может, приведёт отца. Женщин не брать! Не ихнее это дело. Разойтись! – крикнул Павел. – Десятникам остаться...

План был разработан, хотя не то чтобы до мелочей. Павел сходил на почту и позвонил кому-то в Оренбург. Пацаны разошлись готовиться, двое остались – стали сбивать длинную лавку из подручного материала.

Пётр наконец-то смог зайти в дом, сел на стул возле печи и потерянно уставился в окно.

– Не дрейфь, – сказал ему Павел, – я подмогу вызвал.

Подмога прибыла часа через три. По наезженной колее с трассы въехали во двор три крупногабаритных джипа, потом заехал автобус. Оттуда выбрались десятка полтора человек, чем-то похожих друг на друга, – наверное, бородами и пятнистой униформой. Кое у кого были чехлы с охотничьими ружьями, они не торопясь их распаковали, надели патронташи и выслушали вводную.

– Пошли, – скомандовал Павел. – А ты дома сиди, не высовывайся, – приказал он брату. – Тебя там видеть не должны.

Ровно в семь часов в той части села, где жили шабашники, грохнули выстрелы в воздух и вскинулось пламя. Горели вагончики, где жили пришлые. Самих их, со связанными руками, выводили по нескольку человек на главную площадь

и, положив лицом вниз на лавку, со свистом пороли нагайками. Молодые пацаны держали, бородатые мужики отмеривали по пятнадцать ударов плетью. Тех, кто пытался сопротивляться, избивали в кровь, одному, выхватившему было нож, разбили голову прикладом. Собравшаяся на площади толпа смотрела на происходящее, не до конца всё понимая, но с одобрением.

Пришлых построили и под конвоем вывели за деревню – кто в чём успел выбежать из вагончика. Вслед им дали залп, кого-то задело дробью, и тот гортанно закричал. Потом всё смолкло.

– Граждане, – выкрикнул во всеуслышание Павел, встав над толпой на лавке, – мы свободные люди! С сегодняшнего дня здесь командует казачий сход.

За это время Петра привели из дома, всё так же наряженного в папаху, штаны с лампасами и сапоги. Павел буквально выдернул его наверх, к себе на лавку, и, показывая толпе, объявил:

– Это наш атаман!

Он поднял руку Петра вверх, и тот увидел, что в руке у него зажата нагайка:

– Любо! – крикнул Павел. – Любо!!! – заорали молодые с разных концов площади, а за ними и те, кто постарше. Крик этот, ширясь, понёсся куда-то в заснеженную степь и, отзываясь эхом, долго не умолкал в вечерней тишине.

Ш

За два года всё изменилось радикально. Колхозных коров раздали в личные подворья, туда же развезли по три центнера комбикормов – бесплатно. Казачья община арендовала всю землю, ранее принадлежавшую колхозу, и земельный пай теперь оказалось невозможно продать на сторону без решения схода. Взамен каждый землевладелец получал от общины процент от урожая: все работали на всех.

Схему эту ещё в тюрьме придумал Пётр, она позволяла собрать остатки средств в кулак и организовать в селе новое производство. Молоко от коров собирали и отвозили на сепаратор, который давал доходы общине. Нерадивых хозяев пороли на площади, а кому и сколько давать плетей, решал сход – теперь туда выбирали по уму, а не кого придётся. При этом выпоротый обязан был поклониться и громко сказать: «Спасибо за науку!»

За счёт общих средств починили дороги. Матерям стали платить, когда те рожали детей. Новобрачным община строила новую избу, а от лихих людей защищала казачья стража. Впрочем, сейчас сюда никто и не совался, разве что из начальства кто-то заезжал – смотрел, как дела, и снова исчезал в никуда.

Петра стало не узнать. Он сидел в главном кабинете в здании, на котором красовалась вывеска «Атаманское правле-

ние», и занимался тем, о чём мечтал всю жизнь: экономическими расчётами. Становилось ясно, что нужно поставить в селе собственный тарный цех и налаживать сквозное производство, от комбикормов до магазина. Ещё нужны были мини-фермы и мясной цех. Теплицы для грибов. Цветники, чтобы перешибить голландские поставки в город. Собственный транспорт. Новая котельная.

Пётр отдавал распоряжения с вежливой улыбкой, но слушались его безоговорочно.

Осенью в селе организовали ярмарку. Торговали всем: от рукоделья до семян. Повозки стояли на выгоне, специально расчищенном для этих целей; машины, пыля, сворачивали с трассы – везли сюда, везли отсюда, и водители с недоумением смотрели на высаженные вдоль главной дороги ёлочки.

Соседние сёла загибались. Это – процветало.

Пётр ходил вдоль товарных рядов, самолично наблюдал за порядком. Штаны с лампасами и сапоги смотрелись теперь на нём вполне естественно, он даже отпустил небольшие усы – для солидности.

– Эй, атаман, когда на мне женишься? – кричали ему бойкие бабы, а он только ладонью отмахивался: охальницы!

Нос к носу он вдруг столкнулся с человеком, которого слишком хорошо знал.

– Оп!.. – сказал тот. – Юла, ты-то здесь откуда?! И штанишки на тебе чудные... Ну-каними, старое вспомним!

Человек этот улыбнулся, и в нижней челюсти у него стал

заметен золотой зуб-фикса. Фиксу Пётр помнил хорошо: его камеру держал именно этот блатной.

– Ну, как дела? – переспросил тот, не отпуская Петра взглядом.

– Проходи, – сказал Пётр, – не знаю тебя.

– Забыл, значит? – с укоризной поцокал блатной языком. – Может, напомнить, как тебя на шконке пялили? Да ты, видать, тут начальником заделался, – дошло до него. – Значит, и мне счастье привалило! Верно, Санёк? – обратился он к напарнику, который вырос у Петра за спиной.

– Привалило, это точно, – констатировал тот. Голос его Пётр тоже хорошо помнил.

Он побелел от этих воспоминаний.

– Глади, щас упадёт, – прихватывая Петра рукой, сказал первый. – Пошли, петушок, показывай своё хозяйство. Мы готовы принять подарки.

Он подтолкнул Петра к выходу из рядов. Одна из баб заметила нехорошее, шепнула что-то другой, и та, выскользнув из-за прилавка, куда-то исчезла. Подталкиваемый с двух сторон Пётр шёл к зданию правления, но перед тем, как перейти площадь, резко остановился.

– Слушай, ты, Бузлак, и ты, чмо, – сказал он, внимательно поглядев по очереди на обоих. – Юлы здесь больше нет. Здесь есть атаман казачьей станицы. Даю вам десять секунд: повернуться, дойти до своих тачек и никогда больше сюда не приезжать. Иначе живы не будете, оба!

– Во как заговорил! – удивился блатной. – Да я тебя...

– Ты, сука, не понял, – сжав зубы, сказал Пётр. К ним со всех сторон бежали люди из казачьей стражи. – Жить не будешь!

Тех двоих отволокли в сарай и зашли туда всей толпой сами. Внутри что-то творилось. Минут через десять казаки вышли обратно на улицу и заперли за собой дверь. Следствие потом определило, будто блатные подрались между собой и там же, в сарае, друг друга порезали до смерти – всё это было написано в прокурорском протоколе. Павел лично проследил, чтобы именно такая формулировка появилась в окончательном заключении, и лишь после этого успокоился.

– Командуй дальше, – возвратившись из райцентра от следователя, сказал он брату. – А я, не поверишь, жениться надумал. Самое время пожить-то, а?

Пётр кивнул: действительно, теперь пожить было можно. Самое время!

Философ

Он был обаятелен, умён и очень добр к людям. Женщины в нём души не чаяли. Толстый, лет сорока, с небольшой бородкой, улыбающийся, уже через минуту он завоевывал ваше расположение, так что вы переставали замечать, что перед вами – безногий инвалид в кресле с колёсиками. Потом вы поневоле задумывались и решали про себя, что если уж у него дела складываются так удачно, то вам, нормальному, с руками и ногами, человеку вроде вас сам Бог велел становиться успешным. Вы оказывались обречены на победу – вот каким он заряжал настроением.

Ему писали и к нему ехали отовсюду, вроде бы для решения конкретных вопросов, а по сути – за советами. Этот человек создал своеобразное царство детского театра, включавшего в свой состав лучших актёров из разных стран – кукольников, мимов и обычных игровых трупп. Спектакли ставились разные: для маленьких и для тинейджеров. Те, кто входил в общий альянс, обменивались выступлениями и площадками, собирая на свои представления самую благодарную, детскую аудиторию. Фактически речь шла о создании общемирового театра для детей, с общим графиком работы и постановками.

Целью и смыслом всей этой многотрудной работы стояло воспитание доброты – в тех юных умах и жизнях, по которым

ещё не прошёлся тяжёлый каток обстоятельств, разрушающих представления о плохом и хорошем в пользу сиюминутной выгоды. Как поведёт себя взрослый, определяется именно той философией, которую он ещё в молодости принял за основу: вот почему детский театр оказывался незаменимым средством, своего рода прививкой от грядущих недугов.

Человека, который создал грандиозную театральную матрицу, где каждый спектакль становился известен миллионам зрителей по всей планете, а создаваемые образы – бесконечно любимы детьми (маленьких этих зрителей театральные коллективы словно бы бережно передавали друг другу из рук в руки, воспитывая лучшие чувства и укрепляя светлую веру в добро), – этого человека звали Марк. Его можно было увидеть в любой точке мира, где ставился детский спектакль: Марк лично просматривал репертуар, выделял лучшие постановки и включал их в свою сеть. После чего для отобранных им спектаклей открывалась невиданная доселе перспектива: гастрольные поездки, участие в фестивалях, большая аудитория. Созданный ради общей цели финансовый фонд позволял театральной империи Марка расширять сферу влияния, это приносило доходы, в свою очередь, пополнявшие фонд. Поскольку решена оказалась главная задача – финансовая, – можно было без боязни глядеть в будущее.

Каждый ребёнок, посетивший театр, ставился на особый учёт; с родителями, по большей части, завязывалась переписка в интернете. Посещая один за другим спектакли по

специальному абонементу, маленький зритель словно бы проходил сквозь ряд светлых образов, остающихся с ним на всю предстоящую долгую жизнь. Позже это должно было спасти в ситуации, где ничто другое уже не спасало.

Постепенно вокруг матрицы складывалась своеобразная религия позитива и справедливости, где Марк начинал выполнять роль главного проповедника. Он вовсе не старался вещать, подняв палец к небу, но каждое его слово изустно тиражировалось и превращалось в своеобразный канон.

– Эдак я стану святым при жизни! – с иронией говорил он, добавляя: – Но поверьте, грешен, канонизировать не получится.

Он был равнодушен к женщинам и мог очаровать любую. За красавицами Марк не гнался, понимая, что для них общение с инвалидом требует особых душевных сил – однако и с импозантными особами порой крутил короткие и страстные романы. В основном, конечно, он одаривал своим обаянием женщин из театральной среды, прекрасно зная их слабости и по-мужски жалея. Рядом с ним женщины любого возраста чувствовали себя защищёнными, и, как ни странно, такое ощущение сохранялось у них и после расставания, которое никогда не превращались в драму.

О себе Марк скупно сообщал, что свою любовь когда-то потерял вместе с ногами. Что именно это означало, знали только самые близкие, но они предпочитали молчать. Ясно было, что ничто человеческое этому философу было не чуж-

до, и постепенно, что бы он ни говорил, становилось чуть ли не истиной в последней инстанции не только для миллионов детей, но и для их родителей. Его советам следовали беспрекословно, его интервью становились катехизисом, на что он сам внимания не обращал и отмахивался:

– Обычный здравый смысл плюс житейский опыт, не нужно преувеличивать.

Ему приходили письма со всего мира, секретарь не успевал их сортировать, а референт – переводить, чтобы потом в виде одного абзаца изложить суть. Марк отвечал всем, кто к нему обратился: одним подробно, другим в виде краткой фразы. Например, его спросили, как он определяет понятия добра и зла, и он не разразился большим трактатом, а внятно и просто пояснил: «Добро – это то, что способствует развитию человека, или народа, или всех людей. Зло этому препятствует». Вот и всё, но попробуйте сказать лучше.

Его письма, стоило собрать их вместе, могли бы составить несколько томов. Собственно, его референт так и собирался сделать, и если бы не сотни текстов, обрушивающихся еженедельно со всех сторон, в том числе по интернету, то, возможно, появилось бы время и на это. Некоторые записки можно было печатать в сборнике научных трудов, другие – в книге рекомендаций домохозяйке. Кое-что лежало в сфере глубоко интимных отношений, но и здесь Марк находил удивительные в своей правоте решения, позволявшие увидеть ситуацию в истинном свете и разрешить любые проти-

воречия.

Одна молодая женщина написала, что у них с супругом есть друзья, такая же пара, и все в этой компании симпатичны друг другу. Муж предложил ей на один вечер поменяться партнёрами, сказал, что всё организует, – и что же ей теперь делать?

«Будет масса новых впечатлений, – ответил ей Марк, – но после того, как вы побываете в посторонних руках, ваш муж постепенно перестанет к вам притрагиваться, а потом и вообще разведётся. Так и слышу ваш вопрос: почему? Ведь он сам всё это предлагает? Отвечаю: потому что нет такого мужчины, который потом не стал бы безумно ревновать к произошедшему. И нет такой пары, которая внутренне не развалилась бы после подобного размена. Он станет вами брезговать, потому что удовольствие, которое вы получаете именно с ним, мужем, в его глазах не может сравниться больше ни с чем. Но получится, что вы, чуть ли не на соседней кровати, возьмёте то же самое от другого самца: значит, то особенное, что связывает вас с любимым мужчиной, на поверку окажется самой банальной процедурой, которая может связать вас с любым посторонним мачо. Каждый мужчина высоко себя ценит, так что подобного внутреннего унижения не потерпит. Даже если он сам инициирует ваш обмен парами и после сделает вид, будто всё получилось хорошо, перспективы ваш брак после этого не имеет.

Вот почему сейчас с негодованием отвергните его прось-

бу, а если уж вас безостановочно тянет к тому, другому – постарайтесь сделать всё так, чтобы никто о вашей связи не узнал. Потом сами разберётесь в своих ощущениях и решите, что делать дальше. По крайней мере, у вас останется шанс вернуться, ничего не сломав.

А если сумеете – постарайтесь без этого обойтись».

Подобные письма и ответы не были редкостью, как и другие – гораздо более глубокого философского плана.

«Чем измеряется человеческая значимость? – спрашивали у него. – Почему одних людей считают великими, хотя они сотворили много зла, а других – ничтожными за одно лишь то, что жизнь их складывалась по общечеловеческим правилам?»

В ответ следовало подробное и грамотное изложение Марком своей доктрины, где всё определялось масштабом задач, стоящих перед самим человеком. Маленьким людям приходилось жить ради выживания, большим – определять для себя дальние горизонты, с учётом собственного предназначения. «Те, кто лучше понимает, чего хочет Бог от человечества, и познал на этом пути себя, – они-то и являются воистину великими, – ответил Марк. – Масштаб человеческой личности определяется той целью, к которой этот человек реально стремится. Не просто декларирует её, а всеми силами добивается.

В свою очередь, цель эта должна отвечать двум критериям: развитию способностей, заложенных в самом человеке,

и максимальному количеству людей, которые выиграют благодаря достижению этой цели.

Если кто-то захотел построить дом и от этого стало лучше его семье – прекрасно.

Если кто-то стал учёным и открыл законы, которые в чём-то помогут человечеству, – прекрасно вдвойне.

Это не значит, что кто-то становится «лучше других» оттого лишь, что ставит перед собой более высокие задачи. Но это безусловно значит, что тот, чья жизнь посвящена высоким целям, для человечества представляет более существенную ценность по сравнению с тем, кто живёт лишь для себя».

Из этого развёрнутого ответа следовало, что если люди хотят жить лучше, то они должны помогать тем, кто ставит перед собой высокие задачи. Проще некуда.

За такой простотой стояло многое. Мир в перспективе виделся Марку зрительным залом, где взрослые, то есть бывшие дети, играли для своих маленьких зрителей добрые сказки. Зла в этом мире не существовало, каждый приносил пользу другим: кто-то ббольшую, кто-то меньшую.

– В царствии Божием, – смеялся Марк во время какого-нибудь застолья, – нету тьмы. Есть только свет – яркий или слегка приглушённый, если светильник, скажем так, устал. Но, повторяю, никакой тьмы не существует!

Рядом с ним и вправду было светло.

...Я любила его всю жизнь, как люблю и сейчас – пронзительно, до слёз, и всегда готова была выполнить любую его

прихоть. Лет двадцать назад – то есть в ту пору, когда мы ещё были молоды, – я могла вечером залезть на подоконник в собственной комнате, зажечь свет, раздеться до трико и танцевать, как бешеная, под громкую музыку – зная, что он стоит на тёмной улице и наблюдает изгибы моего тела в ритме рок-н-ролла. Белыми ночами в Ленинграде, где жил Марк, мы гуляли по набережным, наполненным такими же влюблёнными парочками, а если были в Москве, где я тогда училась, то могли завалиться, например, в джаз-клуб и просидеть там до утра.

Я была худой и тонкой как спичка, родители даже отдавали меня в детстве в балетную школу, а Марк уже тогда отличался упругой полнотой и неуёмной энергией. Наши сияющие лица выдавали всё, что нас связывало, и мы целовались там, где нас, как тогда казалось, никто не мог заметить. То есть везде.

Теперь, чтобы напомнить себе те ощущения, Марк иногда достаёт из верхнего ящика стола фотографию в рамке, на которой мы стоим рядом, обнявшись, с глупыми от счастья лицами. Потом он убирает фото обратно и вновь погружается в бесконечную череду спектаклей и поездок по миру.

Я вижу его таким, каким он был, и знаю, каким он стал сейчас. Я люблю его всяким, и чувство это свободно от других эмоций, потому что, будучи уже беременной, я погибла в той аварии, где он потерял ноги, и попросила Бога, чтобы он дал мне возможность побыть ещё немного в небесах над

тем миром, где, в его физическом воплощении, существует мой Марк. Я с небес отводила от любимого неприятности, о которых он даже не предполагал, и, как прежде, потворствовала любым его прихотям, в том числе с этими девицами и женщинами, без которых он, наверное, не мог обходиться, но к которым не испытывал и сотой доли тех чувств, что составляли суть наших с ним отношений.

Я знаю, что, по земным меркам скоро, мы снова встретимся – здесь, на небесах, где я терпеливо жду его, исполненная, как и все прочие сущности, только любви, которой Марк учит детей на своих спектаклях там, на Земле.

Он учит их так, как делал это в своё время со мной, когда ставил свои первые спектакли-сказки. Тогда он сажал меня в театральном зале с мальчишками и девчонками, и я вместе с ними замирала от восторга или страха, а потом смеялась и хлопала в ладоши, переполняемая тем светлым чувством, которое испытываю к Марку и теперь.

Мы остаёмся вместе и по-прежнему любим друг друга.

Иногда я обращаюсь к нему, и кажется, будто он меня слышит.

До встречи, Марк. Храни тебя Господь.

Цикл «Доказательства от противного»

Кастинг

С виду мужчина был плотным, лет сорока двух, невысокого роста, с округлым лицом. На груди он носил золотую цепь с крестом, и летом, когда все ходили в открытых рубашках, это было вполне заметно. Родом мужчина был из Новосибирска, у него водились деньги, и однажды он решил исполнить давнюю мечту: прокатиться на быстроходной двухпалубной яхте по Средиземному морю. Конечно же, не один.

Жена его и двое детей остались в Сибири, а сам он прикатил в Москву, зашёл в агентство, фрахтующее катера и яхты, и заказал маршрут с обязательным заходом в Неаполь. Стартовать нужно было из Барселоны через неделю.

Тогда он и появился в нашем модельном агентстве. Я девочками не торгую, но кое-что предложить ему могла. Этому оказались нужны не просто секс-услуги, а чтобы в голове у девиц что-то было тоже: не полные чтоб дурочки. Он попросил, а точнее предложил, чтобы все потенциальные претендентки ответили на три вопроса, по одной фразе. А также, дополнительно, на четвёртый, вроде бонуса. Достав из кар-

мана бумажку, он мне эти вопросы показал.

Вот они:

1. Что такое счастье?
2. Сколько вам требуется денег, чтобы не нуждаться?
3. Каким, по-вашему, должен быть мужчина?

«Бонус» звучал так: согласны ли вы поехать в двухнедельное путешествие с мужчиной, если с ним поедут также и другие девушки?

Не знаю, сам ли он это всё придумал или подсказали. За мою двадцатилетнюю практику в модельном бизнесе такого ещё не было.

Я устроила ему кастинг: на подиум выходили девочки, одетые и не очень. Он сидел в зале и смотрел, потом попросил раздать вопросники тем шестерым, которые ему понравились. Я не объясняла девочкам задачу, но знала, что с теми, кто пройдёт отбор, он собирался пойти поужинать в хороший ресторан, чтобы там познакомиться.

И мне, и девочкам за выход хорошо заплатили. Мужик был щедрым, но по-купчески купюрами не швырялся, что мне в нём сразу же понравилось. Деловые люди умеют считать деньги, поэтому неадекватного поведения можно от них не ждать. А то бывает... впрочем, не стоит портить настроение такими воспоминаниями.

Девочки старательно заполнили бумажки, и я вместе с фотографиями моих красавиц отдала их дяде для осмысления – перед этим, естественно, прочитав.

Практически все девочки считали для себя счастьем любовь и семью.

Никто не называл запредельные цифры, когда речь шла о потребностях: было бы на что жить, одеваться и ездить на курорты. Одна, правда, высказала претензии на престижный автомобиль типа «Лексус», шубу из горностая и «чтобы жить в Париже», но это было скорее аномалией.

Своего мужчину все представляли благородным, умным, способным на любовь и, главное, на понимание. Видимо, по жизни им всем доставалось от тех козлов, которые видели в них только ноги от ушей.

Но самым главным были ответы на «бонусный» вопрос.

Все как одна отказывались от поездки в случае, если там могла оказаться другая девица или тем более несколько. Признаться, я думала о своих курочках хуже, полагая, что они своего хотя бы маленького шанса не упустят. Какая разница, продаваться оптом или в розницу? Но никто из моих моделек не написал даже что-то вроде «Почему бы и нет?». Отказ был окончательным и обжалованию не подлежал.

Дядечка сводил троих из них, по очереди, в ресторан, переговорил, познакомился и на одной остановился. Только и здесь ему тоже вышел облом: девушка посмотрела на его золотую цепь, послушала разговоры – и ехать в круиз отказалась начисто. Потом она мне всё это пересказывала, а я только головой качала. Потому что до этого я думала, будто за деньги они, девочки, готовы... ну, не на всё, конечно, но на

многое. Вышел у меня с такими представлениями полный облом.

Похоже, мужик отказался от маршрута по Средиземке и уехал к себе обратно в Сибирь. А мы продолжили работу, демонстрируя коллекции довольно известных дизайнеров, и спустя полгода весь наш коллектив официально пригласили на показы в Испанию.

Вот так!

Невозможное – рядом

В Санкт-Петербурге стояло лето.

Среди дня, в самую жару, когда от духоты в центре раскалённого города некуда было скрыться, вдруг, собравшись за секунду, ударил ливень. Стена падающей воды обрушилась на улицы и проспекты, мгновенно разогнав гуляющую публику под первые попавшиеся крыши. Кто успел – занял столики в кафе; остальные, отряхиваясь на ходу, влетали внутрь уже мокрыми: иные – слегка, иные – насквозь.

– Извините!..

Светловолосый парень, прижав к груди видеокамеру, ввинтился к девушке под зонт и, улыбаясь, пошёл рядом, слегка пригнувшись. Через два шага он уже держал её под локоть, а ещё через два, увидев дверь кафе, предложил:

– Зайдём?

Она оторопело глянула серыми глазами на нахала, но он сказал:

– Угощаю чем хотите. – И буквально в одно движение завёл её внутрь. Девушка сложила зонт у входа, обернулась – для неё уже взяли на стойке чайничек с ароматным, отдающим мятой напитком и понесли его в сторону отдельного столика возле окна.

– Женя, – отрекомендовался парень. Вблизи он оказался светло-русый, коротко, почти под ноль, стриженным, так что

мог показаться и блондином. Одет парень был в светлую рубашку и светлые, в тон к ней, джинсы. Видеокамеру он положил на стол.

– Катя, – в той же манере представилась девушка. – Вы всегда такой... быстрый?

– Нет, – сказал он, разливая чай по чашечкам. – Только когда съёмками не занят... На съёмках не тороплюсь.

Он кивнул на камеру, лежащую на столе.

Девушка красивым жестом поправила тёмные волосы.

Всё было в порядке: она знала, что выглядит симпатичной. Впрочем, незаметно было, чтобы парня это хоть немного тронуло.

– А что вы снимаете? – спросила она.

Парень глянул испытующе: в какой степени интерес серьёзен.

– Город, – ответил он. – Особый питерский дух. Здесь всё пропитано ностальгией по тем временам, которых я не видел. Вот и хочу понять, в чём тут фишка.

– И в чём же? – спросила девушка. – Например, что вы сегодня снимали?

Он отхлебнул чай, раздумывая, как всё объяснить.

– Мосты, – ответил он. – Ночью я снимал, когда их разводили. Попросился, и меня пустили в зал с механизмами, а потом под сами пролёты, там, где огромные шестерни и противовесы. А вчера днём забрался на крышу Академии культуры и оттуда брал панорамные виды. Сверху всё смотрится

по-другому... У меня в плане сегодня прокатиться на речных трамвайчиках и заснять всё с воды. Поедете со мной?

Девушка чуть повернула голову к окну. На улице всё так же бушевал ливень, но небо постепенно становилось ясным, и минут через двадцать всё должно было закончиться. Она чуть поправила лёгкое платье и с сожалением сказала:

– Я спешу. Может быть, в другой раз...

– А может, наоборот: отложить... куда вы так спешите, Катя? – возразил парень. – Я ведь не всё вам рассказал. Я снимал Новую Голландию, казематы Петропавловки, меня пропустили даже в запасники Эрмитажа и в подсобки Кунсткамеры. Я снимал репетиции балета Эйфмана и мужского балета Михайловского... Я был на выпуске спектаклей Льва Додина – в знаменитом Театре Европы, если знаете. Допустим, всё это удастся сложить в один фильм, минут на тридцать, и добавить туда библиотеки, кинозалы для специальных показов, арт-галереи... Дать слово тем, кто всё это бережёт и содержит... Может, тогда и получится что-то такое, о душе Петербурга!

Парень говорил, всё больше увлекаясь. Иногда он даже взмахивал рукой, что-то показывая. Девушка внимательно слушала.

– Вы, наверное, на режиссёра учитесь? – спросила она. Тот кивнул. – Думаю, для этого фильма нужны большие финансы... Но посмотреть будет интересно.

– Я пока снимаю на любительскую камеру, – с сожалени-

ем и с улыбкой одновременно вздохнул парень. – Ничего, смонтирую и в таком виде, без спецэффектов и микширования. Прямая склейка, но для курсовой сойдёт. А потом стану предлагать материал студиям – может, кому-то идея понравится. Сделаем хороший фильм... Деньги найдутся, это не вопрос, тут суть важна: душа Петербурга.

Дождь почти перестал, чайничек был пуст.

– Ну как насчёт поплыть со мной по Неве? – спросил парень. – Могу подождать до завтра, если согласитесь.

– Правда, не получится, – с сожалением повторила девушка. – Я, вообще-то, не из Питера, сегодня уезжаю. Знаете, что мне кажется? Вы большой фантазёр. Фильм, может быть, когда-нибудь вы и создадите, но смотреть его будет некому. Народ сейчас стал равнодушным, искусство его мало интересуется, все только о куске хлеба думают.

– А вы?

Девушка взяла свой зонт, стоявший возле кресла.

– И я тоже, – сообщила она, – ничего не попишешь: приходится! Я бы, может, и хотела бы по-другому, да мечтами сыт не будешь: невозможного не бывает... До свидания, Женя. Приятно было познакомиться.

– До свидания, Катя.

Они распрощались. Девушка вышла из кафе и, раскрыв зонт под последними каплями дождя, пошла по высыхающим лужам к ближайшей остановке троллейбуса. Парень даже не посмотрел ей вслед. Он поднял со стола свою камеру,

откинул крышку экрана и прогнал отснятые недавно кадры: мосты с высоты птичьего полёта над синей с золотом Невой.

Зазвонил мобильный телефон, он вытащил его из нагрудного кармана. Звонил отец:

– Сынок, ты где?

– Да в Питере, папа, где мне ещё быть, – ответил парень.

– Давай срочно ко мне в Москву, – по-деловому распорядилась трубка. – Забыл, что завтра утром бумаги подписываем? Ты же в нашей фирме теперь числишься директором... Нужно для серьезных людей наши деньги в офшор перегнать.

– И много? – поинтересовался парень.

– Восемь миллионов долларов.

Парень покачал головой:

– И ради этой мелочи ты меня сдёргиваешь со съёмок?!

Тут белые ночи скоро закончатся!

– Надо, сынок, – сказала трубка, – подпишешь, и сразу назад. Обещаю.

– Ладно, – согласился парень, – сегодня же буду... Машину в аэропорт присылай.

– Уже выслал, – засмеялся отец. – И билет электронный в VIP-зале получишь на пятичасовой борт. Хватай такси и гони там в Пулково. Жду.

Раздались короткие гудки. Парень ткнул пальцем кнопку возле экрана – изображение исчезло.

Он поднялся, взял камеру и поглядел на то место, где

раньше сидела девушка. С её зонта накапала лужа и теперь растеклась по полу.

– *Невозможного не бывает*, – с иронией передразнил парень интонации, с которыми девушка произнесла эту фразу. Он даже засмеялся, до чего похоже у него получилось, вышел из кафе, поднял руку и, прыгнув в кабину подъехавшего такси, рванул в аэропорт.

Моя семья

Это – мужчина. Я люблю смотреть, как он ест: с таким увлечением уплетает приготовленное мною, что хочется кормить его и кормить, только чтобы наблюдать за ним! Так едят проголодавшиеся дети, да мой муж всегда и был большим ребёнком, поэтому никаких сложностей с ним не возникает. Я всегда знаю, чего он хочет. Несмотря на то, что он занимается очень серьёзным делом, он требует постоянного ухода и присмотра.

Когда он приходит после работы домой, я люблю встречать его у дверей, иногда расшнуровываю ему ботинки и, сняв их, несю в ванную, чтобы смыть там с них грязь.

Я глажу ему костюмы и рубашки.

Я стелю нам постель, стараясь часто менять простыни, чтобы сохранить запах свежести.

Наши дети, уже почти подростки, – в меру умные и жизнерадостные. Когда мы выбираемся вместе с ними на природу, муж разводит костёр, а я нанизываю на шампуры кусочки мяса. Мне доставляет удовольствие приготовление шашлыков и нравится резать огурчики, помидоры, хлеб, которые нам понадобятся, когда мясо покроется поджаристой корочкой. Обычно мы всей семьёй выезжаем на велосипедах в любимое место неподалёку, и пока едем под неяркими лучами солнца среди зелёного леса, я с улыбкой слушаю дет-

ский смех и кручу педали, понимая, как я люблю этот мир!

...Всё это, конечно же, не больше чем грёзы перед сном. Никакого мужчины у меня нет, зато есть пятилетний сынишка от человека, который нас оставил, и профессия врача, дающая мне кусок хлеба. Собственно, это и всё.

Иногда к горлу подступает тоска, но я с этим быстро справляюсь и продолжаю ждать. Весь мой жизненный опыт сводится к тому, что если о чём-то сильно мечтается, то мечта сбудется непременно, раньше или позже.

Очень хотелось бы – поскорее. Прямо сейчас.

Маникюр

Я, вообще-то, боюсь начальства и всегда стараюсь сделать что-нибудь такое, чтобы меня похвалили. Может, тогда за старание оклад прибавят или повышение какое-нибудь заслужу.

Из резюме, если интересуетесь: двадцать лет, образование среднее, окончила курсы маникюра, педикюра. Личные качества: покладистая, исполнительная, трудолюбивая, обязательная. Не замужем.

Второй день работаю в этом салоне и очень хочу понравиться хозяйке. Место моё – за ширмочкой в углу, это удобно, никто не отвлекает. Лето.

И вот: приходит солидный клиент, в классном костюме, очень торопится, хороший аромат, дорогие часы. Говорит: сделайте маникюр за полчаса, я уже деньги для скорости заплатил... постарайтесь!

Я ему пилочкой ногти подравняла, кутикулу сняла, одну его руку в ванночку, другую начала обрабатывать. Сделала и говорю: давайте вторую.

А он – умер.

Откинулся в кресле и умер.

Я его руку держу, а клиент неживой! Но деньги-то уплачены. Не возвращать же... такому? Думаю: если хозяйка салона узнает, что я работу не выполнила, ругаться станет точ-

но. Она женщина деловая и очень строгая.

Сижу и делаю покойнику маникюр. Не так, конечно, тщательно, как могла бы, однако же качественно. Ладонью чувствую: рука у него постепенно холодеет но, думаю, всё успею, как и договорились, за полчаса.

Закончила, выхожу из-за ширмочки и объявляю: девочки, вызывайте скорую, я свою работу сделала! Кругом переполох, паника, потом врачи приехали, дядечку этого увезли...

Позже, когда всё улеглось, хозяйка меня спрашивает:

– Ты почему скорую сразу же не вызвала?

Я отвечаю:

– Сначала деньги, потом работа, а потом уже всё остальное.

Хозяйке мой ответ, похоже, понравился. Она посмотрела на меня внимательно, вроде как на свою, что-то прикинула и говорит:

– С завтрашнего дня ты у меня менеджером по персоналу работать станешь.

Я знала, что когда-нибудь за старание меня наградят. А тут – буквально сразу повезло. Здрóрово!

Претендент

Я понимаю так: у женщины должен быть один муж на всю жизнь. Своего я пока не дождалась. Сватался тут один к моей матушке, не старой ещё, а я никак не могла решить, что же такого мне в нём не нравится. Вроде и одет прилично, и говорит вежливо, и ко мне с уважением относится. Ну, конечно, он сильно в возрасте, однако же выглядит аккуратно, да и по характеру спокойный...

А потом поглядела я на него, когда мы обедали, и поняла: зубы у него верхние некрасиво вперёд торчат. Не то чтобы как у кролика, а так, выдаются немного под углом. Посмотрела я на него и представила, что вот как раз с такими зубами он скоро будет лежать в гробу. Вскочила и убежала.

Знаю, что не права, а сделать с собой ничего не могу. С тех пор как два года назад схоронили отца, которого я очень любила, даже мысли не допускаю, что мама моя с кем-то другим не то что под одним одеялом – под одной крышей окажется...

Особенно с этим, у которого такие зубы!

Тушканчик

Наш туристический лайнер стоял на рейде израильского порта Хайфа. Пассажирам предстояло сойти на берег, и они толпились на нижней палубе, чтобы пройти так называемый фейс-контроль. Если ваше лицо не нравилось, вас могли без объяснения причин оставить на борту.

Я стоял возле поручней, глядя на голубую воду и ярко-синее небо над ней. Рядом один из членов команды таскал вместе с напарником ящики. На короткую минуту он приостановился и окликнул меня с выраженным украинским акцентом:

– Привет, земляк!

– Привет, – ответил я без особого энтузиазма.

– Откуда здесь?

– Из Питера.

– А-а... – протянул матрос. Он был загорелым, примерно сорока лет, а тёмные его глаза так и бегали по сторонам. – Был я там однажды. Речка-вонючка, главная улица с церковью в конце, там ещё кладбище при ней маленькое, столбы с кораблями прилепленными, ну и эти... ворота нам показывали. Ничего интересного: я проехал по городу, больше не хочу.

В переводе на человеческий язык эта тирада звучала так. В Северной столице России оказалось обиженное Богом

мелкое животное, похожее на тушканчика, которое сейчас находилось рядом со мной и которому из окна автобуса показали реку Мойку, куда привезли умирать раненого Пушкина. Потом животное довезли до Александро-Невской лавры – таких соборов в России существует всего четыре, – а после дали посмотреть на захоронение великих мира сего. На Стрелке Васильевского острова тушканчику позволили взглянуть на Ростральные колонны, где статуя Нептуна величественно восседает, глядя на публику, движущуюся у ног, а ночью разводят мосты. Ворота арки Главного штаба, недавно отданного Эрмитажу под новые залы, считаются одним из красивейших элементов зодчества Европы, но на тушканчика они впечатления не произвели.

– Знаешь, – сказал я ему, – ты, действительно, к нам больше не приезжай.

– Почему это? – уставился он на меня.

– Потому что фейс-контроль не пройдёшь, – ответил я и двинулся к сходням.

Он оторопело глядел мне вслед:

– А что, у вас тоже ввели?

Я обернулся и, прежде чем присоединиться к группе, сказал:

– Давно! После того, как ты съездил, сразу же и ввели. Теперь туда таких не пускают, и правильно делают.

Я уже спустился по трапу, а он всё ещё стоял там, возле борта, и, видимо, не мог сообразить, что же у него не так с

лицом, если его могут не пустить в Северную столицу России.

Без вариантов

Через неделю она должна была выйти замуж – вот тогда мы с ней и столкнулись нос к носу в вестибюле метро: я входил, она выходила, мы оба почти бежали и чуть не ударились лбами.

От неожиданности мы рассмеялись. От неё всё так же словно бы веяло запахом свежескошенной травы, как и в то лето, когда мы жили вместе, сняв домик в деревне возле озера, пили парное молоко по утрам, ходили за грибами и ягодами, плавали на лодке на остров и слушали, как ночью из тёмного леса кто-то гукает. Я пугал её: леший идёт! – и она забиралась под одеяло с головой, я тоже нырнул туда следом, прикидываясь чудищем, мы оба хохотали до слёз и целовались, целовались...

А вот теперь с той поры прошло пять лет, она выходила сейчас замуж, и я, конечно же, спросил: «За кого?», надеясь услышать внятный ответ. Но она только пожала плечами – дескать, какая разница, если не за тебя – и произнесла фразу, которая мне всё объяснила:

– Знаешь, он так долго меня добивался, что я устала отбрыкиваться, но у него, представляешь, ладони потные...

Мы стояли с ней на улице, всё так же возле метро, и она, заглянув мне в глаза, то ли сказала, то ли попросила:

– Если бы ты мог хотя бы раз в месяц со мной встречаться,

я бы за него не пошла.

Я не успел ответить, потому что она и сама всё поняла. Начинать заново ту историю не хотелось, а вспоминать, чем она закончилась, – тем более. Кроме этого, я уже выбрал себе судьбу и не считал нужным делать шаг в сторону.

– Я тогда не смогла тебе сказать, а сейчас могу, – сообщила она, глядя куда-то мимо. – Можешь мне не верить, но до тебя у меня никого не было. Я, когда рожу сына, твоим именем назову, честное слово... А за те мои выкрутасы прости, пожалуйста. Да там и не было ничего, придурь сплошная. Жалко, правда?

Я давно уже её простил, потому что в то лето нам обоим было так хорошо, как, наверное, никогда не будет каждому поврозь. До сих пор не понимаю, зачем ей понадобилось потом всё это променять на какие-то рок-компании с пацанами, которые даже нот не знали, а лабали как придётся, зато умели нюхать всякую дрянь и её научили; разменять то светлое, что у нас сложилось, на все эти ночные дискотеки и зависание в клубах по вечерам...

Та жизнь утащила её в сторону, и мы друг друга потеряли. Она от меня ушла, точнее – убежала; всё кончилось как-то глупо и по-пустому. Я только позже сообразил, что, может, она просто не нагулялась тогда, в свои восемнадцать, и по дурасти её тянуло на всякие выходки. Но мне и самому-то было немногим больше: всего двадцать – вот и не сумел её удержать.

Ладно – что было, то прошло.

Мы распрощались: я нырнул обратно в метро, она помчалась дальше – готовиться к свадебным делам. Я даже не взял номер её телефона – ни к чему.

Моя жена попала в тяжёлую аварию и теперь, после комы, лежала в хирургическом отделении. Я навещал её каждый день, вот и сейчас летел туда же.

Нужно было подбодрить её и заставить поверить, что она опять встанет на ноги. Врачи высказывались на эту тему осторожно и неоднозначно, но я-то знал наверняка. А если так, она должна была подняться.

Без вариантов!

Умножение на нуль

Он глядел, как сгущался майский сумрак, а за окном проступали звёзды. Пахло весной, и казалось, что-то вот-вот должно было измениться к лучшему.

– По-моему, ты насосался через меру, – сказала она, отодвигаясь на край дивана.

– Нет, всё-таки послушай, – с тупым упрямством пьяного заявил он. – Живём как свиньи, верно? А Володькины песни из дерьмового быта создают ну хоть что-то, понимаешь ли, высокое. И я его за это люблю. А тебя я не люблю, потому что ты из высокого умеешь сделать дерьмо. Поэтому тебе Володька и не нравится. Он никому не нравится, кто живёт своими крысиными интересами.

– Ты просто на неё чокнулся.

– Это ты его ни хрена не понимаешь!

– Послушай, – сказала она. – Ты всегда был таким интеллигентным мальчиком, вёл себя как паинька и не перебивал старших. То, что твои стихи не публикуют, вовсе не значит, что перед нами непризнанный гений. Может, ты просто бездарность, я не знаю, потому что в стихах не разбираюсь! Но пьяный ты ещё ни разу сюда не заявлялся и так пакостно себя не вёл.

– Потому что ты поливаешь Володьку помоями, а он действительно гений!

– Он просто фигляр, если хочешь знать. Тянется якобы к высокому, а в жизни обычная скотина. Да и в песнях своих тоже...

– Сволочь!

Она не успела договорить последнюю фразу, как он что-то невнятно прохрипел и в ярости бросился на неё. Лёгкая юбка сухо треснула, и спустя короткое мгновение он уже насел сверху так, что голова её зажата была валиком дивана, а ноги оказались у него на плечах. Он вошёл в неё сразу и за пять секунд доверху переполнил своим горячим, так что она даже звука издать не успела – охнула и всё. Потом, оглядевшись, она увидела себя на диване и его, застёгивающего брюки.

Он смотрел на неё, ожидая чего угодно. Она приподнялась на локте, исследовала следы разрушения и медленно подняла лицо. Тонкая похотливая улыбка раскрыла её губы и зазмеилась ему навстречу.

– Все вы свиньи, – сказала она. – Но у тебя лучше, чем у Володьки, получается. Когда нажрёшься в следующий раз – приходи, не стесняйся.

Он посмотрел на неё и как-то боком попятился к выходу.

– Сука, – почти испуганно бросил он уже от двери.

– Да и ты такой же, – ответила она со спокойной злостью в голосе. – Все мы одним миром мазаны. Подонок! Изнасиловал женщину!

Он вышел и начал спускаться по лестнице, где пахло застоявшейся мочой. Стоял совсем поздний вечер, но если по-

стараться, можно было успеть попасть в метро, быстрее приехать домой и лечь, к чёртовой матери, спать.

На майском небе всё так же светились лохматые звёзды, но это уже не обещало ничего хорошего.

Принц и принцесса

... Они были молоды и красивы, а когда встретились, то полюбили друг друга с первого же взгляда. Королевства их находились рядом, и однажды родители принца привезли его на сватовство, чтобы соединить оба государства. Юноша думал, что ему подсунут какую-нибудь некрасивую девушку, но оказалось, что перед ним вполне симпатичная девушка, к тому же умная и начитанная. Они в первый же вечер сбежали с торжественного ужина, который их родители устроили в старинном замке, и ходили держась за руки по пляжу на закате, рассказывая друг другу всякие истории, а потом она сняла надоевшие туфли и, держа их в руках, кружилась, кружилась по песку рядом с принцем, весело хохотала, запрокинув голову, когда он говорил что-нибудь смешное. А потом...

А потом женский мой сон прервался, потому что давным-давно, когда я была ещё совсем маленькой, у меня случилась травма позвоночника, и обе ноги у меня не двигаются, поэтому настало время меня перевернуть и вымыть. Санитар, который приставлен за мной ухаживать, должен подмыть мне всё на свете. Он делает это последние десять лет. Я слушаю, как он привычно и как-то по-отечески бурчит что-то и вытирает мои ноги, живот и задницу мокрой губкой. Я вовсе не старая, мне тридцать четыре года, и бельё я стараюсь не пачкать, но это получается далеко не всегда, даже ес-

ли применять памперсы для взрослых.

В зеркале (когда мне его дают), я вижу наполовину седую женщину, но это не я, это тело с ограниченными возможностями: не очень причёсанное, с костлявыми руками и слегка обвисшей грудью. Я даже сидеть подолгу не могу – сползаю книзу. Когда меня перемещают в кресло-каталку и вывозят на больничный двор, я быстро устаю от солнечного света и внешних впечатлений. Тогда меня увозят обратно в палату, обкладывают подушками и оставляют одну.

Единственное, что я умею хорошо делать, – редактировать чужие тексты. Я очень точно владею словом, и ко мне приносят горы рукописей, которые я перерабатываю для издательства. Зарплаты хватает на жизнь и на моё содержание – здесь, в специальной клинике.

Санитару платят мои родители, которые сдают мою квартиру. Я благодарна этому пожилому дядьке, который достаточно терпелив, хотя и склонен к мизантропии. Как-то раз он подсел ко мне на край кровати и спросил, общалась ли я когда-нибудь с мужчиной.

– В том смысле?.. – спросила я.

– В нём самом, – подтвердил он.

– Я же не чувствую внизу ничего, – ответила я. – Только в книжках об этом читала.

Он помолчал, а после, всё ещё сидя у меня в ногах, спросил:

– И не целовалась?

Дядька этот лет на двадцать пять старше меня, толстый, с красной физиономией, усатый и добрый.

Я отрицательно pokrутила головой.

– Эх, принцесса!.. – с сожалением выдохнул он, махнул ладонью, поднялся и вышел.

Потом, от других уже людей, я узнала, что он – старый вдовец, когда-то похоронивший жену, умершую у него на руках, и с тех пор ухаживает за безнадежными больными вроде меня.

Я засыпаю среди ночи, положив очередную порцию листов с текстом на край рабочего столика и выключив лампу.

Мне снится берег моря, девушка с юношей, которые идут по кромке воды и целуются... Это, наверное, те самые принц и принцесса.

– Я тебя люблю, – говорит принц, и она тянется, чтобы его поцеловать.

Утром меня будит санитар, но вместо того, чтобы привычно перевернуть и помыть, он встаёт передо мной и говорит:

– Слышь, я увольняюсь.

Мы молчим, я жду продолжения.

– Устал я за пациентами ходить, – говорит дядька. – Один-два ещё нормально, а за десятью уже никак. Чего предлагаю: перебирайся жить ко мне! Всё-таки веселее вдвоём. Я деревенский, из-под Пскова, возьму тебя в дом – там огород, лучок-картошечка, будешь свои книжки вычитывать, а я – с землёй возиться. Я за женой тогда недоглядел – всю жизнь

крест за это мыкаю. За тобой, стало быть, и поухаживаю – мне без этого под Богом ходить нельзя.

Я слушаю его и не слышу.

Я вижу его и не вижу, потому что в глазах всё плывёт от слёз.

Ещё через два дня я смотрю на себя в зеркало и вижу постриженную и покрашенную молодую особу, у которой нет абсолютно никаких нерешаемых проблем. Разве что – так, пустяки, мелочи быта.

Ещё через день мы уезжаем. Из вещей у меня – коробка с чужими рукописями и куча гигиенических принадлежностей. Всё остальное мы купим позже, включая мой гардероб, чтобы наконец-то зажить по-королевски: свитер, брюки и всякое подобное.

Я уже не горблюсь и не сползаю, сидя в каталке.

Когда он первый раз наклонился и поцеловал меня в щёку, стало щекотно от его усов, а потом даже бросило в жар. Мне показалось, что всё это происходит там, у моря, и я кружусь, развевая длинное платье, а принц мой смотрит на меня и улыбается, улыбается...

Собственно, так оно и было.

Всё идёт своим чередом

Две пары дружили домами: Андрей со Светочкой и Саша с Мариной. Дружили – это значит: иногда ходили друг к другу в гости.

В день своего тридцатилетия Светочка, сидя в одной комбинации нога на ногу перед трельяжем, подкрашивала губы помадой. Ресницы она уже превратила из бесцветных и коротких в тёмные и длинные при помощи французской «Луи-Филипп», тени положила не слишком яркие – броские тона были не в моде. Андрюша лежал позади неё на широкой кровати, устроившись поверх покрывала прямо в джинсах, и наблюдал за супругой. Разговор шёл о тех самых друзьях – Сашке с Мариной. С Сашкой Андрей когда-то учился в университете, пока не бросил, а вот Марина...

– На ней ведь пробы негде ставить, проститутка, да и всё! – сказала Светочка. – Он, понимаешь ли, порядочный – думает, вокруг все точно такие же.

У неё на голове рыженькие локоны вились после бигуди ещё не расчёсанными колечками.

– Ну и что? – лениво высказался с кровати Андрюша.

– А она любому вместо «Здрасьте» сразу же ноги на плечи закидывает.

Андрюша хмыкнул.

– Я слышал, его в Штаты пригласили работать, – то ли

сказал, то ли спросил он.

– Пригласили! – подскочила Светочка и повернулась на своём пуфике, сверкая глазами. – А Сашка что им ответил? С визами, видите ли, времени нет возиться!.. Маринка для него везде бегала, оформляла... хоть бы пальцем пошевелил, идиот! Кончилось чем, знаешь? Она за него даже кал на анализ сдавала.

Андрей захохотал.

– Да-да! Взяла его направление и сходила – сдала. Маринке позарез нужно, чтобы он съездил, привёз ей хотя бы видик или стереосистему. А может, и машину... Здесь-то ему всерьёз заработать в жизни не получится.

– И что в результате?

– Поедет Саша всё-таки, – сказала Светочка через некоторое время. – Купит ей видик, рассчитается за услуги.

Андрей смотрел, как она работает над своим лицом. Одна бретелька свалилась у неё с плеча, и чуть отвисшая грудь лежала вдоль тела. Он наблюдал за этой вялой грудью, показавшейся из-под приподнятого локтя, и радости зрелище не вызывало. Да, Маринка, конечно, оторва, пусть сто раз шлюха, но она на десять лет моложе Светки и грудь у неё плотная, торчком. Вполне имеет право на видеомagniтофон.

– Он ведь недавно кандидатскую защитил, – сказала вдруг Светочка будто в пространство. Она теперь занималась своими кудельками, расчёсывая их и укладывая. – Вот его и приглашают в Соединённые Штаты. В ведущий институт, между

прочим.

– Тебе-то что неймётся? – спросил Андрей, садясь и сбрасывая ноги с кровати. – Смотри, вон какой сарай мы купили, обставили – не дом теперь, а полная чаша! Барахла не хватает? Ты спроси у Сашки, какие гроши он домой с работы приносит, кандидат дерьмовый, и сравни, сколько я на автостанции имею!

Света молча глядела на себя в зеркало, продолжая заниматься укладкой. Глаза у неё казались тёмными и большими.

– Всё у тебя есть. – Андрей встал и теперь буквально нависал над ней сзади. В зеркале видно было, как у него сжались кулаки. – Всё, что хотела. Включая импортные шмотки, за которые я десять часов в день нюхаю этот вонючий бензин и напрягаю клиентов. С нищим, небось, жить не станешь!..

Он хотел что-то добавить, но рубанул воздух ладонью, повернулся и резко вышел из комнаты. Дверь грохнула так, что звякнули стёкла. Светочка некоторое время сидела выпрямившись, сжав пальцы, потом чуть двинула плечиком, дёрнула бровкой.

– И чего завёлся? – спросила она негромко, словно опасаясь, как бы не услышал муж. Она встала и повернулась вполоборота к зеркалу: вид был вполне ещё ничего. Потом надела платье из тонкого трикотажа, взяла с трельяжа колечко: бриллиант с платиной, неброско и элегантно. Маринка, конечно, красивая баба, что говорить, но изысканности ей явно не хватает.

...Когда начал собираться народ и стол уже накрыли, Маринка влетела в немислимом ореоле молодости, длинных ног, смеха, цветов, тотчас убежала, оставив всё, на кухню курить, стрельнув по дороге своими глазищами так, что Андрея пробрало до костей. Это означало, что через денёк-другой можно найти время повстречаться и остаться довольными друг другом, как всегда.

Саша, новоиспечённый кандидат наук, смущённо улыбался конопатым лицом – вокруг были такие милые, такие доброжелательные люди, они говорили тосты, хозяйка была очаровательна, праздник длился, и мужчины уже сняли пиджаки. Андрей пил много, стараясь избавиться от ощущения, будто в его судьбе ослаб главный крепёжный болт. Маринка хохотала на другом конце стола, показывая крепкие зубы, у Светки бюстгальтер приподнимал грудь на должную высоту, водка постепенно туманила глаза и делала мир вполне привлекательным. Этикетка на бутылке была бело-красно-чёрной, и каждый раз, когда наливали, проблемы отодвигались всё дальше.

Они отодвигались всё дальше, и жизнь шла своим, расплывшимся наперёд чередом.

Тысяча видов услуг

– Ну так что? – спросил Семёнов у отца, стоя в дверях. – Может, позволишь взять-то?

– Не даю я в чужие руки, – ответил тот. – А если-ф тебе так нужен фотоувеличитель, возьми в прокате, и вся недолга.

– На один вечер всего, – покачал головой Семёнов. – Ну ладно, не хочешь – не давай, дело твоё.

Он спустился по лестнице, вышел в осеннюю хмарь и побрёл к себе. Жена собиралась ложиться.

– Ужин на плите, – крикнула она из ванной. – Ну как, дал он тебе?

– Сказал, в ателье проката обратиться, – пытаюсь придать голосу оттенок иронии, изрёк Семёнов.

– Ну он вообще! – сказала жена.

Семёнов наскоро перекусил и отправился в спальню. Забравшись под одеяло, он положил руку на тёплое бедро жены.

– Семёнов, я устала, – сказала жена с металлическими нотками в голосе. Он сделал лёгкое движение и почувствовал, как острый локоть упёрся ему в рёбра: – Говорят тебе: устала!

– А когда ты не устаёшь? – буркнул он, отворачиваясь к стене.

– Вот, походи в ателье проката и найди себе, которая не

устаёт, – ответила жена и тоже отвернулась. Он ещё долго лежал, слыша её всхрапывающее дыхание.

На следующий день, вернувшись после работы, жена увидела на вешалке красивое тёмно-серое пальто модного покроя. В углу стояли элегантные дамские сапожки. Свет включён не был.

– Эй, – крикнула она в комнату. – Семёнов, кто к нам в гости?

Семёнов появился на пороге, к её вящему удивлению, в исподнем.

– Не шуми, – сказал он. – Это из фирмы «Невские зори», тысяча видов услуг. Я постелил тебе на диване.

С этими странными словами он удалился, и она услышала, как изнутри запирается дверь спальни.

– Что такое? – крикнула она и, подбежав, забарабанила в дверь снятой туфлей. – Семёнов! Отвори немедленно!

В ответ она услышала какую-то возню и приглушённый женский смех. В ужасе она отскочила от двери:

– Господи, прости!

От навернувшихся слёз в левый глаз попала тушь, и жена Семёнова рывком отворила дверь ванной. На полу стоял фотоувеличитель с бирочкой проката. Она второпях смыла косметику только с половины лица и, забыв, что на втором глазу тушь ещё осталась, побежала к отцу Семёнова.

Тот её слушал, и лицо его покрывалось багровыми пятнами. Он прошёл в коридор и снял телефонную трубку. На

звонки долго не отвечали, потом молодой женский голос спросил:

– Да?

– Алёшку позови, – проскрипел свёкор.

В трубке засмеялись, сказали: «Мужчина просит», – после чего последовал ответ: – Подойти не сможет, что передать?

У Семёнова-старшего от злости все мысли из головы испарились. Он тупо смотрел на телефон.

– Сколько тебе платют? – спросил он наконец, надеясь, видимо, оскорбить.

– Оклад вполне приличный за восьмичасовой рабочий день, – благожелательно ответила трубка. – Минус подходящий, плюс питание... Извините, как раз накрыли на стол. Всего хорошего.

Раздались короткие гудки. Жена Семёнова, которая всё слышала, редела в три ручья. До сих пор она делала это молча, а теперь заголосила.

– Не бойсь, – пробовал успокоить её свёкор, – у него денег не хватит долго баловать. Поистратится – и опять в ум придёт!

Жена Семёнова заплакала пуще прежнего.

– Да ты чё? – спросил её свёкор.

– Он недавно на вторую работу устроился, – ответила она. – С этого как раз и расплатиться сумеет!

Как нужно относиться к людям

Я старая и больная, плохо хожу и едва вижу. Вчера, когда я хотела сесть в автобус, чтобы доехать до поликлиники – две остановки, но пешком для меня туда добраться трудно, – ты, вполне взрослая женщина, оттолкнула меня, чтобы сесть в автобус поскорее. Ты, конечно, успела, я влезла следом, другие тоже – и автобус тронулся.

Я много слышу сейчас, что восточные и южные люди понаехали в наш город и творят бесчинства. Так вот, когда южные люди поймают тебя в тёмном месте и станут насиловать, а ты будешь орать – никто тебе не поможет. Жители пройдут равнодушно мимо: зачем им вмешиваться, это не их дело. Как ты относишься к людям – так и они относятся к тебе. И это правильно.

Сказки, в которые мы не верим

Судья возвращался домой пешком. Это давно вошло в привычку: в день заседания – час ходьбы по городу, иногда даже ночью. Без этого начинало шалить сердце или одолевала бессонница – иллюстрация к медицинским брошюрам, которые он иногда листал в поликлинике, сидя в очередях. Хотя в последние несколько лет не оставалось времени даже на то, чтобы болеть.

Обычно во время пешей прогулки он старался отвлечься от процесса, который вёл, и думал о чём-то постороннем. В этом году он собирался отметить юбилей – скромно, но всё-таки отметить. Пятьдесят, как-никак. Пожалуй, стоило конкретно поразмыслить, где это организовать: стоял июль, а в августе мероприятие должно было состояться. Действительно, об этом стоило поразмыслить, но он не мог – слишком странным было сегодня поведение подсудимого.

На предварительном следствии тот ничего не отрицал. Да, он побывал тем вечером у любовника своей жены: о её связи он узнал накануне. Любовник жил на даче, и женщина иногда приезжала к нему. В тот раз её не было, что, очевидно, её и спасло, потому что на убитом обнаружено было пять ножевых ран: его зарезали в приступе ярости. Казалось бы, всё просто.

Была, однако, деталь, которая не укладывалась в схему.

Эксперты установили, что убийство произошло утром, а не вечером, то есть за десять часов до того, как местные жители заметили обвиняемого на улице посёлка. Узнав об этом, тот начал отрицать свою причастность к убийству и заявил, что обнаружил в домике уже труп. Более того, он представил алиби: один из его знакомых показал, что в тот день с утра они вместе выпивали. Нашли и бутылку водки с отпечатками пальцев подсудимого. Дело зашло в тупик. Потом, в какой-то момент, обвиняемый снова подтвердил, что убил он сам, и рассказал, как приезжал на место убийства дважды – утром и вечером. А сегодня на суде снова всё отрицал.

Стояли белые ночи, и набережные были полны гуляющей публики. Через три часа пролёты мостов должны были подняться вверх, будто исполняя некую ораторию, и застыть, пропуская молчаливо скользящие по воде корабли. Судья шёл вдоль гранита и смотрел на Петропавловскую крепость.

Миновав мечеть, он вдруг решил заглянуть к брату. Младший брат с женой и сыном жили на Петроградской стороне, в одном из каменных колодцев с окнами во двор. Судья поднялся по узенькой лестнице и нажал звонок.

Володьке, племяннику, было четырнадцать лет. Он стоял на пороге – высокий, нескладный, в джинсах и расстёгнутой рубашке.

– Дядя Игорь! – улыбнулся он, приглаживая чёрную шелковую ладонью. – Заходите. А предки на дачу уехали.

Судья переступил порог, тоже улыбнулся:

– Я и забыл, сегодня же пятница... Ты что же не с ними?

– Послезавтра в Крым отсылают по путёвке, – пояснил Володька. – Чай будете?

Они прошли по длинному, похожему на щель, коридору на кухню. Володька включил свет и зажёл конфорку.

– Курил? – Судья потянул носом.

– Друзья заходили... – уклончиво ответил племянник и поставил чайник на плиту.

– Врать не умеешь, – констатировал судья.

– Это точно. – Володька резал булку. – Варенье какое любите? Есть только вишнёвое.

– Ну тогда вишнёвое. – Судья снял пиджак, повесил на спинку стула.

– Дядя Игорь... – начал было Володька. Голос у него был ломким. – А как узнать, сумасшедший человек или нет? Но чтобы в семье об этом ничего не было известно?

– Про кого узнать-то?

– Про меня, – буркнул Володька и стал наливать кипяток в чашку. Судья улыбнулся, но племянник был серьёзен. Судья вспомнил себя в четырнадцать лет.

– Нужна особая экспертиза по направлению соответствующих органов.

– А вы мне можете дать такое направление?

– Да что случилось?

Володька молчал, и тишина сгущалась. Судья хотел было открыть рот, но племянник его опередил.

– Вот, – сказал он и показал в угол, под раковину. В углу сидела крыса.

– Фу, – сказал судья, – гадость какая! Дай-ка швабру. – Он собирался встать.

– Это не крыса, – утробным голосом сказал Володька. – Я не знаю, кто это. Но она умеет разговаривать.

– Дай-ка швабру, – повторил судья.

– Спросите её о чём-нибудь, – с теми же интонациями попросил племянник.

Судья не стал спорить, кашлянул и громко задал первый пришедший в голову вопрос:

– Тебя как зовут?

Он демонстративно повёл глазами на племянника, словно призывая его в свидетели, и вдруг услышал:

– Как вам будет удобнее меня называть.

– Ну что?! – выкрикнул Володька и схватился за голову руками.

Судья обернулся к раковине. Крыса молчала, как ей и полагалось. Судья потянулся за спичечным коробком, лежащим на столе.

– Не надо, – услышал он. Или ему показалось, что услышал.

– Что «не надо»?

– Не надо бросать в меня коробком. Вы же здравомыслящий человек. Вот и отнеситесь к происходящему как к данности. Вступите, например, со мной в диалог, если уже есть

желание эмпирически подойти к факту моего существования.

– Здесь возможен элемент субъективизма, – в том же тоне ответил судья.

– Найдите объективные способы проверить свои ощущения.

Судья готов был поклясться, что на кухне не раздалось ни звука, и в то же время голос звучал в ушах, отчётливо окрашенный в низкий мужской тембр.

– Хорошо, – судья уже не сказал это, а произнёс про себя. – Вы меня слышите?

– Слышу. Вы можете задавать любые вопросы.

Судья решился.

– Кто совершил убийство в тот день... в тот день... – Он подыскивал формулировку.

– Его совершил обвиняемый, – последовал мгновенный ответ. – Он сделал это утром и просидел до вечера в сарае. С одной стороны, он хотел уйти незамеченным.

С другой – ожидал приезда своей жены, чтобы убить и её. Нож, который вы не нашли, закинул в поленницу, слева от входа.

– Значит, его приятель лжесвидетельствует, – констатировал судья. – Так я и думал... А где гарантия, что это не мои собственные мысли?

– Спрашивайте ещё.

– Вам-то это зачем? – поинтересовался судья.

– Мне необходим контакт.

Голос Володьки был подобен рёву громкоговорителя, внешне включённого на кухне:

– О чём вы его... то есть её... спрашиваете?

Судья вздрогнул.

– Я слышу только ответы, – пояснил Володька. Судья снова обернулся к раковине.

– Вам нужен контакт именно со мной? – спросил он уже вслух.

– Мне до сих пор никто не смог помочь. Считают галлюцинацией. – В модуляциях, с которыми это произносилось, угадывалась насмешка. Племянник посмотрел на судью. – Вы ведь до сих пор не до конца верите в реальность происходящего.

– В чём же должна выражаться помощь? – сухо спросил судья.

– Мне необходимо очутиться в магнитном поле высокой напряжённости. Приблизительно, с помощью которого у вас в ускорителях удерживают плазму.

– Я в этом ничего не понимаю, – пожал плечами судья.

– От вас и не требуется понимать. Добейтесь, чтобы меня выслушали учёные, дальше я сам объясню суть проблемы. У меня, к сожалению, впереди ограниченное время. В случае неудачи организм, в котором я существую, окончит жизнь вместе со мной.

– Вы пока аккуратнее с кошками, – посоветовал Володька.

– Эта проблема мне известна, – ответило Нечто. Теперь назвать это Нечто «крысой» судья бы не решился.

– Завтра и послезавтра научные учреждения закрыты, – сказал он. – В понедельник я приду сюда, и мы всё обсудим. Поясните мне, кто вы, собственно, такой?

– Вы не поймёте, – ответил голос. – Ваши математики – они, может быть, смогли бы. Сгусток информационного поля. Случайное попадание информации в ячейку, предназначенную для другой. Такое даже здесь, на Земле, бывает сплошь и рядом: тот, кто по генетическому коду должен стать сапожником, становится солдатом, писатель – учёным... флуктуации. В масштабах вашей галактики это происходит гораздо чаще, чем у нас. Я рад, что вы схватили суть. А сейчас мне необходимо переместиться в укрытие.

Последние фразы прозвучали неким металлическим нивелированным речитативом.

– Ладно. – Судья проводил взглядом крысу, метнувшуюся вдоль стены, и снял со стула пиджак. – До понедельника, Володя. Хотя тебя уже, наверное, не будет?

Племянник отупело смотрел в окно.

– Я её... то есть его... на руки брал! – сказал он. – Кто поверит?

Судья потрепал его за вихор.

– Не дрейфь, – сказал он. Володька кивнул, и судья двинулся к выходу. Он был вполне спокоен.

В понедельник утром он уже звонил к брату в дверь. Тот

широко распахнул её.

– Входи! – чуть не крикнул он. Щёки у него были малинового цвета, чёрные усы топорщились. – Всё! Завтра же иду в санэпидстанцию! Дармоеды!

– Да в чём дело?

– Представляешь, приехал вчера с дачи, а на полу прямо посреди кухни – здоровенная такая крыса, сидит и нагло смотрит. Володька, идиот, кричит: она говорящая! Я ей показал, говорящей! В угол загнал, поймал и прибил гадину!.. У Володьки истерика, в санаторий ехать отказывался, сопляк. Силой пришлось в аэропорт везти! На меня руку поднял, ты можешь представить?!

Судья смотрел на брата, который мерил прихожую вдоль и поперёк. Брат был на семь лет младше и выглядел круглым, здоровым бодрячком. Судья вспомнил, что в детстве брат не верил сказкам.

– А чего мы здесь толчёмся? – опомнился тот. – Давай, пошли на кухню. Жена завтрак греет.

Судья молча прошёл за ним по коридору.

– Здравствуй, Лариса, – сказал он. Женщина устало улыбнулась и кивнула, стоя возле раковины. Она чистила картошку, и руки у неё были мокрыми.

– Идите пока в комнату, посидите, – сказала она. – Я, как сготовлю, позову.

Судья смотрел на неё, ещё привлекательную в зрелой своей красоте, и вспомнил, как однажды, когда брат уехал в ко-

мандировку, по чистой случайности – из-за не до конца закрытой двери – узнал о Ларисе предосудительную правду. С мужчиной, который обнимал её тогда, он был мельком знаком. Сейчас он подумал о том, что существует прямая связь между тем, что брат не верил в сказки, когда был маленьким, поведением Ларисы с тем мужчиной, когда не было дома брата-рогоносца, и окровавленной финкой, найденной следователем по подсказке Существа за поленницей в сарае и отданной для дактилоскопирования – позавчера, в субботу.

Военно-полевой хирург

Ты здесь лежишь на операционном столе, привязанный за руки и ноги, с распоротым животом, из которого вываливаются кишки. Недавно тебя забрали в армию, и ты тут же попал в горячую ситуацию – тебя бросили в бой раньше, чем ты, вообще-то, понял. Тут же взрывом тебе разорвало кишки, поэтому жить тебе или нет – решаю я, хирург. Я стою над тобой и узнаю лицо того сопляка, которого видел полгода назад, когда я работал в госпитале в Питере и ехал вечером в переполненном вагоне метро, очень уставший от проделанных за сутки операций. Хотелось спать, но я стоял, едва держась за верхний поручень, а ты сидел передо мной и щёлкал кнопки на своём айфоне. Ты посмотрел на меня, опустил глаза и продолжил своё щёлканье, не попытавшись уступить место и даже не сменив выражения лица, которое я вижу здесь. Так вот, сопляк, слушай меня: скоро у тебя проходит местная анестезия, уступая место дикой боли. Ты меня, как я вижу, слушаешь – моргаешь глазёнками. Ты попал в полевой госпиталь в доме у прифронтовой полосы. Здесь у меня много раненых, требующих операции, к ним я ухожу, а ты оставайся – медсёстры тебе не помогут: они не умеют резать и зашивать что-то в брюшной полости. Завтра утром придёт новая смена, а ты тут оставайся с распоротым животом, со своей дикой болью,

и лучше будет для тебя смерть, чем начинавшийся перитонит. Не знаешь этот термин? Узнаешь потом, если сразу не умрёшь. Нужно в метро уступать место старшим: сам скоро поймёшь. Вон как воняет твой набитый фекалиями и разорванный кишечник! Нюхать это всё именно от тебя не стану. Я ухожу, а ты тут лежи. Понял?!

Хирург всё-таки вернулся, чтобы продолжить операцию. За то время, когда его не было в палате, раненый солдат умер, и это было лучшим вариантом для всех.

Доказательство от противного

Ишь, повели его! Большой уже мальчишка, мог бы и сам в футбол погонять или ещё там чего. Дак нет, возьмут его вдвоём, мамка и папка, за руки и пошлёпали на всех парах. В музыкальную школу сопляка определили, в бассейн. Думают, мальчишка-то ихний первее всех должен быть. Вот, кабы свой был – так лучше бы относились, дали бы воли побольше. А этот – приёмный, вот и мучают его. Конечно, такого не жалко!

Цикл «Самостоятельный выбор»

Реклама зубной пасты

В свои тридцать я влюбился как мальчишка. Попался на удочку сразу и уже ничего не мог с собой поделатъ – сидел и смотрел, как эта блондинка отбивает на корте мячи и как её плоский живот приоткрывается в прорези над юбочкой, когда она закручивает удар ракеткой. Я хотел дождаться окончания её тренировки и познакомиться.

Комплексовать по поводу собственной внешности мне не приходилось: короткая чёрная стрижка, загорелая рожа и ладная фигура – в успехе я был абсолютно уверен, хотя не внешность, конечно, всё решает. Но остального у меня тоже было в избытке: ума и обаяния – через край, и никакой скромности в общении с прекрасным полом. Плюс, конечно, хорошая материальная обеспеченность – вопрос не из последних.

Так всё началось.

Потом была поездка на Мальдивы, персональное бунгало на одном из атоллов: десять дней, девять ночей, полный пансион, нежный песочек. Мы смотрелись великолепной парой: счастливые, красивые, энергичные. Я банкивал, я сдавал, я играл и выигрывал, потому что получал именно то, что хо-

тел. А хотел я её всю целиком.

Впервые за свою мужскую жизнь я произнёс слова о любви, после которых пути обратно нет. Больше того, в моём бизнесе она стала ведать рекламой, и я, честно сказать, на этом сильно поднялся – в смысле денег. Она находила какие-то особые словесные обороты, привлекающие людей, – и те покупали именно мою продукцию, а не чью-то другую. Я изготавливал зубную пасту на основе фтора, тюбики были в пять раз дешевле «Колгейта», но иностранцы тогда буквально заполонили экран своими рекламными клипами. Мы ответили им с русским юмором, да ещё напирая на патриотизм. Люди улыбались, покупая пасту моего производства; улыбались – и покупали!

Наша история длилась полгода, пока не случился финансовый кризис и мои дела внезапно не обвалились. Кредит съел все накопления, производство встало, налоги платить оказалось не с чего... в общем, всё плохо.

Тогда она и ушла.

В конце она устроила сцену – без криков, конечно, но гадостей с её стороны произнесено было достаточно. Мы говорили в офисе, откуда уже вывозили оргтехнику и вещи, поскольку нечем стало платить за аренду. Мне было разъяснено, что, оказывается, девушка относилась ко мне вполне прагматично: вроде как работала за хорошие деньги, но это и всё. Конечно, она была «моей» в интимном смысле, но ведь мы и в этом вопросе состояли в определённых партнёрских

отношениях, разве не так? И разве я не получал от этого удовольствия?

У меня язык отнялся. «Неужели всё до такой степени пакустно, – подумал я, – что самые лучшие чувства вдруг начинают измеряться деньгами...» Выходит, пока мы были знакомы, она занималась сплошной имитацией, а я, словно подросток, влюбился по уши и готовился сделать ей предложение. Даже смокинг себе в магазине подобрал, придурок, и галстук-бабочку!..

Я не стал ничего говорить в ответ: выслушал, повернулся и ушёл. Да и что тут можно было сказать? Плюнула в душу, не отвечать же ей тем же. Я мог бы, конечно, сообщить ей, что использовал её как девку, ничего к ней не испытывая, кроме похоти, и все мои к ней признания были самым обычным способом удержать её возле себя, потому что мне нравились некоторые её анатомические детали, – в общем, вывернуть всё наизнанку. Но я слишком любил эту девушку, чтобы обидеть напоследок таким вот гадким образом, даже если она того и заслужила.

Я вышел на улицу, сел в машину, включил зажигание и тронулся. Неожиданно девушка выскочила следом и подбежала сбоку, что-то пытаясь крикнуть на ходу. Я различил слова типа «прости» и «наврала», но для меня всё это больше не имело значения. Я уезжал, чтобы не слышать собственных слов в её адрес, готовых сорваться с языка.

Мне даже стало, по большому счёту, легко. Не было ни

денег, ни зависимости от них, ни отношений, которые могли бы оцениваться в долларах или евро. Я ехал куда глаза глядят, потому что любые дороги казались мне теперь открыты. В конце концов, свет клином не сошёлся ни на зубной пасте, ни на девушке, которая её рекламировала. От этого всего осталась одна большая, хоть и горькая, улыбка – вот и всё.

Я доехал до перекрёстка, раздумывая, куда бы двинуться, и по стрелке повернул направо. Через пару сотен метров я увидел женщину с младенцем на руках, которая голосовала здесь, видимо, уже давно. Машины проносились мимо, потому что место для остановки было крайне неудачным: трасса. Я остановился и, не задавая лишних вопросов, подождал, пока женщина усядется сзади. Она захлопнула дверцу, и мы тронулись.

Как потом выяснилось, я сделал абсолютно правильный выбор.

Призовой забег

Мне почти сорок лет, я одет в хорошее пальто и шляпу, и вот – бреду по осеннему парку, размышляя о предстоящей осени в моей собственной жизни, с которой, в смысле – с жизнью, не знаю, что и делать.

Светло-жёлтые листья на светло-сером фоне неба: так выглядел тот октябрь, когда я вышел из машины, чтобы прогуляться среди безветрия и тишины. Ровный рассеянный свет и три красных деревца на зелёной ещё опушке: небольшой пруд, тишина... «Вот и покой, вот и безмятежность; эдак можно сентиментально поверить во что-то хорошее, словно в юности, а в итоге – оказаться в дураках», – подумал я.

В давнюю-давнюю пору, будучи совсем ещё молоденьким, когда я учился на факультете журналистики и мечтал стать лучшим в мире репортёром, мы бродили с одной чудесной девушкой по такому же вот парку, взявшись за руки, и в молчании нашем крылось больше, чем в самых возвышенных словах. Я тогда думал, что состояние это, сводившееся к потребности делать всё, что нужно другому человеку, лишь бы ощущать себя частью целого, где тот, другой, является такой же частью, – это и есть любовь. Я с наслаждением отдавал себя в распоряжение того удивительного существа, которое состояло из нас обоих с той девушкой.

Тогдашнее состояние можно было сравнить с какой-то

удивительно чистой, светлой мелодией, которую я запомнил на всю жизнь в надежде, наверное, когда-нибудь её исполнить на тонких струнах души. С тех пор, однако, ничего подобного мне испытать не довелось: первая моя любовь осталась в далёком прошлом, и жизнь постепенно стёрла воспоминание о девушке, с которой мы, взявшись за руки, шли тогда по осеннему парку.

Юность кончилась, в свои сорок я вполне уже повзрослел и поэтому только что расстался с женой, которая отчего-то взяла привычку каждый день поднимать на меня голос. Видимо, она считала меня в чём-то тотально виноватым, а конкретные поводы для претензий оказывались неважны. Я пытался уладить дело миром, но кончилось всё тем, что снял себе квартиру и переехал туда. Я начал сдавать рубашки в прачечную, питаться в неплохих ресторанах и на первых порах испытывал некоторый недостаток интимных услуг. До ухода из дома, помимо жены, у меня была одна лошадка для верховой езды, она была замужем и имела дочь, но сделать этот запасной вариант основным резонов не было никаких. Она так и оставалась в резерве.

Я искал несколько новых девушек, заранее понимая, чего от них хочу и что собираюсь им предоставить.

Журналистику мне давно пришлось забросить, потому что она плохо кормила. Теперь я работал менеджером по продаже недвижимости. Только что фирма подписала крупный контракт, я заработал неплохие деньги, так что можно

было сделать передышку в работе и наконец-то заняться личной жизнью, полностью себя этому посвятив. Здесь требовался рациональный подход, потому что на эмоциях далеко не уедешь: в лучшем случае потеряешь время и деньги. А то и здоровье... кому это нужно?

По статистике, самыми сексуально активными на планете были греки – они делали это 138 раз в году. Французы занимались сексом 120 раз, итальянцы – 106. Я подсчитал, что мне хотелось бы заниматься любовью больше трёхсот раз за год. Не потому, что я стремился к рекордам, а просто ощущал себя в тонусе. Это позволяло совмещать разных женщин, не обижая ни одну.

Я завёл знакомства с девушками, выбрав претенденток разного возраста: так сказать, в широком диапазоне. Для краткости я обозначил участниц номерами. Рите (ей был присвоен номер первый) было девятнадцать: темноволосая худенькая студентка и, как оказалось потом, девственница. Света, администратор торгового комплекса (номер второй), была блондинкой, имела все параметры модели, хорошую грудь, стрижку типа «каре», но особым умом не отличалась. Ей было двадцать пять. Ольга (номер третий) работала парикмахером-визажистом, по знаку зодиака – Скорпион, что означало выраженную сексуальность. У неё были длинные волосы цвета льна, мягкие манеры и пропорциональное сложение, что при миниатюрном росте делало её похожей на оборотительного тинейджера. На самом деле ей исполнилось

двадцать семь, и она прекрасно понимала, зачем её внимания добиваются мужчины.

Итак, я выстроил своих девушек в ряд и объявил им забег наперегонки – до моей постели.

Каждой я подарил хороший парфюм, в её собственном стиле.

С каждой ходил не в кино, а в театр (!), на тот спектакль, который был ближе именно ей по сути. С номером первым (студентка) мы смотрели драму о любви; с номером вторым (блондинка, хорошая грудь) – откровенную комедию положений; для Ольги (двадцать семь лет) я выбрал изысканную историю с переменной партнёров, где в финале выигрывают все участники.

Каждую я отвёл в ресторан. Романтический ужин – с номером первым (стройная студентка): горели свечи, в бокалах переливалось рубиновое вино, а я говорил с Ритой о прекрасном. Тёмные её длинные волосы струились по плечам, а контуры первого взрослого чувства начинали проступать в её глазах. С номером вторым, моделью Светой (блондинка, грудь), всё обстояло проще: я выбрал шикарное заведение с хорошей кухней, живой музыкой (мы танцевали, обнявшись), и подарил ей украшение – из не самых пока дорогих, чтобы не смущать. Ну а с Ольгой мы забились в тёмном баре на диванчик в закрытой от посторонних глаз нише, и я угостил её вначале ухой со сливками по-фински, потом хорошим бифштексом, а после, когда мы выпили по стопке, ко-

роткими поцелуями, с помощью которых женщины безошибочно определяют, что их в дальнейшем ждёт с мужчиной.

Я не спешил. Наоборот, с каждой из участниц съездил в разные ателье, где мы заказали для них платья – одной попроще (номер один), другой поинтереснее (номер два, к её светлому каре очень шёл глубокий вырез, подчёркивающий грудь); Ольга предпочла сразу же купить ярко-красный наряд, встала на высокие каблуки, и я на секунду почувствовал к ней вождление.

Потом я занялся технической стороной их быта. Студентке Рите подарил музыкальный центр и набор хорошей музыки; красавице Свете – новую модель айфона в перламутровом корпусе; миниатюрной Ольге – компьютер вместо того старого ящика, которым она пользовалась.

После этого мы побывали с каждой из них в магазине нижнего белья, вполне по-свойски выбирая то, что могло бы подойти: высокой худенькой (номер один); выдающейся красавице (номер два); маленькой и сексуальной (номер три).

Мы всё время встречались с ними в кафе и ресторанах, ходили в кино (всё это, естественно, по очереди, с учётом их графика работы или учёбы, который я для себя составил, чтобы не ошибиться).

Спустя месяц все три вышли на финишный круг. Впереди, конечно, бежала Ольга (номер третий, Скорпион): однажды я отвозил её на такси домой, и она как бы невзначай положила мне руку на колено – так, что не оставила сомне-

ний, куда действительно хотела бы её положить. С ней мы уже вовсю целовались и ежедневно писали друг другу вполне откровенные СМС, на грани фолла.

Следующей, не сбивая дыхание, но и не отставая, бежала красавица Света. Мы вели с ней задушевные разговоры, я сводил её поиграть в боулинг, потом мы хорошенько выпили пива, и я по-хозяйски её приобнял, не встретив никаких возражений. Поехать ко мне я её не пригласил, потому что чувствовал: мог последовать отказ, а отказов в такой истории быть не должно.

Наконец, делая один шаг вперёд и два назад, за ними последовала Рита. Она не представляла, что её ждёт, и очень боялась любых перемен в судьбе. Все её подружки-однокурсницы без тени сомнения заводили романы, а мне пришлось три раза пригласить её к себе домой и поить там кофе, давая привыкнуть к обстановке, пока она не согласилась, что я должен стать её первым мужчиной.

И я им стал!

Удивительно, но именно Рита выиграла забег у своих опытных партнёров. Я был с ней предельно деликатен, подарил цветы, которые она унесла домой, нежно обцеловал с ног до головы – но про себя решил, что тратить время на обучение девочки, кричащей от боли при каждом движении, представляется для меня излишеством. Эффект не окупал затрат времени. Мы ещё некоторое время продолжали встречаться в городе, я делал ей подарки, и через неделю мы даже по-

пробовали повторить интим – но варварство, оно варварство и есть, и если девушке не было комфортно, то издевательства над организмом следовало прекратить. Под благовидным предлогом я свёл отношения с Ритой на нет. С забега её сняли.

Зато две остальные спортсменки выскочили на финишную прямую, рванув к ленточке буквально шаг в шаг! Както днём, когда мы с миниатюрной Ольгой (номер третий) в её обеденный перерыв доедали бизнес-ланч в хорошем ресторане, она своей ножкой, скинув туфлю, под столом ясно дала мне понять, что же нас ждёт сразу после. Такого телесного праздника я не ожидал! В качестве приза для Ольги последовал заранее приготовленный подарок: небольшое, но изысканное ювелирное украшение. Мы успели проделать всё дважды – по времени это заняло часа полтора, после чего Олечка вновь отправилась к себе на работу в парикмахерскую. Я пребывал в эйфории, потому что руки ещё помнили её невероятно эластичное тело, доставлявшее не удовольствие даже, а наслаждение. Я чувствовал, что поймал золотую рыбку: спортсменка номер три явно выигрывала!

Но наступил конец рабочего дня, и мне позвонила Света (номер второй) с нетерпеливым вопросом: когда же мы увидимся? Я не задумываясь ответил: «Приезжай!» – и через полчаса она оказалась у меня в квартире. Всё началось чуть ли не в прихожей, хотя нет, я вначале дал ей выпить, и тут она буквально сошла с резьбы. Я мыл её под душем, исполь-

зую нежнейшую средиземноморскую губку, и сам не заметил, как прямо под душем всё и произошло.

Это тоже было праздником, хотя с большой долей физических усилий. Света была девушкой крупной, что, как ни крути, накладывало свой отпечаток на происходящее.

С этого дня подарки, цветы, походы с обеими девушками (по очереди, разумеется!) в рестораны, в театры, в кино, поездки с ними за город слились в один нескончаемый хоровод. Ко всему, внимания потребовала та моя лошадка, с которой мы занимались верховой ездой друг на друге последние пять лет. Я взял да и сделал с ней то, о чём давно мечтал! Получилось неожиданно и понравилось обоим. Это дополнило разнообразием каскад встреч, которые превратились в одну длинную любовную сцену. Детали почти не различались, менялись только лица и обстановка.

График складывался примерно так.

Лошадка иногда приносилась утром (она всё-таки была замужем и не могла задерживаться), поэтому скакала галопом (или рысью, по настроению), после чего уезжала, слегка охрипнув от собственных криков в подушку. Я присвоил ей номер первый, взамен выбывшей Риты, и подарил хорошие часы. Как она объяснила их происхождение мужу, меня не касалось.

В обед, в тот же день или на следующий, поскольку я всё-таки не автомат, наступало время миниатюрной Ольги. Она приезжала, валила меня навзничь, закрывала мне лицо сво-

ими длинными льняными волосами и вытворяла такое, чего я до этого с женщинами ощущал нечасто. Ольга жила с престарелой матерью и старалась ночевать дома. Это накладывало отпечаток на график наших с ней встреч: только днём.

Вечера обычно принадлежали Свете. Иногда у неё выдавался выходной среди недели, и этот день целиком принадлежал нам. Мы могли уехать куда-нибудь в соседний городишко, где проводился, например, очередной кинофестиваль, чтобы посмотреть там необычный фильм. На следующий день я мог выехать туда с Ольгой и смотрел какую-нибудь новую картину.

В конце концов женщины слились для меня в некое единое существо, требующее развлечения, подарков и моей гиперактивности. Я почти перестал различать, как их зовут, и общался с каждой, как с одной.

Пора было возвращаться к работе, упорядочив всё происходящее, и тут я сломал ногу.

Получилось глупо. Стояла ранняя зима, тротуар обледенел, и, пока я шёл к машине, пришлось преодолевать естественные препятствия. Я упал настолько резко, что с коленом случилась беда: как потом выяснилось, трещина прошла даже по мышцелку. Я попал в клинику, мне сделали операцию, ввинтили в ногу шурупы и поставили меня на костыли.

Я временно выбыл из игры, врачи сказали – на месяц.

Детали здесь описывать незачем, но второй и третий номера, то бишь красавица Света и миниатюрная секс-маши-

на Ольга, не получая больше знаков внимания и подарков, потихоньку съехали на нейтральные СМС, а потом и вовсе перестали отвечать на звонки. Что касается номера первого, моя лошадка иногда, конечно, баловала меня своим вниманием, даже продукты иной раз завозила, но, поскольку являлась матерью семейства, особой активности по определению проявлять не могла.

Временно став инвалидом, я понял, что попытка наладить хорошо организованный гарем сорвалась. До моих проблем девочкам дела не было, и весь процесс рассматривался ими так же прагматично, как и мной. Это они меня, как выяснилось (а вовсе не я их!), гоняли по кругу, а когда я выдохся, списали вчистую.

Всё закончилось быстро и не в мою пользу. Я остался один и вдруг снова, словно в юности, с какой-то острой тоской подумал, что хочу в кого-нибудь влюбиться и чтобы этот «кто-нибудь» полюбил меня. Я не переставал, оказывается, об этом мечтать, и теперь этот мотив звучал всё громче. Я чувствовал, как где-то в душе рождается очень красивая мелодия, которую, конечно же, я скоро исполню, потому что всё сильнее в этом нуждаюсь.

Я ковылял на костылях по своей квартире, потом одевался и точно так же на костылях брёл в ближайший магазин за продуктами. Мне всё больше требовался человек, рядом с которым я перестал бы чувствовать одиночество, – не сегодня, а вообще. Ради такого человека мне не жалко было

отдать себя целиком, не изображая больше богатого дядюшку. Я решил: мне нужно стать кому-нибудь очень нужным – взаимно.

Это решение и оказалось тем призом, за который стоило побороться.

Сочинение о премиях за хорошую работу, с повтором для понимания

Шеф написал сочинение для десятиклассницы, дочери своей помощницы.

До этого помощница переспала с шефом на диванчике прямо в его кабинете, и шеф написал сочинение для десятиклассницы, дочери своей помощницы.

Помощница работала у шефа уже три года и с удовольствием занималась с ним любовью, потому что была разведена, и теперь ей очень не хватало мужского внимания. Поэтому помощница переспала с шефом на диванчике прямо в его кабинете, и шеф написал сочинение для десятиклассницы, дочери своей помощницы.

До того как устроиться сюда на службу, женщина успела покрутиться в мире кино. Хорошей актрисы из неё не получилось, но по части свободных нравов она много чего узнала. Помощницей у шефа она работала уже три года и с удовольствием занималась с ним любовью, потому что была разведена, и теперь ей очень не хватало мужского внимания. Поэтому помощница переспала с шефом на диванчике прямо в его кабинете, и шеф написал сочинение для десятиклассницы, дочери своей помощницы.

Самым главным для этой женщины было устроиться на хорошее место, получать неплохие деньги и быть уверенной,

что завтра её не уволят. Она перепробовала себя в разных профессиях и ипостасях, но везде оказывалось, что талантов у неё особых нет – разве что очаровательная улыбка, хорошая фигура и трудолюбие, чем бы ни приходилось заниматься.

До того, как устроиться сюда на службу, женщина успела покрутиться в мире кино. Хорошей актрисы из неё не получилось, но по части свободных нравов она много чего узнала. Помощницей у шефа она работала уже три года и с удовольствием занималась с ним любовью, потому что была разведена, и теперь ей очень не хватало мужского внимания.

Поэтому помощница переспала с шефом на диванчике прямо в его кабинете, и шеф написал сочинение для десятиклассницы, дочки своей помощницы.

Шеф получил причитающееся ему удовольствие; дочка помощницы – сочинение, которое в жизни не смогла бы написать, потому что книгу, которую нужно было прочесть, знал любой грамотный русский из тех, что постарше, но она, в силу невысокой своей грамотности, одолеть не смогла. Сама же помощница, как и прежде, получила ежеквартальную премию за сверхурочную работу, которую выполняла со знанием дела, так что всё складывалось как нужно: ко всеобщей радости.

КВИТЫ

Если вы иногда просматриваете гламурные журналы или хотя бы бросаете взгляд на их обложки, то наверняка знаете, как я выгляжу. Блондинка с большими голубыми глазами и притягательным выражением лица, типа «ещё немного, и я вас поцелую». Юбка обязательно короткая, каблук высокие, а лет уже не двадцать, но ещё не тридцать: для вас – самое то. Примерно такая у меня внешность.

Я сидела в кресле возле прохода и смотрела в иллюминатор, как приближается земля. Самолёт сильно ударился колёсами о посадочную полосу, чуть подскочил и вновь побежал по бетону, опустив закрылки. Все заплодировали, я тоже. Перелёты через океан стали для меня привычными с тех пор, как я познакомилась со своим милым пожилым американским миллионерчиком. Я уже почти не уставала за десять часов, проведённых в воздухе.

В здании аэропорта он удобно устроился на полу, подстелив газету, и поднялся, чтобы встретить меня возле выхода. Как всегда, он был бодр, оптимистичен и в меру галантен. По его версии, в скором времени я должна была стать его женой – так он решил, познакомившись со мной через интернет-агентство и приехав как-то прошлым летом на пару недель в Россию.

Я тогда сняла для нас в Москве хорошую квартиру (пла-

тил, конечно, он), показала ему столицу и даже на два дня свозила в Питер. От белых ночей он вообще ошалел – ходил по набережным и беспрерывно щелкал фотоаппаратом. Мы взяли напрокат катер и хорошо прогулялись по Неве.

Я не только фигурирую на обложках, но и публикую во всех этих гламурных журналах статьи на тему актуальных течений в мире моды. Таким способом я развлекаюсь, чтобы при случае показать свои тексты в последнем номере какого-нибудь глянцевого издания. На самом деле я ищу себе мужа, который обеспечил бы мне жизнь, и любовника, способного доставить мне удовольствие.

Любовника я уже нашла, даже двух, а вот мужа пока подбираю. Забавный старичок из Америки всем был бы хорош, если бы согласился перебраться поближе, пусть даже в Европу. В конце концов, бизнесом можно управлять и по интернету.

Мне двадцать пять. Мои московские мужчины, не догадывающиеся, естественно, друг о друге, имеют то неоспоримое преимущество, что они – рядом. Один из них меня содержит, другой предоставляет все виды сексуальных услуг, на что далеко не каждый мачо способен. Сколько развелось импотентов! Выглядят вроде ничего, но обкурятся какой-нибудь дури или напьются – и толку с них нет. Представьте: такое происходит через вечер! Вот почему мне нужны двое, на подмену. И тот, и другой наслаждаются мною всяк на свой манер, а я играю в их судьбе ту именно роль, которую каж-

дый для меня прописал в собственном деловом ежедневнике. В итоге все довольны.

И вот теперь я – у своего пожилого претендента. Он везёт меня на спортивном «мустанге» по трассе; через полтора часа мы останавливаемся передохнуть в мотеле, и я знаю, какая мне сейчас предстоит нелёгкая работа. Впрочем, не привывать.

Он думает, что я ни слова не понимаю по-английски, кроме «спасибо», поэтому записался на курсы русского языка и кое-что действительно научился произносить.

По крайней мере, за то время, что мы виделись во время его и моих приездов, он сильно продвинулся, и бытовые проблемы обсуждать с ним по-русски удаётся вполне корректно.

Мы поставили машину на стоянку, зашли в номер, и я отправилась в душ. В ближайшие пять минут меня ждал сюрприз. Пока я мылась, мой дедушка, не особо таясь, позвонил кому-то из своих знакомых и вполне откровенно повёл беседу, касающуюся меня. Он не думал, что я могу что-нибудь понять из английской речи, а поскольку был глуховат, то говорил громко. Между тем владела языком я неплохо, так что всё, что удалось услышать, вызвало у меня шок.

Он говорил кому-то, что русские шлюхи – самые лучшие, даже с негритянскими не сравнить. Да, японки умеют создать настроение, да и вообще азиатки в этом смысле потакают мужчинам. Это их философия. Темнокожие темпераментны и получают удовольствие, громко сообщая об этом

всему миру. Но русские – о, эти отдаются процессу всем своим женским существом, поэтому называть происходящее сексом как-то даже неудобно. Конечно, этонелюбовь, новкакой-тостепенипохоже. «Вотпочему, – продолжил, обращаясь к кому-то, мой милый старенький миллионерчик, – я тебе рекомендую эту девочку (то есть меня!). Когда будешь в России, набери её номер и скажи, будто нашёл через агентство знакомств. Расскажешь о впечатлениях».

Я вспомнила, откуда у меня появился этот американский дедушка: он точно так же позвонил, сослался на агентство – хотя там вначале всегда присылают на e-mail данные о претенденте. А до того... вот ведь чёрт! До того у меня случилась подобная история с одним шведом, а ещё раньше – с немцем: я всех их считала претендентами в мужья, но выходит, меня просто передавали из рук в руки, словно шлюху!

Мой миллионерчик как раз и закончил разговор этим словом, похвалив мои физиологические особенности... И на том спасибо!

Я вылетела из душа взбешённая и на беглом английском сообщила ему, даже выкрикнула всё, что о нём думаю. Он с американской улыбкой выслушал мой монолог, а потом спросил, довольна ли я той суммой, которую он каждый раз вручает мне при расставании. Я оторопела. «Да или нет?» – настойчиво повторил он свой вопрос.

Вообще-то, мы были квиты. Я пожала плечами и кивнула. Тогда он тоже кивнул и расстегнул штаны.

Под другим углом зрения

– Давай сыграем, – предложила она, – ты побудешь мной, а я тобой, и мы расскажем друг другу, что у нас за отношения. Уже год вместе, интересно же!..

– Гы... Давай, – согласился парень, лениво потягивая пиво. Они лежали на городском пляже у реки, среди других таких же отдыхающих: она – в открытом купальнике, он – в шортах до колен. Оба были ещё белыми – видимо, выбрались на пляж в первый раз. Впрочем, лето только входило в силу.

– Начинай, – предложила она.

Парень хмыкнул, почесал белобрысую шевелюру.

– Ну, в общем, я девушка бойкая, встретила довольно-таки нормального пацана и теперь хочу, чтобы он за мной продолжал ухаживать. Гы... Я к нему привязалась, а он ко мне. Оба мы друг другу нравимся, свыклись уже по жизни, мне не терпится побыстрее замуж, а этот что-то тянет. Вроде я ему нравлюсь, по всем статьям подхожу, стараюсь всё время сделать как лучше, а от него ни ответа, ни привета. Между прочим, я хорошая хозяйка, умею вкусно готовить, за домом слежу. Гы... Так что скоро поставлю вопрос ребром... Правильно? – Он снова отхлебнул из бутылки.

Девушка была пегой, не тёмненькой и не светленькой; она слушала со вниманием, очень серьёзно.

– Ладно, теперь я за тебя скажу. – Она чуть нахмурилась

и привстал на локте. – Пацан я по характеру спокойный. Звёзд, конечно, с неба не хватаю, но на механика выучился, в машинах разбираюсь. Раз с руками – значит, на жизнь хватит. Если так, любая бабеч за меня согласится выйти, а я могу пить себе пиво и над ними, глупыми курицами, посмеиваться. А эта... – Девушка махнула рукой в сторону, – из кожи вон лезет, хочет меня захомутать. Мне бы ещё годика два погулять на свободе – вон сколько кругом возможностей. А на то, что меня кто-то любит, можно пока внимания не обращать: никуда она от нас не денется!

Девушка замолчала.

– Всё сказала? – спросил парень с обидой в голосе.

– Всё, – ответила она, снова укладываясь на подстилку лицом вверх.

– Тогда я за тебя ещё добавлю, ну, в смысле того, что я – это ты... Сама я по себе девушка глупая, красотой не отличаюсь, перспектив у меня никаких, только бы замуж удачно выскочить, родить ребёнка и щи варить. А чтобы ему, то есть мужу, хоть какой-то интерес в жизни со мной был, – это неважно. Книг я умных не читаю и не хочу, в кино только на эти... где слёзы и сопли... хожу, пострадать чтобы. А если мой муж собрался на футбол или с мужиками в баню, так я ему за три дня до этого начну плешь протирать, чтобы дома сидел или со мной, неумной, выходной где-нибудь провёл – ну там, за городом, или на аттракционы сводил... в цирк, короче, на клоунов посмотреть! Если он за юбку мою не дер-

жится – значит, и не любит.

Девушка закрыла глаза и слушала всё это молча. Когда парень остановился, чтобы сделать глоток, она подвела горький итог:

– Значит, ничего ты за целый год не понял. Если, не дай бог, с тобой чего случится, я ж тебя с того света вытащу.

– Гы... Я туда пока не собираюсь, – хмыкнул парень. – Мне жить хочется, а не с тобой тут... целыми днями околачиваться.

– Ты меня что, гонишь? – спросила она, садясь.

– Да нет, – по-прежнему с ленцой ответил он. – Присутствуй пока. Сиди, загорай.

Девушка резко поднялась и, схватив одежду, принялась одеваться.

– Ты куда? – не понял он.

– От тебя подальше, – ответила она, вытряхивая песок из туфель и пытаясь их надеть.

– Эй, эй!.. Не пори горячку! – Он даже вскочил. – Мы же играли, ты сама предложила!

– Доигрались! – отрезала она. – Больше меня не увидишь!

Парень схватил её за руку, заглянул в лицо и увидел слёзы.

– Пошутил я, – извиняющимся тоном попытался он свети разговор к миру. Девушка вырвала руку и схватила свою сумку. – Слушай, ну... давай поженимся, а?

– Опять пошутил? – спросила она.

– Не, я всерьёз. Хочешь, сегодня в загс пойдём?

– Сегодня воскресенье, – напомнила она.

– Тогда завтра. Ладно, я тоже сейчас соберусь, чего тут валяться. Давай сходим куда-нибудь, что ли?..

– В цирк? – улыбнулась она, всхлипывая.

– Да хотя бы и в цирк, – согласился он, натягивая брюки прямо поверх шорт. – Мне всё равно, лишь бы с тобой.

Время было ещё утреннее, народ прибывал на пляж, а эти двое уже шли к выходу, взявшись за руки, и о чём-то говорили, смеясь и перебивая друг друга. Предстоял выходной, и можно было просто побыть вместе.

Наконец-то!

Чем пахнут грязные носки

Вот история так история!

Я работаю секретаршей, считаю свою роль весьма ответственной, одеваюсь по-деловому и стараюсь ярко не краситься. Лёгкий макияж, хорошие духи... Для моих тридцати двух лет вполне достаточно. Глазами стараюсь не стрелять, хотя и хотелось бы.

Отпуск мне летом не дали, и я, как всегда, сидела в приёмной у шефа, отвечала на звонки, набирала сообщения на компьютере, следила за его расписанием – словом, делала привычную работу. В окна било солнце, но у нас установили кондиционер, и жарко не было. И тут появился этот... Я просто обмерла. Он ещё только в дверях возник, а у меня внутри всё похолодело, я даже дыхание задержала, потому что он двинулся прямо ко мне со своей победоносной улыбкой, и голова моя закружилась от первых же его слов.

Я заранее знала, что всё у нас случится, и с первой же секунды, как он вошёл, сама хотела этого. Он, перекинувшись со мной буквально двумя словами, пригласил меня на обед, а потом без стука зашёл к шефу, оставив в приёмной запах своего парфюма, словно шлейф, – и я одурела окончательно. Хотелось идти по этому воздушному следу, пока он не приведёт меня к нему – этому тридцатилетнему, с ослепительной улыбкой... кому? Я взглянула в расписание и увидела

его имя, фамилию, должность директора какой-то фирмы и тему для обсуждения – что-то из области высоких технологий.

Он остался у меня в ту же ночь! Обычно со мной такого не бывает, но тут, я чувствовала, – явно особый случай. Если бы я им не воспользовалась, то оказалась бы круглой идиоткой. И правильно сделала, что воспользовалась!

Я потом не просто хотела его – я днями и ночами бредила надеждой дотронуться до его тела. Я, глупая, писала ему очень искренние, неуклюжие стихи, где говорилось про вихрь, который он принёс в мою душу, и в стихах было непонятно, нужно ли всё это мне.

В общем, он дал мне почувствовать всё, о чём я раньше только грезилась. Умный, красивый, ироничный и эрудированный до такой степени, что я порой начинала комплексовать. Про мужа я ему сообщила, будто разведена, потому что на тот период муж находился в международном плавании, а значит, так оно и было.

И вот однажды, в самый разгар отношений... Не знаю, как это получилось, но он нашёл под диваном старые мужские носки. Синтетические, нестиранные, на одном даже дырочка маленькая... Я их после уже разглядела, когда выбрасывала. И только потом сообразила, что их оставил другой мой любовник, Витечка, когда в дверь не вовремя позвонили, а он подумал, будто вернулся муж. Это означало бы смертоубийство, потому что, хотя муж по два-три месяца бывал в

дальних рейсах и неизвестно, как у него там обстояло с женщинами, – мне, он считал, посторонние мужчины были категорически запрещены. А Витечка этот, хоть и выглядел тщедушным с виду, имел некоторые достоинства, которыми я и пользовалась, если становилось невтерпёж.

Короче, Витя сиганул тогда в окно со второго этажа: слава Богу, ничего себе не сломал, но от него остались те самые носки с дырочкой.

Этот мой, нынешний, подержал их двумя пальцами, потом сделал вид, будто понюхал издали, и ушёл, даже не попрощавшись. Не могла же я объяснить, что это не свежеставленные, а старые носки, ещё до нашего знакомства! Пахли они, если честно, не очень – но это я потом почувствовала, а тогда совсем растерялась.

Теперь у меня нет ни Витечки, ни этого моего красавца – только муж, а он постоянно в рейсах.

Буквально не знаю, что и делать!..

Самый дорогой парфюм

...Она ещё продолжала что-то говорить, но он уже всё про неё понял – и то, что он понял, ему не понравилось.

Мужчина представительной внешности одет был в дорогое длинное пальто, явно пошитое по фигуре, а женщина, с которой он разговаривал, выглядела вполне обычно – как все. Эти двое случайно встретились ранней осенью в холле крупного универмага, куда он зашёл, чтобы купить жене парфюм, а она, как и все женщины, – чтобы увидеть обилие возможностей. Раньше они вместе работали в исследовательском институте, но он был тогда нищим аспирантом, а она – дочерью богатых родителей, которые фактически покупали для неё научную степень. Он пытался ухаживать за ней, но эта молодая особь не принимала знаков его внимания. Теперь выяснилось, что новые времена унесли у её родителей всё нажитое, а сама она осталась с ребёнком, без мужа и без особых перспектив.

У него теперь был свой бизнес, и он легко мог бы устроить её к себе на работу, тем более что технологи ему как раз были необходимы. Но он посмотрел на её маленький рот и вспомнил ту спесь, с которой она проходила мимо него тогда, в институте; он увидел гримаску, которую она на мгновение скорчила, когда говорила о своих нынешних делах, – и, не особо заботясь о приличиях, прервал разговор и попро-

щался.

Когда-то давно, в период восхождения и надежд, ему очень нужна была её улыбка – которой он так и не дождался. Сегодня она тоже ни разу не улыбнулась – ни ему, ни так, вообще, в процессе беседы, но уже по другой причине.

Он обо всём этом подумал и понял, сколь благосклонны к нему оказались обстоятельства, которые отвели его тогда от этой связи.

Мужчина зашёл в отдел с парфюмерией и, поскольку хорошо разбирался в ароматах, попросил принести ему самый дорогой флакон, по форме напоминавший корону. Уникальный запах, хранящийся там, символизировал для него всё, что он мог бы вообще испытать к женщинам: любовь, вождение и понимание.

Всё это он отдавал своей жене – любовь, вождение и понимание – и, пока флакон запаковывали, чувствовал себя счастливым человеком.

Каким, конечно же, и был.

Кантемировский МОСТ – ТОЛЬКО НАЧАЛО

I

Небольшой отель построили прямо на берегу залива, и внешне он напоминал белый лайнер, развёрнутый носом к воде, а кормой – к дюнам и соснам сразу за ними. Его так и проектировали: с десятью номерами, сауной и кафе, где по узкому трапу прямо от столиков можно было подняться на верхнюю палубу и, если дело происходило летом, позагорать в шезлонге, а зимой – обозреть пространство льда от берега до самого горизонта.

Сейчас стояло жаркое безветренное лето, и эти двое приехали сюда в будний день, разорвав бесконечную череду обязательств – каждый своих, опутавших паутиной больших и малых дел. Теперь они вернулись с пляжа и, появившись в номере, тотчас вдвоём отправились под душ – смывать друг с друга приливший к телу песок, ласково намыливая шампунем. Мужчина вышел первым, набросив на бёдра белое полотенце, и скинул с кровати покрывало. Номер напоминал просторную каюту, куда даже сквозь зашторенный иллюминатор пробивалось солнце. Работал кондиционер, и было в

меру прохладно.

Мужчина в свои сорок пять сложен был вполне прилично. Он положил полотенце на стул и глянул в зеркало глазами стального цвета, секунду или две поиграв рельефной мускулатурой и состроив соответствующее выражение лица. Потом мужчина чуть улыбнулся, справедливо признав происходящее глупостями (которые, к счастью, никто не видел), провел рукой по короткому ёжику волос, уже начинающих седеть, и, откинув одеяло, забрался в постель – ждать спутницу.

Та вскоре появилась, завернувшись в полотенце, и на цыпочках обежала кровать с противоположной от мужчины стороны. Он всегда любовался её танцующей походкой, и она это знала. Женщине было чуть меньше тридцати, господь одарил её вытянутым, как струна, телом, которое оставалось звонким и молодым. Ей приятно было возбуждать любимого одним лишь своим появлением. Оба предвкушали очевидное и не спешили, наслаждаясь прелестью неявных признаков начала.

Тряхнув лёгкой, разных оттенков – от тёмного до светлого – причёской, женщина сбросила полотенце и неуловимым движением оказалась рядом с мужчиной, прижавшись к нему всей своей длиной. Они потянулись друг к другу и совсем уже обнялись, когда со стороны её тумбочки мелодично зазвонил её мобильный телефон.

– Не буду ему отвечать, – промурлыкала женщина, не раз-

мыкая объятий. – Не хочу его слышать.

Мужчина отстранился и сказал утвердительно:

– Давай, как договорились. Всё получится.

Та вздохнула, слегка недовольная, но подчиняющаяся и, отвернувшись, дотянулась до телефона. Звонил муж.

– Нет, не приеду, – сообщила ему женщина, отчего-то умерив голос и лёжа, как и оставалась, на боку, отвернувшись. – Почему шёпотом? – тут же переспросила она с нормальными уже интонациями и громко. – Еду на работу.

В это время мужчина обнял её за талию и приник, обнимая, сзади.

– Починила утром машину на станции, – продолжала говорить в телефон женщина каким-то неестественно ровным голосом, стараясь себя контролировать и явно уже предчувствуя происходящее, готовое вот-вот наступить. – Теперь на работу добираюсь. Где еду? По мосту...

Мужчина, который её обнимал, в тишине номера слышал звучащий в трубке недовольный баритон, не разбирая слов.

– По какому мосту? – переспросила женщина и сделала короткую паузу, чуть подогнув, по настоящему требованию мужчины, колени. Тот обнял её совсем уже сильно и сделал главное движение, а потом всё быстрее повторял его.

– По Кантемировскому!.. – почти выкрикнула женщина, не в силах больше сопротивляться потоку, который делал её безвольной и увлекал к краю. – Не могу больше разговаривать, поворот делать надо!

Это прозвучало словно истерический вскрик, потому что она почти уже потеряла сознание, пытаясь нажать подряд на все кнопки телефона – куда придётся, лишь бы отключить. Бросив обратно трубку на тумбочку, женщина с дикой силой, торопясь сорваться, стала догонять мужчину, и оба они закричали, словно признаваясь друг другу во всём сразу. Она уткнулась в подушку лицом, заглушая этот свой крик, не предназначенный никому, кроме них двоих, и долго не поднимала головы, всё ещё продолжая вздрагивать.

Придя в себя, женщина вдруг расслабленно заплакала, прижавшись щекой к мужскому плечу и всем своим длинным телом приникнув к любимому, вжавшись в него, обнимая и словно расплавившись рядом. Мужчина тихонько её гладил.

– Ну вот, – немного погодя сказал он, – ты ещё одно своё желание исполнила.

– Это было твоё желание, – возразила женщина, всё ещё всхлипывая.

– Это было твоё желание, которое я угадал.

Она вытирала быстро ушедшие слёзы.

– Не думала, что окажется так трудно, – вновь уткнувшись в его плечо, выдохнула женщина. – Вы с ним – это два разных мира, я их никогда не смешивала. И больше не хочу.

– Нужно было хоть раз попробовать.

– Больше не хочу, – повторила женщина. – Попробовала, а теперь чувствую себя шлюхой.

– Мы тебя оба любим, каждый по-своему.

– Да, но я-то люблю тебя одного, и не хочу ни с кем...

совмещать.

– Всё равно совмещаешь. Пару раз в месяц, но с ним – приходится.

– Ты сам виноват, – мстительно сказала женщина, перевернувшись на спину, устраиваясь рядом и укрывая их обоих одеялом. – Не хочешь разводиться со своей... и не надо. Женился бы на мне – я стала бы только твоей. Нарожала бы тебе детей, между прочим. А так...

– А так?

– А так я верна вам обоим, – заявила она, – тебе и мужу. Вынуждена в своей семье играть роль примерной супруги и, кстати, хорошей матери для ребёнка. Я ведь рассказывала, что испытываю, когда он меня обнимает.

– Ничего хорошего.

– Это тебе бы так хотелось. Что мне прикажешь, мучиться и терпеть? Эгоист! Технически там всё обстоит нормально. Просто не надо путать, когда отдаёшься кому-то всей душой... всем своим существом, как с тобой... – или когда тебя доводят до кипения, потому что так природа устроена. Мы с ним десять лет вместе, это своего рода ритуал.

– Прекрати немедленно, – потребовал мужчина, – ты ещё дифирамбы ему начни здесь разводить!

– Просто сегодня ты меня заставил совместить несовместимое, а я тебя, как всегда, послушалась...

Он лежал, глядя в потолок.

– Это счастье, – сказала вдруг женщина, снова его обнимая. – Любой твой каприз исполню, любую фантазию... Ну, прекрати, ходим поесть.

Когда они сидели в уютном ресторанчике в двух шагах от отеля, а свет, отражённый заливом, рассеивался в просторном помещении с большими витражными стёклами, лица у обоих казались ещё более загорелыми, чем были. Белые тарелки на тёмно-фиолетовых скатертях, наполненные снедью, являли собой прекрасное, давно ожидаемое зрелище, и женщина ела, улыбаясь от удовольствия. За рулём сегодня была она, поэтому ей полагались только минеральная вода и кофе на десерт, никакого алкоголя.

Он глядел, как её синие глаза щурятся в улыбке, и не испытывал ревности к тому, кто считался её мужем. И сейчас, и в любое время женщина эта принадлежала ему по праву. Он всегда знал, что держит её в своих ладонях, подчиняя её своей воле так, что каждая встреча у них не была похожа на предыдущую. Это длилось уже почти пять лет, хотя, когда всё начиналось, никто не мог бы предположить, что всё затянется так надолго.

Залив отсвечивал за окнами голубым золотом, отражая солнце, и солнце это стояло в глазах у женщины, когда она поднимала взгляд.

– Пойдём скорее обратно в номер, – попросила она, – оставим хорошее впечатление от поездки.

Он встал, подавая ей руку, и они вышли к заливу, распахнувшему своё пространство им навстречу – словно объятья, в которые эти двое готовы были заключить друг друга.

II

Вначале, когда они только встретились и она не знала об этом человеке почти ничего, кроме того, что он умён и что она влюблена в него без памяти, – женщина искренне считала, что чем больше выполнит его желаний, тем скорее он на ней женится. С мужем, в прошлом – однокурсником, тренировавшимся в одной сборной по плаванию, они прожили к тому времени шесть лет, пять из которых потрачены оказались на обустройство быта и преодоление материальных обстоятельств. Наконец он попал на хорошую должность в службу кабельного телевидения, и в доме появились деньги.

Подрастала девочка, родившаяся почти сразу после свадьбы, и всё шло вполне понятным чередом.

Особых перспектив такая жизнь не сулила, но после того, как в семье появилась первая машина (подержанная, зато с небольшим пробегом), а сразу за ней, в кредит, и вторая – попрестижнее, для мужа, – стало ясно, что простым и безобидным надеждам суждено обязательно сбыться. Теперь стоило добавить усилий. Муж уставал на работе, да и молодой женщине надоело уже сидеть дома: дочку отдали в детский сад, и женщина устроилась в автосалон, продавать

авто высокого класса.

Улыбчивая и красивая, она через месяц разбиралась в нюансах работы двигателя и особенностях ходовой части, так что могла объяснить солидным и грамотным покупателям, насколько же удобно им будет, сидя в пахнущем кожей салоне, управлять именно этим автомобилем. Объём продаж с момента её появления подскочил чуть ли не вдвое, а через полгода она стала менеджером отдела, обучая прочих ведению дел.

Тогда в её жизни и появился этот мужчина. В мире крупного бизнеса его имя почти никогда не озвучивали, поскольку интересы этого человека представляли другие. Крепкий, плотно сбитый, с живыми, стального цвета глазами, он вёл свои дела, нигде не задеиствуя собственные фирмы, но полностью владея ситуацией в целом. На него работали производственные, торговые, венчурные подразделения в разных городах и странах, к нему сходились самые разные нити, но он мог позволить себе появляться где угодно без охраны, поскольку не светил ни своего капитала, ни способов его получения. Даже машину он водил средненького класса – «ниссан», так себе игрушечка для взрослых мальчиков и девочек. Ему был чужд плебейский апломб, связанный с имущественным статусом, – он глядел поверх материальных формул и видел крупные цели, которых обязательно достигал. Как потом, по обрывочным репликам, стало ясно женщине, он управлял политиками, исподволь скупая их и подготавли-

ливая что-то вроде импичмента президенту или конституционного переворота, – она так и не поняла, что же именно, да и не старалась понять.

Стояла зима. В автосалоне этот человек появился, одетый в хорошую дублёнку и тёмный костюм с галстуком. Он хотел присмотреть более-менее приличную «вольво» с высоким клиренсом и, как сам он сказал, порекомендовать её другу. Полушутя, мужчина предложил очаровательному менеджеру сопровождать его во время тест-драйва, и женщина отчего-то согласилась. Сила этого человека, таившаяся внутри, проявлялась в каждом его движении, и, сидя в кабине рядом с ним во время пробной поездки, женщина вдруг почувствовала, как всё в ней задрожало – до тошноты. У неё и в мыслях тогда не было изменять мужу, воспитана она была в традиционных представлениях о верности до гробовой доски; просто ноги отчего-то стали слабыми, и всё. «Будто кур воровала», – пытаясь отшутиться, произнесла она про себя поговорку, годную на данный случай, а потом, словно сомнамбула, продиктовала мужчине номер своего телефона, если (как тот сказал) придётся посоветоваться.

Звонок раздался через три дня, они встретились и пили кофе где-то возле её работы, а ещё через день снова пересеклись в центре города, и ей было стыдно, что она приехала на своём драндулете, а он наверняка посмотрит на её подержанную машину и поймёт, в каких она живёт условиях. Ещё утром, когда она одевалась, муж в шутку поинтересовался,

зачем она надевает красивое нижнее бельё.

– На работу иду, как видишь, – белозубо засмеялась в ответ женщина, не сразу даже поняв, почему, действительно, хочет чувствовать себя вызывающе сексуальной, хотя никто этого не увидит.

– Хорошо, что не к зубному на приём, – сострил муж. Он тоже собирался на службу: натянул рубашку и застегнул джинсы. Костюмов он никогда не носил, а галстуки терпеть не мог.

Дочка бегала по квартире, которую они тогда снимали. Вскоре им предстояло купить свою первую «двушку» – шикарные по тем временам апартаменты.

Прошла неделя, в течение которой они с тем мужчиной виделись каждый день. Во время обеденного перерыва он забирал её в кафе или отвозил в ресторан, а потом доставлял обратно. Час, а иногда полтора они разговаривали – обо всём; точнее, говорила по большей части она, вытаскивая на свет божий детали своего настоящего и прошлого, сперва в виде намёков (неизвестно, как отреагирует собеседник), а потом уже подробно, со смехом или всерьёз. Она и сама не знала, отчего её словно бы прорвало, но каждый раз она становилась всё откровеннее. Однажды она высказала свою тайную мечту: занять административный пост на поприще спорта. «Там, – сказала она, – я смогу быть полезна, потому что серьёзно в этом разбираюсь. А торговать машинами – это же не навсегда».

Мужчина тогда бросил на неё внимательный взгляд и промолчал.

Он тоже, хотя гораздо более сдержанно, упоминал в своей жизни, своих интересах, почти не затрагивая ни бизнес, ни политику (хотя это являлось главным), и не пытаясь вызвать даже тени сочувствия к тому, какое вёл существование в личном плане. Эта тема вообще не обсуждалась, сказано было только: жена – юрист, плюс имеется сын, который оканчивает вуз, на этом всё. Собственно, большего женщине и не требовалось, потому что главным для неё оказалось стремление выговориться, и это была не обычная дамская болтливость, а что-то вроде исповеди мудрому и доброму пастору, который не осудит, но даст спасительный совет. Потому что женщина вдруг осознала (и это стало для неё откровением), что она начала тонуть в болоте материального быта, то есть тупого, безысходного однообразия, где не было места ни сильным и высоким чувствам – за их ненужностью, – ни каким-то иным помыслам, кроме заурядного представления о достатке, который уже вот-вот должен был наступить, но далее такого достатка ничего не просматривалось. Терялся общий смысл существования, вот что означало – тонуть, и вот, в конечном итоге, на какую тему она говорила с мужчиной, умевшим слушать, о чём бы ни шла у них речь.

Помимо её воли, с женщиной начало происходить всё то, чему она, слабея всё больше, в силу собственного воспитания противилась как могла. Но однажды, во время очеред-

ной встречи, мужчина положил ей руку на ладонь, и она не убрала свою, как случалось раньше.

– У нас всё уже случилось, притом всерьёз, – констатировал он, – и не делай вид, будто ты этого не понимаешь.

Она и не делала вид, осознавая в действительности только одно: остановиться не получится, потому что ей самой всё сильнее хотелось того, чего она не знала, но лишь предчувствовала, всё больше пугаясь невозможности вернуться к себе прежней, да и не желая уже возвращаться.

Её первым мужчиной был тренер из сборной, он тогда долго ухаживал, а у неё наступила взрослая пора, но теперь она не помнила даже ощущений от той близости. Вторым оказался муж, с ним всё обстояло по-молодому хорошо, а потом родилась дочка и всё как-то переменялось, но ничего неправильного в этом не было.

У неё никогда не кружилась голова от того лишь, что кто-то положил ладонь на её руку, и глаза её никогда раньше не наливались слезами от переполнявших душу желаний, готовых воплотиться во всё что угодно и прямо сейчас. Сегодня она сидела, разговаривала с этим человеком и чувствовала в себе то, чего до сих пор даже не могла предполагать.

– Пойдём, – сказал ей тогда мужчина, и она поднялась за ним следом, почти теряя сознание, потому что поняла: она уже не выберется оттуда, куда её влекло.

Она ещё пыталась себя контролировать – даже когда они приехали на какую-то квартиру и она, словно сомнамбула,

отправилась в душ, скорее для того, чтобы оттянуть время и, может быть, попытаться всё-таки включить тормоза, но через пять минут уже оказалась в его постели и боялась пошевелиться, а он всё сделал с ней сам, и, когда это произошло, она поняла, что стала теперь совершенно другой – но какой именно, ещё предстояло узнать и почувствовать. Сейчас она испытывала неловкость, потому что всё это время лежала почти неподвижно, словно бревно: ей мешал сковывавший испуг, мешало чувство стыда и то ощущение, будто вот сейчас её используют, а потом скажут: «Одевайся!» и отправят восвояси, уносить подальше свой позор.

Она в ужасе ждала, что же теперь последует, но ей принесли в постель кофе, наговорили кучу нежных слов и поцеловали так, чтобы она почувствовала себя дарительницей, которой благодарны. А спустя некоторое время всё повторилось снова, но она опять не смогла понять, как себя вести – то ли тем же образом, что и с мужем, то ли совсем иначе, ведь было неизвестно, чего может ожидать от неё этот опытный мужчина, по-всякому переворачивающий её и достигающий самого потаённого дна её не разбуженных пока вожделений.

Скудный предшествующий набор её представлений оказался бесполезен. Когда они одевались, женщина отчётливо осознала, что если с ней не захотят больше встречаться, то это окажется вполне справедливым: кому нужна такая фригидная особа? Как самой ей быть дальше, она тоже не знала, но мужчина обо всём догадался и посоветовал:

– Ни при каких обстоятельствах ничего не говори мужу.

– А я... смогу? – жалко улыбаясь, спросила женщина.

– Так надо, – пояснил он. – Пускай дома у тебя всё идёт как и прежде, совсем по-другому, чем здесь.

– Конечно, здесь по-другому... – кивнула она. – Ты знаешь, такое у меня в первый раз.

Потом, оказавшись в прихожей рядом с женщиной и отчётливо полагая, что вот сейчас, через минуту, её могут вежливо отодвинуть прочь и не востребовавшая, никому не нужная её любовь останется похоронена в этой чужой квартире, женщина обняла такие родные теперь его плечи, заглянула в глаза, казавшиеся в вечернем свете совсем свинцовыми, и сказала, будто встав на колени:

– Я прошу тебя, пожалуйста... Научи меня быть такой, какая тебе нужна. Я смогу. Я буду во всём тебя слушаться. Только не оставляй меня, слышишь?

Мужчина посмотрел на неё долгим взглядом и ответил, как она того и ждала. Он произнёс лишь одно слово, но и этого было достаточно, потому что слово было твёрдым.

Он сказал:

– Хорошо.

Вместе они вышли на лестницу и захлопнули за собой дверь. На улице было морозно, пар шёл изо рта, и только сейчас женщина вдруг до конца почувствовала, что же с ней случилось. Она села в свою машину, он – в свою, и, помахав друг другу ладонями сквозь лобовое стекло, они разъе-

хались в разные стороны, унося с собой каждый собственное впечатление от произошедшего.

Падал тихий снег, и женщина ехала, почти не различая дороги. Потом она сообразила, что нужно включить дворники. Она пыталась представить, как посмотрит мужу в глаза и не поймёт ли тот всё с первой же секунды. Она не знала, что будет дальше.

Но ни на миг её не оставляло ощущение, что всё, что она сделала сегодня, она сделала правильно.

III

Грохот выстрелов был таким, что, если бы не наушники, можно было оглохнуть.

Женщина стояла, одетая в чёрный свитер и чёрные брюки, в туфлях на высоком каблуке, и держала пистолет на вытянутых руках, слегка откинувшись корпусом назад. Нажимая на спуск, она точно знала, что попадает куда нужно, и возвращала ствол в исходное положение, нащупывая силуэт мишени сквозь прорезь прицела. Выстрелы гремели один за другим. Запах пороха и масла, которым протирали оружие, сливался с этими звуками, и это рождало ощущение своеобразного куража.

Когда патроны кончились, женщина, как и учили, вынула магазин, проверила казённик, оттянув затвор до упора, затем мягко спустила курок, придерживав его большим пальцем

левой руки, и положила пистолет на стойку.

Мужчина стоял сбоку от неё и наблюдал за происходящим, любуясь произвольной грацией, которой было исполнено любое движение спутницы. Он уже закончил свою серию и теперь, сняв наушники, готовился вместе с инструктором и женщиной пройти к мишеням, чтобы оценить результат.

– Вы действительно в первый раз стреляете? – переспросил у женщины инструктор, удивляясь и отмечая цветным мелом дырки от её пуль, чтобы не смешивать с последующими. Та кивнула. – Хорошая кучность... Я вам поправлю прицел, можете метиться туда же, ствол сам уйдёт в нужное место.

У мужчины все выстрелы легли «в десятку», да по-другому и быть не могло.

Они потом ещё долго стреляли – каждый выпустил по коробке патронов. Женщина с каждым разом уменьшала радиус разброса, сдвигая попадания всё ближе к центру мишени. Когда всё закончилось, пальцы у неё прочно впитали тот неповторимый горький оттенок, которым пахнет оружие. Она с наслаждением, поднося ладони к лицу, втянула этот новый для неё запах обеими ноздрями и обернулась к мужчине:

– Как всегда, удивил. Спасибо! – и без всякого перехода осведомилась: – Красиво я стояла, когда стреляла, правда?

Мужчина захохотал: красота, как всегда, во-первых, а

меткость для неё оказалась последним делом. Они вышли из здания тира, улыбаясь друг другу, в полыхающую жёлтым осень. Каждому пора было по делам, они обнялись:

– До завтра...

– Звони, буду ждать, – сказала, а точнее попросила женщина.

Прошло ровно год и два месяца с тех пор, как они ездили тогда на залив, и очень многое в её жизни изменилось. Мужчина обустроил всё так, чтобы для неё открылась дорога в городском комитете по спорту, – там она ведала теперь подготовкой инвалидов, пробивала финансирование для площадок, отвечала за состав тренеров. Жизнь заиграла совсем другими, чем прежде, гранями.

Женщина села в свою новую машину и, осваиваясь, вставила ключ зажигания в замок. Коробка передач была теперь автоматической, машина – лёгкой в управлении.

Женщина улыбнулась и тронулась с места. На душе, как всегда после встречи с любимым, оставался флёр лёгкого восторга, помноженного на очередную неожиданность, которой мужчина угощал её, словно отдельными блюдами в ресторанах. Не так давно он отвёз женщину в одно местечко, где в специально огороженном водоёме можно было поймать рыбу, а потом её при вас жарили и подавали барбекю прямо к столу, где вы уже доедали холодную закуску. Такие сюрпризы он делал постоянно.

Когда случалась близость, то, помимо всплеска удивления

и восторга, мужчина рождал в ней новые и новые ощущения. Она и не знала, что в течение шести лет можно ни разу не повториться. Мужчина заставлял её делать то, что раньше являлось плодом запретных и сладких мечтаний. Из её подсознания эти помыслы вырывались наружу, и не было пределов воображению, когда мужчина подчинял её обратной стороне женских вожделений. Она становилась именно такой, какой хотела бы оказаться – безо всякого контроля или самоосуждения – и всё это доводило её до такого состояния, что, вспоминая затем происходившее, она сама не могла поверить, будто та улыбочивая и добропорядочная леди, в которую она теперь внешне превратилась, эта строгая и разумная мать семейства становится похотливой кошкой, без ограничений и запретов.

Именно потому, что состояние её перестало быть ей понятным, она захотела взять совет у одного из лучших психиатров; как говорили знающие люди, он был знатоком девиантных проявлений, выходящих за грань разумного. Теперь женщина ехала к нему, чтобы получить хоть какое-то представление о своём предполагаемом будущем.

Будущем – в самом предметном смысле слова, основанном на понятии «быть».

IV

Она не обратилась бы за помощью к женщине или к спе-

циалисту, которого могла считать ровесником. Принимавший её профессор был добрым с виду стариком, который сразу же усадил её в мягкое кресло за небольшим столиком и угостил душистым чаем с печеньем и конфетами. Беседа, за которую она заплатила довольно серьёзные деньги, вылилась в тот разговор, которого она ждала все шесть лет, с тех пор как стала вести две параллельные жизни: одну – в семье с её обязанностями, а другую, с нескончаемыми, хоть и редкими праздниками – с любимым.

Вскоре профессор всё про неё узнал; он задавал вопросы, улыбался и вместе с ней пил чай. Женщине казалось, будто она говорит не с ним даже, а сама с собой. Когда она упомянула, что в качестве подарка на день рождения её отвезли в дельфинарий, одели в гидрокостюм и дали возможность целый час поиграть в воде с белугами и дельфином, который, упёршись носом в её пятки, катал её по акватории, а потом подкидывал ей носом мяч, чтобы она ловила и возвращала бы затем ему, притом что другой дельфин ревновал и всё время подплывал, переворачиваясь и требуя, чтобы ему погладили брюхо, – профессор, довольный, засмеялся и даже воскликнул: «Браво!»

Он сразу же сказал, что между близкими людьми не бывает извращений, только изощрения, а потом одобрительно кивал головой, когда женщина рассказывала, как её любимый, укутав её в тёплый плед и раскрыв томик Пушкина, читал ей последние главы из «Евгения Онегина», в которых

Татьяна была уже взрослой дамой; и ещё про то, как однажды летом, сидя рядом с ней в машине и возвращаясь по трассе в город, мужчина попросил её снять блузку и лифчик, чтобы остаться за рулём фактически голышом, – так она и вела машину по улицам, посреди домов, пока они не свернули в парк и не остановились ветровым стеклом к кустарнику, а боковые стёкла машины были сильно тонированы; и ещё, как они однажды весной шли по улице, а на ней были наде- ты сапожки, длинное кашемировое, с поясом в талии, паль- то, модель которого он сам ей нарисовал и они сшили его за две недели в ателье, – так вот, она шла в пальто и сапож- ках, а под пальто на ней ничего не было, только шарфик на шее в вырезе отворота, и на последнем этаже в какой-то па- радной всё произошло необычно быстро, а снизу кто-то мог подняться и постоянно ездил кабина лифта; и ещё – зимой в бане он парил её веником, а потом заставил выйти, замо- тавшись простынёй, на улицу и нырнуть в прорубь, держась одной рукой за верёвку, а у женщины от холода сводило но- ги, но это длилось недолго, на раз-два-три, она выскочила – и наступило блаженство, даже бросило словно бы в жар, и они бежали, прикрывшись простынями, обратно, а там он снова бил её в парилке вениками, потом дал выпить водки, всё закружилось, а в комнате отдыха ей делали массаж две красивые девчонки:

– Ей-Богу, я и не думала, что такой массаж бывает, да ещё с женщиной, а тут сразу две, – и я попросту куда-то улетела.

Это делалось ради меня, профессор, понимаете? Я всё видела и чувствовала, будто в дурмане, и ни на что не обращала внимания, потому что заранее на всё согласилась, я ощущала себя королевой, вот именно, королевой, – а после, представьте, набросилась на своего мужчину и довела его до иступления, так что когда мы вместе заорали, я сказала ему словно бы в отместку: «Это тебе за прорубь!» – И он меня понял, хотя тут никакой логики не было, да не в ней и дело. Мир в очередной раз расширил границы. И сколько бы мы ни встречались, горизонт только отдалялся. Я не свихнусь, доктор? Не стану нимфоманкой? Не превращусь в зомби?

Старик по-доброму засмеялся и чуть помолчал, а потом сам стал задавать вопросы:

– Вы ведь хотите выйти за него замуж? Хотите новую семью и нескольких детей, как я понял? – услышав утвердительное «да», профессор приостановил женщину: – Раньше этот мужчина конкурировал для вас с вашим мужем, а вы решали, кто из них лучше. Тут и решать, наверное, было нечего. Но когда стало ясно, что ваш любимый на вас не женится, вы жёстко разделили две половины своей жизни, позволяя себе с любимым всё, о чём мечталось, и оставаясь в пределах нормы с мужем, в семье. Так? Теперь подумайте хорошенько: чего от вас хочет любимый? Почему он на вас до сих пор не женился, раз у вас с ним всё так хорошо?

Вопрос поставил женщину в тупик.

– Наверное, он хочет полной самоотдачи... но я ему и так

всё отдаю, – неуверенно произнесла она.

– Ошибаетесь, – ответил профессор. – Вы должны быть ему интересны как личность, поэтому вам следует поставить перед собой по-настоящему высокие цели – и тогда появится нечто большее, чем сексуальное партнёрство. Разве он не подталкивал вас к тому, чтобы не замыкаться на сугубо материальных стимулах в жизни?

– Говорил, – вздохнула женщина. – Он хотел, чтобы я когда-нибудь взяла в руки олимпийскую сборную. Для успеха даже тему диссертации мне определил и нашёл специалистов, которые помогут... А я... – Она махнула рукой. – Работа, семья и так далее. К тому же уровень... Нужно ведь самой как минимум звездой стать. Кто я такая, чтобы олимпийской сборной руководить? Даже в качестве методиста... Не потяну.

– Эдак вы его скоро потеряете. – Профессор укоризненно покачал головой. – Он ведь, как я понял, птица высокого полёта. Ему с обычными людьми скучно – ему интересный человек нужен рядом. А интересными бывают только те, кто всерьёз к чему-то стремится. Вы его любите, вы ему позволяете любые прихоти – тем для него и хороши. Но дальше – стоп, он вас в личную жизнь не пускает. И не собирается, поверьте. Ведь там требуется не фейерверками заниматься, ему равный партнёр нужен.

Кухарку, посудомойку и уборщицу он и без вас найдёт. Да и девиц, готовых на всё, может в себя по уши влюбить

сколько захочет.

– Что же мне, наукой, что ли, заниматься? Карьерой? – растерянно спросила женщина.

– Вы когда последнюю книгу прочитали? – задал встречный вопрос профессор. – Художественную, притом серьёзную: не гламур и не детективы?

Женщина задумалась и не ответила.

– Небось, сериалы смотрите, – беззлобно предположил профессор, – когда на кухне вертитесь с готовкой. А потом этими сюжетами делитесь с любимым... не приведи вас Бог! Скучно и глупо, поверьте: он внутренне морщится, когда всё это слышит. Пересказываете ведь ему сериалы? Не лукавьте.

– Ну да, – констатировала она, постепенно осознавая происходящее. – Получается, что его это не радует. А я, дура, воспринимаю всё это как контакт... какая, дескать, разница, о чём болтать и на какую тему!

– Всё это может очень быстро кончиться, – пожал профессор плечами, – притом резко и в однозначной форме. Он вас отведёт от своей жизни, и всё.

– Какой ужас! – прошептала женщина. – Ведь он разрушил все мои табу. Он мне позволил понять, как это бывает, когда, например, насилуют. Любимый человек, но – насилует! Мы в это как бы играли, но на грани... Он со мной снимал откровенные фильмы, где мы чем только не занимались, так что потом, когда видели себя на экране, даже поверить было трудно. Я была с ним потомственной аристократкой и

сбежавшей с корпоратива секретаршей. Мы делали это посреди города на балконе, когда нас мог увидеть любой прохожий, и в присутствии других... представляете – других! Однажды за границей, на курорте, я через полстраны умудрилась смотаться к нему на такси, лишь бы увидеть на пятнадцать минут и запомнить потом свою длинную голую ногу в зеркале раздевалки... Я теперь не знаю уже кто, абсолютно разнузданная и готовая на всё ради него, – и вот вы говорите, будто я могу стать для него ненужной?

Профессор помолчал, потом вернулся к теме:

– Поставьте себе высокую цель, деточка, и начинайте к ней двигаться. Без этого окажетесь для него лишней. Что он вам говорил про Олимпиаду, про диссертацию? Прислушайтесь к его советам.

Она всё ещё ошарашенно молчала, потом произнесла, словно бы решая что-то:

– Может, выбрать Паралимпийские игры для инвалидов? Странно... Пришла к вам по поводу личных дел, а говорим о работе.

– Мы говорим о вас, – уточнил профессор. – Да перестаньте вы хныкать, миленькая!

У женщины глаза и впрямь оказались красными от наворачившихся слёз.

– Как же вам повезло, хорошая вы моя! Знали бы вы, сколько дам от восемнадцати до восьмидесяти вообще лишены личной жизни, а скольким то, что с вами происходит,

показалось бы раем! Они, поверьте, отдали бы всё, что имеют, за малую толику вашего счастья. Будьте же благодарны учителю и становитесь самой талантливой на свете ученицей!.. Но самое главное: определите свою высокую миссию в жизни, это спасёт ваши с ним отношения. Вы ведь за этим рецептом ко мне пришли, верно? Вот и возьмите рецепт.

Женщина посидела, что-то молча обдумывая, профессор допивал чай.

– Спасибо, – сказала она, вставая, – вы мне очень помогли.

Женщина вышла из кабинета и пошла, цокая каблуками, по кафелю коридора. Лицо у неё застыло, словно маска, и сохраняло своё выражение всё то время, пока она ехала домой.

В машине её застал звонок мужа:

– Ну и где ты?..

Она поглядела вокруг: движение застопорилось.

– В пробке.

– Нда, – сказал он, – не слишком ты часто в пробках? Во сколько будешь?

– Не знаю, – равнодушно ответила женщина. – Двигаюсь по три метра за пять минут. Хорошо, что здесь светофор перепускает, но час мне ещё нужен. Если не больше.

– И где же ты находишься? – снова спросил муж.

Женщина поглядела в окно:

– На мосту, стою как раз посередине, – устало произнесла она. – Какой именно мост? Кантемировский. Давно пора его

переехать.

На этот раз сказанное было чистой правдой.

V

Мужчина стал всё чаще и подолгу куда-то уезжать – на неделю-две, скорее всего, за границу. Возвращался он усталый, слегка взвинченный, но никогда не срывал настроения. Он отошёл от своей манеры всё время чем-то удивлять женщину и превратился в заботливого джентльмена даже в мелочах. Похоже было, готовились какие-то серьёзные перемены, и он к ним был напрямую причастен, тут уж не до фантазий.

Она теперь полностью переключилась на методики тренировок для инвалидов, и те, кого она опекала – так называемые колясочники, – души в ней не чаяли. С мужем они расстались вполне спокойно, словно бы и не жили вместе. После развода у женщины появилось ощущение, будто она сделала первый вдох после глубокого заныривания и теперь отмеряла гребок за гребком на новой своей дистанции. Дочь оказалась приучена к железной дисциплине: уроки в школе и занятия во Дворце спорта – лёгкая атлетика.

Так всё и длилось, пока не случилось главное, после чего они стали неразлучны со своим мужчиной и виделись с ним каждый день.

Его машину расплющил встречный «КамАЗ», погибли

жена и взрослый сын, а сам он теперь лежал, закованный в панцирь из гипса и железных штырей и шарниров, продетых и закреплённых с разных сторон, периодически проваливаясь в кому и всплывая лишь ненадолго, словно бы для того, чтобы всё вспомнить – и вновь уйти во тьму.

Женщина уже месяц ежедневно появлялась в клинике. Для ночного дежурства она наняла сиделку. У неё не было доступа к его банковскому счёту, так что всё приходилось делать за собственные деньги. Поскольку причина аварии оказалась явно не случайной, никто из его партнёров или сослуживцев не рискнул появляться в близкой видимости: политика – дело тёмное: кто туда попал, может и не вернуться.

Иногда мужчина приходил в себя и в такие минуты начинал понимать, где находится. Он узнавал женщину и даже пытался с ней говорить. Она разбирала его речь и, когда брила его щёки или срезала ногти на руках и ногах, угадывала, что он пытается шутить. Плачущим она не видела его никогда: глядел стальными глазами в потолок, и всё.

Однажды, на короткое время будучи в сознании, мужчина попросил вызывать к себе нотариуса, и с этого дня у неё появились деньги. Денег было очень много, но это не решало проблем, потому что врачи, несмотря на самые лучшие препараты, не давали ей излишних надежд. Но и не отнимали, объясняя, что в основном всё зависит от силы воли пациента и на самую малость – от господ Бога. Чудеса случаются, объясняли они женщине, только если их очень захотеть.

Она очень этого хотела. Как-то в один из вечеров, когда мужчина вновь пребывал в забытьи, она села возле его кровати, достала флакон и нанесла на себя тот парфюм, что был им когда-то подарен, – с пожеланием использовать в тот вечер вместо платья.

Парфюм таил в себе аромат нескромности; это был запах красивой, знающей себе цену женщины, которая прекрасно понимает, чего хочет, и уверена, что это не будет истолковано превратно. Палату наполнило ощущение откровенного предложения в адрес мужчины, когда предложение это делается уже в постели, уже в обнажённом виде, в самый последний момент перед близостью – а на самом деле, возможно, мимо вас прошла дама в вечернем туалете, даже не взглянув в вашу сторону, а вы остались стоять и не можете двинуться с места.

Вот что таил аромат парфюма – того, что выбрал тогда и подарил ей любимый мужчина, готовящийся снять с неё одежду и оставить лишь этот запах.

Воспоминания оказались столь глубокими, а заложенные в них чувства столь сильны, что лежащий на кровати мужчина открыл вдруг глаза и посмотрел на женщину, сидевшую рядом.

Их взгляды встретились, и тогда он улыбнулся женщине почти как прежде, а потом, кажется, подмигнул.

С этого момента она поверила, что он выберется на их общий берег и они вновь обязательно окажутся в небольшом

отеле, построенном у залива и напоминающем белый лайнер. А потом, прямо по песку, забредут в ресторанчик, находящийся в двух шагах, и станут смотреть, как вечернее солнце отражается в воде, заполняя пространство неявным рассеянным светом.

Женщина улыбнулась своему предчувствию, которое никогда её не обманывало, и попросила мужчину так, словно не было нескольких лет, прошедших после первой близости:

– Пожалуйста, не оставляй меня больше одну... Обещаешь?

Он ответил тихим голосом, но, как и тогда, по-мужски твёрдо. Чуть повернув к ней голову, сколько позволял пластмассовый воротник, мужчина выговорил одно только слово:

– Хорошо.

Теперь она точно знала, что выйдет за него замуж.

Свобода выбора

Письмо: «Ирочка, прости, долго не писала, но это не из-за лени, просто нужно было разобраться в себе.

Вот я смотрю сейчас на нашу с тобой школьную ещё фотографию, где у меня улыбка, косички и острый носик, и понимаю, как всё изменилось. Острый нос, конечно же, остался, только причёска у меня теперь – чёрные волосы, длинные и стильно стриженные, а улыбка если и появляется, то лишь по особым случаям. Поводов не так уж много.

Мы с тобой одногодки, у тебя уже двое детей и ты всё время спрашиваешь меня в письмах, почему в свои тридцать два года, да ещё проживая в таком большом городе и получая солидные деньги, я до сих пор не вышла замуж.

Не за кого, Ира!

Не в том смысле, что тут мало тех, кто носит штаны. А в том, что достойных мужчин хоть шаром покати! Поверь, я бы с радостью отдала свою душу, руку, сердце и в придачу обе ноги человеку, которого смогла бы уважать. Но такие, видимо, перевелись на корню.

У одних не хватает такта, чтобы прежде всего хотя бы несколько раз повстречаться, прежде чем предложить отправиться в постель. С постели, наоборот, как раз и предлагают начать знакомство, а там уж как пойдёт!.. Вы, в глубинке, наверное, по-прежнему считаете, будто спать

друг с другом можно только после свадьбы, а здесь нравы совсем иные. Да я, может, и сама рада была бы с хорошим человеком обняться, но вначале нужно понять, действительно ли он того стоит. Верно?

Другие, наоборот, полные размазни: всё за них решить должна женщина. Поговорить о том, о сём, умные мысли высказать – это у них пожалуйста, а чтобы ладонь на мою талию положить – он тридцать раз спросит разрешения и, конечно, получит отказ.

Ко всему, я очень хорошо и дорого одеваюсь, так что держусь настоящей королевой. Все считают, будто за мной стоит влиятельный любовник, который покупает мне шубы и шьёт модные платья. Я именно так себя и веду, поэтому всякая мелочь ко мне даже на километр не подплывает. Но я остаюсь одна, Ирочка, понимаешь, – одна! Иногда хочется прижать к себе мужчину, и я по ночам реву в подушку белугой. Если, конечно, у белуги есть подушка. А утром иду на работу как ни в чём не бывало, да ещё при росте метр семьдесят шесть добавляю себе десять сантиметров тонкими шпильками. Над большинством мужчин я буквально возвышаюсь. Получается что-то стройное и элегантное, начальник мою задницу глазами ест (я это в зеркале периодически вижу, когда выхожу из его кабинета в приёмную). Он и рад бы, да женат, к тому же мне противен... Бывает ведь: противен и всё, чего тут объяснять.

Ты спросишь, не получится ли так, что я со своей гор-

достью просижусь всю оставшуюся жизнь взаперти? Маме моей внуков хочется, и всё такое. Конечно, мне встречаются вполне приличные люди, но вот дальше у нас, по разным причинам, не складывается.

В прошлом году совершенно случайно познакомилась с импозантным мужчиной лет пятидесяти. Умный, энергичный и очень интересный человек. Мы хотя бы на четверть часа в день пересекались, оба работаем в центре города – отчего бы кофе вместе не выпить? Я увидела его тяготение ко мне и решила: хоть он и женат, но если нам обоим вместе комфортно, почему мы должны отказывать себе во всяческом удовольствии... Только пусть он всего добьётся сам, чтобы мне по-настоящему к нему захотелось!

Не поверишь, он мне такой каскад неожиданностей устроил, что я, словно попав в водоворот, только и успевала глазами моргать! В самом начале отвёл меня в дельфинарий, куда я с детства мечтала попасть. Я об этом вскользь обмолвилась, а он взял билеты, заказал такси, и – среди зимы я оказалась в этом сказочном месте, среди тюленей, морских коров и дельфинов, и они прыгали через обручи, кидали из воды мячи и танцевали на хвостах!.. Ирка, не поверишь: я кричала вместе с детьми и с их родителями “Ура!” и хлопала в ладоши. Дело не в том, что я не смогла бы попасть на это шоу самостоятельно, а в том, чтобы нашёлся кто-то взрослый и отвёл меня туда за руку, словно ребёнка. Вот о чём я мечтала! Теперь такой человек сидел

рядом со мной, из бассейна на нас летели брызги, а я была счастлива, будто мне от роду пять лет и всё это не имеет никакого отношения к моей нынешней взрослой жизни.

Потом мы поехали в уютный ресторанчик и пили там горячий глинтвейн, с мороза, Ирочка, это было именно то, чего я больше всего тогда хотела!..

Мы продолжали видеться, и постепенно я начинала понимать, с какой безукоризненной точностью он выполняет все мои внутренние пожелания, играя именно ту роль, которую я для него в этот раз предполагала. Не теряя достоинства, он вёл себя как самый чуткий партнёр, и я всё чаще стала задавать себе вопрос: если он таков в обычной жизни, какое наваждение ожидает меня с ним в любви? Я не подпускала его на близкую дистанцию, и мы оба (он – особенно) терпеливо ждали, когда моё собственное желание нас сблизит.

Мы всё так же пересекались днём и наспех вместе обедали (у обоих не было времени). Как я поняла, он занимался крупными инвестиционными проектами, а я продолжала мотаться с разрешительной документацией, касающейся строительства. Тем не менее встреч этих оказалось достаточно, чтобы мы оба сумели понять друг друга и решили, что нам всё это нужно.

Тогда он арендовал лимузин (Ирочка, я даже на чужих свадьбах не ездила на таком бело-розовом “линкольне”!), отвёз меня в красивый отель на берегу озера, напоминавший

замок, и я не смогла отказать нам обоим в долгожданном удовольствии.

Ты даже не представляешь, что у нас там творилось! Честно, я и сама раньше не могла ничего подобного нафантазировать. Да, у меня были мужчины, а два года назад случился, как ты помнишь, роман с Владом, и поэтому я считала, будто понимаю что-то во всех таких вещах. Ерунда! Понимать я начала с того дня, когда на “линкольне” среди снега, лежащего у елей на лапах, мы прибыли в гостиницу-замок, а вокруг стояла тишина, какая бывает только зимой в безветренную погоду. Похоже, я орала в номере так, что слышно было на другой стороне озера, но мне на всё было плевать, потому что я наконец-то дорвалась до настоящего мужика.

Если ты думаешь, что на этом праздник закончился, то ошибаешься. Он только начался. Спустя неделю мой милый как-то вечером привёл под окна моего дома (убогого, прямо скажем, строения серийной застройки)... кого бы ты думала? Не поверишь: лошадь под седлом, белую в яблоках! Я спустилась вниз на его срочный телефонный звонок, думала – что-то случилось, раз такая спешка, открыла дверь из подъезда на улицу, а там стоят мальчишка-конюх, лошадь и мой славный с огромным букетом лилий!

Я, как была, в джинсах и курточке, села верхом на лошадь и проехала с букетом в руках вокруг собственного дома. Ощущение от происходящего было нереальным. Он да-

же не поднялся тогда ко мне, уехал по делам (или к жене, что, в общем, одно и то же), а я забралась в горячую ванну, напустила туда пены и, пока отмокала, осознавала всем своим существом, что счастье бывает и вот таким.

Спустя ещё два дня он научил меня кушать палочками суши в японском ресторане. К стыду своему, до сих пор я этого не умела. Оказалось довольно просто: две пробы – и всё. Справилась на твёрдое “хорошо” – теперь при случае могу управиться с этими инструментами.

Но уж теперь, после ужина с суши, отпустить своего возлюбленного я не стала, да и он оставил для нас вечер свободным. Скучно с ним не было никогда – пока мы ехали в такси, он рассказал такую кучу интересных вещей о предмете, который я, казалось бы, профессионально знала, как свои пять пальцев (строительство объектов культуры), что мне оставалось только молчать в тряпочку. Меня переполняло уважение к нему, в конце концов перешедшее в самое настоящее возжелание – до такой степени, что в уютной частной гостинице, куда мы приехали, я начала раздеваться, по-моему, уже в холле.

Ира, мне не стыдно это произносить: до встречи с этим мужчиной я была обычной провинциальной девчонкой. То, что у нас с ним каждый раз происходило в смысле ощущений, можно считать настоящей школой чувств. Я даже не знала, что такое бывает. Об этом, конечно, не говорят, но поверь: если ничего подобного в душе и сердце не испытать,

то так и умрёшь недоразвитой. Он умел вызвать во мне эмоции, которые и намечтать-то не всегда получится, а уж чтобы испытать... Женское моё тело он баловал, как никто и никогда раньше. Поверь – знаю, что говорю.

В общем, я поняла, что пропала окончательно и бесповоротно. В довершение оказалось, что он чудесно поёт и играет на всяких инструментах: однажды мы пришли в ресторанчик с живой музыкой, он пошёл к музыкантам, сел за синтезатор и спел мне что-то очень нежное, а они подыграли. Потом взял гитару и изобразил бурный гавайский танец – ему даже сами оркестранты аплодировали. В том ресторане он накормил меня рулькой, то есть я съела свиную ногу, и вечер мне запомнился тем, что я еле-еле смогла встать из-за стола.

Кстати, поняв, что меня впечатляет эстрада, он пару раз сводил меня на сейшн в джаз-клуб. Было интересно и мило. После этого я стала замечать, что грущу без его звонков, – мы два раза в день, как правило, перекидывались парой слов, но если он был занят, всё откладывалось, и мне становилось не по себе. Я совершенно умышленно не пускала его глубоко в душу, но против такого энтузиазма трудно было устоять. Мне нравилось всё, что между нами сложилось, и я уступала здоровому напору этого мужчины, который нёс с собой какой-то огромный заряд позитива.

Но я не любила его, Ира, понимаешь? Что-то во мне отделяло это чувство от происходящего между нами, не поз-

воляя очертя голову и закрыв глаза броситься в его объятия. Наверное, первоначально всё дело заключалось в том, что он был женат, а я не хотела ни с кем делить своего мужчину. Между тем делить-то как раз и приходилось, и это рождало мучительное внутреннее противоречие, заклинившее всё остальное.

Вот почему, когда он поставил вопрос ребром и предложил мне жить вместе, притом что проблему со своим разводом он в будущем обязательно собирался решить, я, Ира, ему отказала. Причина была всё той же: я не любила этого очаровательного, умного, сильного мужчину, божественного любовника, интереснейшего и разностороннего человека. Нет, не любила. А значит, не могла дать ему то, что он искал во мне или вообще в жизни.

Не сказать ему об этом было бы бесчестно. Многие девушки и женщины себе уха бы могли откусить, появившись у них такой шанс. Им достаточно было бы один раз прокатиться на его “лексусе” или попасть в пентхаус, где он жил и где я однажды побывала, когда жена его была в отъезде. За такие потенциально доступные спонсорские деньги наши девочки могут сделать себе пластическую операцию и вновь стать нетронутыми в свои двадцать пять потрёпанных лет! Но мне, поверь, совесть не позволила обмануть этого удивительного человека. Ведь он хотел главного, а главного я ему подарить не могла. У нас у всех есть свобода выбора, а для меня это означает право жить, не делая другим под-

лостей.

Он выслушал мой отказ, поцеловал мне руку и навсегда уехал. Я не думала, что всё закончится именно так, и ещё пару раз ему позвонила, но на звонки он не ответил, а потом прислал смс-сообщение: “Забудь мой телефон”.

Забывать я, конечно, не смогла, но считаю, что поступила верно. С большими чувствами не играют, и теперь ты должна понять, почему я снова осталась одна в этом городе и в этом мире.

Поеду, пожалуй, отдохнуть куда-нибудь на пару недель – нервы стали ни к чёрту.

Как у тебя дела? Мне говорили, будто...»

Я получила это письмо, держала его в руках и ничего не могла с собой поделать – редела. Пока оно ко мне шло, подруга попала в какую-то дикую аварию: за рубежом автобус с нашими туристами перевернулся и улетел с обрыва, в живых никого не осталось – это показывали по телевизору во всех новостях. Она тоже оказалась в том автобусе, в чужой стране, и я представила, как её родителям привозят цинковый гроб.

С течением времени всё это забылось, но письмо до сих пор лежит у меня в секретере вместе с другими её письмами и той детской фотографией. На ней я тоже маленькая и худенькая – не то что теперь, когда после родов превратилась в тётку солидных размеров.

Я раньше думала про подругу: вот ведь дура какая, сча-

стве своё раз за разом упускает! А потом решила: молодец! Может, я и сама бы так хотела – стать себе хозяйкой и делать всё по совести. Но кому теперь расскажешь?

Муж мой устроился на бензоколонку, вставляет шланг в баки подъезжающих машин. В нашем городке хорошей работы вообще не найти – повезло хоть с такой. Детишки мои вроде в порядке, недавно старшенькая переболела ветрянкой, но в основном здоровы.

Обо всём этом я и хотела ей написать, но теперь – некуда.

Надпись на обелиске

Ранняя осень. Вечером в полупустой вагон метро вошли двое: мальчик лет трёх и его молодая мама. Они сели напротив меня через проход. Мама тут же достала телефон (по-новому – айфон) и начала писать кому-то. Кому именно – было видно по её серьёзному лицу. Мальчик сбоку толкал маму, беспричинно привлекая внимание к себе, но она жестом показывала: дескать, я занята, и тут же мне стало понятно: они оба – глухонемые.

В этот момент мальчик посмотрел на меня, мы встретились взглядом и оба поняли главное в каждом из нас. Главное заключалось в том, что и мальчик, и я – старикан семидесяти пяти лет – родились с пониманием своей миссии в этом мире. Конечно, каждый выбирает свой путь к воплощению собственной мечты – так называется миссия, воплощённая в действия для достижения цели. Звучит сложно, повторяю: я знаю свою миссию. Моя цель – спасти Россию от разрушения. При этом мой возраст не имеет значения: пока я жив, делаю максимум того, на что я способен. Именно это понял мальчик, когда мы посмотрели в глаза друг другу.

Ещё он осознал, что имеет свою миссию и что это стало понятно тому старику, который сидит напротив, через проход в вагоне. Мальчик постучал обоими кулачками по своей голове, объявляя маме и мне о том, что он думает обо

всём происходящем. Вагон покачивался на стыках, и время до следующей остановки растянулось в вечность. Мама улыбнулась мальчику и снова продолжила своё письмо.

Мальчик не знает, как сложится жизнь у него, глухонемого, но мама служила примером: всё будет хорошо, если ты улыбаешься этому миру вокруг. Он ждал и получил улыбку. Я показал жестами пальцев: ты – молодец! В ответ он ткнул в мою сторону указательный палец и вскинул большой палец: ты тоже молодец! Мы понимали один другого.

Конечно, он не знал, что я – изобретатель и что я создал аппарат, переводя силу гравитации в электричество и тепло. То есть обычная сила притяжения отапливает дома и подаёт электричество в промышленность, так что не нужно ни гидроэлектростанций, ни атомных реакторов. И главное: не нужно сжигать нефть или тащить куда-то трубы, линии ЛЭП. Из горючих материалов производить нужно товар, а не топить небо ассигнациями! Идея не моя, а Менделеева, но согласен с ним полностью. Все вопросы решаются созданием локальных гравитационных генераторов, которые смонтированы по моим чертежам и работают в практике. Тем самым создаётся бесплатная энергия – кстати, не из «ниоткуда», а за счёт земного притяжения. От гравитации (если кто-то не понял): появляется синяк на вашей заднице, когда вы падаете со стула на пол.

Пример – один из многих. Поставьте велосипед с упором снизу. Поднимите переднее колесо, чтобы оно свободно вер-

телось. Представьте: вы предварительно наполнили шину – наполовину водой, наполовину жидкой ртутью. Раскрутите рукой колесо до скорости, которая по инерции выкидывает ртуть наверх. Выдавливая несжимаемую воду, ртуть падает вниз (тяготение Земли), и вновь по инерции возгоняется вверх. Цикл повторяется: колесо будет крутиться само без остановки. Генератор готов – нужно подключить провода, и электродвигатель на основе гравитации станет работать всегда.

Проще некуда, но почему это не сделано нигде? Гравитация в природе есть, хотят или не хотят знать об этом нефтегазовые магнаты. Именно им я пережимаю артерию.

Власти России вопят мне: «Вы что – когда появится бесплатная энергия, хотите лишить Россию доходов от нефтегазового сектора?!» – на что спокойно отвечаю: «Производство товаров на бесплатной энергии имеет перспективу бóльшую, чем продажа нефти и газа. Известно, что половина владельцев «Газпрома» и «Роснефти» – иностранцы. На кого вы работаете, власть: на интервентов, что ли?!» Риторический вопрос, и одновременно ответ.

Я лично работаю на Родину. Меня предупредили: за это могут убить. Во-первых, я слишком стар, чтобы бояться смерти. А во-вторых, за Родину умирать славно и почётно. Об этом это сказано в надгробии в Санкт-Петербурге: «Здесь лежит Суворов», или на Кубе, где надпись на обелиске: «Фидель». Проще не скажешь – всем понятна истина, обозначен-

ная именем на обелиске.

Всё это вспомнил, когда поезд метро подходил к моей остановке. Я встал, держась за поручень (всё-таки ноги у меня ходят плохо), и показал мальчику жестом: я выхожу здесь. В ответ он махнул ручонкой вдоль вагона: мол, мы с мамой поедем дальше. Я снова показал ему пальцами: «Ты – молодец!» Он заулыбался, помахал ладонью: «До свидания!»

Я вышел на платформу. Мы молча прощались ладонями через стекло вагона, пока поезд не умчался в тоннель – в тоннель нашей жизни. Желаю тебе, мальчик, счастливого будущего в этом мире – где ты знаешь свою миссию и поэтому всё преодолеешь. Удачи нам с тобой!

Я поглядел на уходящий поезд и двинулся к выходу, который хорошо видел.

Цикл «Несмотря ни на что»

Напоследок

Что вы видите, мужчины, когда смотрите своими безжалостными глазами на пятидесятидевятилетнюю женщину вроде меня?

Морщины, заметные даже под хорошим гримом.

Дряблую кожу на шее, несмотря на подтяжки.

Прекрасные зубы – но керамические, не свои.

И глаза, усталые и много повидавшие.

Достаточно?

А теперь почувствуйте себя в её (то есть в моей) шкуре и каждый день ловите взгляды, которые отмечают всё вышеперечисленное. Элегантный деловой наряд не в счёт, антураж не спасает.

Да, у меня ещё недавно было высокое общественное положение: я состояла депутатом парламента от партии юнионистов в нашей маленькой, но такой взрывоопасной англоговорящей республике. Кроме того, у меня есть супруг, ему шестьдесят один год, и вы наверняка видели его портреты в газетах, когда читали сообщения о заседаниях правительства. На фотографиях, да по большей части и в жизни, он в пиджаке и в галстукe.

Составили впечатление? Я за вас рада. Добавьте сюда трёх взрослых сыновей – и картина станет почти полной.

За кадром окажется только двадцатилетний мальчишка, с которым мы вместе работали над документами в библиотеке парламента, а потом я сделала его своим любовником.

Только не надо читать мне мораль! Вы ведь только что попытались влезть в мою шкуру – ну так возьмите и прислушайтесь хорошенько к тем ощущениям, которые испытывает женщина моего возраста. Слово «никогда» всё чаще становится синонимом происходящего и, что самое страшное, будущего. Вам удобно было бы жить, если бы это слово звучало постоянным рефреном, какой бы стороны вашей жизни оно ни касалось?

Я совершила глупость и помогла парню деньгами – не своими, а привлечёнными. Он хотел открыть кафе – нужен был первый заём, и я вроде как за него поручилась. Журналисты узнали об этом быстрее, чем вы успели бы перелить в себя кружку пива. Наутро во всех газетах в разделе «Светская хроника» обсуждались детали биографии – в первую очередь, конечно, моей, потом – моего мужа, ну и этого несчастного мальчишки.

Ещё раз предлагаю вам хотя бы на короткое время войти в положение женщины, фотографию которой вы только что наблюдали на страницах жёлтой прессы. Представьте ситуацию, когда папарацци следят за вами даже в туалете. Не растёгивайте штаны, мужчины, прежде чем не убедитесь в от-

сутствии видеокамеры возле вашего писсуара!..

Я вижу: до вас начинает доходить.

Подумайте, что должна была я сделать, учитывая моё воспитание, положение в обществе и безупречное в прошлом реноме, начисто перечёркнутое не просто адюльтером, но и историей с финансами?

Да нет же, нельзя уехать: этим я картину бы не исправила. Подумайте ещё.

Правильно!..

Я перерезала себе вены.

Меня спасли и поместили в психиатрическую клинику. Теперь я здесь, и при упоминании моего имени пресса добавляет: экс-депутат парламента.

Муж оставил свою должность в правительстве.

Мальчишка эмигрировал.

А я?

Я абсолютно ни о чём не жалею и надеюсь, что вы теперь понимаете – почему.

Неисправимый

Он был здоровенным жизнерадостным мужиком: каким помню его в тридцать, таким остался и в шестьдесят. Только вначале он был светловолосым, потом русым, а в конце концов стал седым, но сути это не меняло – жизнерадостный детина, кондовый оптимист.

В первый раз он женился по большой студенческой любви на хохлушке, для которой родители активно подыскивали партию среди начальства, но не успели, потому что её закружило первое девичье чувство – тут никуда не денешься. Он, конечно, думал, что это навсегда, и даже завёл с ней двух детей. Но она всё-таки нашла себе новую партию, действительно из начальства, и ушла, оставив бывшего мужа с сыном и взрослой дочерью, но зато без имущества.

Дети выросли, встали на ноги (под папиным присмотром) и состоялись как специалисты. Тогда он женился во второй раз, и снова по большой любви. Женщина вела самостоятельный образ жизни, но, конечно же, ей требовалось мужское плечо, а он по знаку зодиака был Телец, то есть прямо-таки обязан подставлять своё плечо всем нуждающимся. В итоге она вспахала на своём Быке поле, взрастила там урожай и в полном объёме направила этот урожай в собственные закрома. Всё имущество при разводе, как и в прошлом варианте, досталось женщине.

Мы с ним работали тогда вместе: он занимался конструированием, а я привлекал в проект инвестиции. Так мы и шли параллельными дорогами. Сам я худой, темноволосый и аккуратный, то есть полная противоположность нашему расхристанному бугаю. И по характеру я скорее желчный, что, наверное, спасает от всевозможных неприятностей. Я исповедую правило: не очаровывайся – тогда не придётся разочаровываться. А этот...

Я говорил ему: не женись, бабы сразу же садятся тебе на шею, которую ты с удовольствием им подставляешь. Тебе уже сорок пять лет, а ты всё такой же романтик, как в юности, в то время как с тебя по-простому тянут деньги, и более ничего.

Он ответил:

– Я имею право мечтать! – И я тогда заткнулся.

Мы с ним – ровесники, но, в отличие от него, я долго не связывал свою жизнь семейными узами, а когда дозрел – подобрал женщину молоденькую, хозяйственную и в определённых пределах умную. Она целиком зависела от меня, а детки наши, подрастая, связали ей руки в плане возможных шалостей с другими мужчинами. Я баловал свою дорогую поездками за рубеж; я подобрал ей неплохую работу; я контролировал её свободное время – которое, кстати, и сам предпочитал (по большей части) проводить в кругу семьи. В этом смысле романтика отходила на задний план, зато оставалось разумное сосуществование, удобное для обоих участ-

ников. А он?!

А он влюбился, словно юноша, и снова захотел жениться. На сей раз – на тридцатилетней даме без образования, которая, естественно, смотрела ему в рот и ловила каждое слово. У неё самой были две малолетние дочки, но этот, я извиняюсь, придурок их... официально удочерил!

На работе он был прекрасным главным конструктором, но в личной жизни – полным кретином. Спустя короткое время я начал замечать, как его дамочка позволяет себе на него прилюдно покрикивать. Я посоветовал ему тогда: разочек возьми в руки палку и обломай об её спину, если она рот на тебя откроет, – такие, как твоя нынешняя, понимают только кнут, а ты ей – пряники...

Он жутко на меня разозлился, чуть ли не послал подальше, но потом как-то всё сгладилось. Когда его жена, сдвинутая на метафизике, ушла к какому-то экстрасенсу (тот вёл курсы для придурков, которые ему верили, и продавал им куски алюминия, выдавая их за «матрицы жизни»)... так вот, когда моему бычку в очередной раз наставили рога, он вынужден был ещё несколько лет платить алименты за чужих детей.

«Время его вылечит», – подумал я, но этот непобедимый романтик не унимался. Чего только он не мычал о женщинах: они, дескать, тонкие существа; они мыслят интуитивно и, стало быть, прозревают (словечко-то!) любые события в космическом плане... Наконец через какое-то время он на-

шёл (опять!) свою вторую половину и живёт с ней в полной гармонии. Я даже не смеялся: если человек болен на голову, его не вылечишь.

К тому моменту нам обоим стукнуло по пятьдесят восемь. «Половинке» его, то бишь новой супруге, оказалось лет на двадцать пять меньше, и когда я её увидел, то первое ощущение можно было обозначить словом «скользко».

Во-первых, она сама его нашла, как бы невзначай устроив через подругу первое с ним свидание.

Во-вторых, она сразу взяла на себя всю бытовую сторону его жизни, начиная с отправки писем и заканчивая уборкой квартиры, приготовлением обеда и стиркой. Очень скоро он оказался в полной бытовой зависимости от этой мадам, а когда мужчина так расслабляется и не может найти в себе силы в один момент выставить барышню за дверь, то весьма скоро он целиком оказывается в опытных женских руках.

Мой приятель очень много зарабатывал, но при этом жизненные потребности его оставались в пределах разумного. Когда я узнал, что он, мало того что в очередной раз женился на этой своей хозяйке (я уже не удивлялся его мании), но и переписал на свою пассию машину, дачу и две квартиры, – я однозначно и твёрдо понял, что ему конец.

Вот почему я заплатил небольшие, в общем-то, деньги знакомым службистам, которые прослушали мобильный и домашний телефоны его новой жены. Стало ясно, что нашего бычка регулярно, изо дня в день, травят какой-то гадо-

стью, так что скоро его ждёт либо инфаркт, либо инсульт. Я с самого начала предполагал такой ход событий и видел во всей этой истории свой собственный коммерческий интерес.

Но вначале я всё-таки сделал попытку открыть ему глаза на происходящее. Я приехал к нему и под благовидным предлогом затеял разговор обо всём, что знал. Вы бы видели, как он взбесился! Я в очередной раз получил порцию негативных эмоций, после чего он в ярости заявил:

– Если ты хоть раз ещё заикнешься о моей жене-отравительнице, считай, мы с тобой незнакомы!

И добавил:

– Пойми, мне жизнь станет не мила, если я об этом начну думать в том ключе, что ты преподносишь... Знаешь, какие она мне письма шлёт, если куда-то уезжает? Я, пишет, без тебя глупа, некрасива и бессильна, и только с тобой состоялась как женщина... Если уж таким словам не верить, зачем жить?!

Я не мог с ним не согласиться: каждый хозяин своей судьбы. Тогда я поступил, как и задумал изначально. Я встретился с его, так сказать, «половинкой» и попросил её заплатить мне за молчание. Цацкаться с этой потаскухой мне было не с руки, я даже голоса повышать не стал – приехал и выложил ей свои условия. Если уж он такой романтик, что готов умереть за собственную веру в женскую часть человечества, то меня – увольте! Я из другого теста. Она его регулярно травит, а я должен на это спокойно смотреть, не пытаюсь её на-

казать? Пусть хотя бы заплатит, стерва!

Что вы думаете? Привезла деньги как миленькая! С паршивой овцы хоть шерсти клок: я на эти средства купил себе однокомнатную квартиру, в которой до сих пор вполне приятно провожу время. Жене об этом знать незачем – у каждого должны быть свои маленькие секреты.

Самое большое удивление вызывает у меня тот факт, что конструктор мой, давно перешагнув свой шестидесятилетний порог, жив-живёхонек и не теряет романтического оптимизма. «Половинка» его, после моего к ней коммерческого визита, убежала от нашего бугая как ошпаренная, вновь оставив его буквально голяком. Суды, раздел имущества в её пользу... Но он не унывал. Это, говорил, следствие его к ней неправильного подхода – дескать, он ей мало внимания уделял и всё такое. Что касается женщин – он продолжал воспевать их лучшие качества, то есть доброту, терпение, верность и снисхождение к мужским слабостям.

Пускай! Он имеет право мечтать, и я иногда даже ему завидую. Мы оба тёртые мужики. Но настоящего личного счастья, если разобраться, я по жизни так ни разу и не испытал, потому что до конца женщинам не верил, а на дне женской души всегда видел мутный осадок. Им важно было, используя меня, свить гнездо, высидеть птенцов и получить свою долю материальных благ. По крайней мере, моей бывшей жене этого оказалось достаточно – она считала, что её жизнь вполне удалась.

При чём здесь любовь с первого взгляда или там до гробовой доски?!

При чём здесь романтика, вздохи при луне и закатывание глаз по ничтожному поводу, например при виде озера среди ледников?

Хватит о глупостях. На том ломберном столике, что называется жизнь, каждый играет за свои деньги. Он либо выигрывает, либо проигрывает, но ясным всё становится только ближе к финалу. Мне тоже, как и нашему романтику, за шестьдесят; моя семья давно развалилась, дети живут отдельно, у меня теперь молодая пассия, с которой я делю свой дом и при этом не верю ей ни на грош, чтобы не ошибиться.

А этот? Вот вам новость: снова влюбился!

Не знаю, кто из нас прав. Считаю его романтические представления бреднями: гораздо проще закрыть на всё глаза, чем понимать, что тебя могут предать за твоей же спиной.

Впрочем, вновь повторяюсь: каждый играет на свои. Этот герой опять кого-то любит... посмотрим, чем всё кончится!

Адвокат

Я – дочь горного народа с юга, и преданность – в крови у наших женщин. То, что я давно уехала из родных мест и живу теперь в большом городе, ничего в этом смысле не меняет.

Когда-то ты взял меня в свои мужские руки, и я долго была для тебя просто девочкой, дарящей удовольствие. Потом ты повёл меня вверх по лестнице, каждая ступенька которой означала новые возможности.

После вуза ты направил меня в Коллегию адвокатов и рекомендовал председателю. Меня приняли в это закрытое общество.

Ты подарил мне веру в себя и заставил, помимо адвокатской практики, заняться диссертацией, а потом устроил мне защиту.

Ты привёл мне VIP-клиентуру, и я заработала столько денег, сколько никогда не привиделось бы даже во сне. Ты приучил меня относиться к деньгам, как они того и заслуживают: не более чем как к инструменту для достижения цели.

Самое главное: ты научил меня ставить задачи масштабom в целую жизнь. Вот почему я захотела возглавить сеть адвокатских контор, предоставляющих бесплатную для граждан досудебную защиту в любых жизненных обстоятельствах: задержал их на улице полицейский или заводят уголовное дело на предпринимателя, а может, просто отменили авиарейс,

потому что туристическое агентство чего-то не учло. Я продвинула через Госдуму законопроект (ты, конечно, обеспечил его лоббирование), и защита гражданских прав вот-вот должна была стать обязательной, как автострахование, а я, со своей уже созданной сетью, могла в результате превратиться в самого богатого адвоката страны. К тому и шло дело.

Все эти годы я служила тебе, словно цепной пёс, создав юридическую защиту от всевозможных посягательств со стороны конкурентов, чиновников и бандитов. И вот теперь, когда тебя надо вытаскивать из тюрьмы, потому что твоё влияние оказалось слишком велико и ты перепугал политических небожителей, – я днём и ночью занимаюсь только этим.

Всё продается и покупается, дело лишь в цене. Не продаётся только моя к тебе любовь, зародившаяся ещё в той девочке, которую ты когда-то взял под крыло, и ни на миг не угасавшая после. У меня никого не было, кроме тебя, и никого не будет, потому что сердце моё принадлежит единственному на свете мужчине, моему господину и учителю.

Я спасу тебя, чего бы это ни стоило. Верь мне, как я верю в тебя. Я отдам все свои деньги, но утоплю тех, кто причастен к твоему пленению, в интригах и встречных исках. Я натравлю их одного на другого. Я поставлю под вопрос престиж самой власти, которая посмела замахнуться на тебя. Ты обязательно выйдешь на свободу, потому что я тебя люблю. Ничего не бывает сильнее любви, которая есть Бог.

Мы скоро увидимся.

Обещаю.

Наш Невский проспект

Мужику было лет сорок, но выглядел он на все шестьдесят. Он стоял возле Московского вокзала в Санкт-Петербурге, плохо одетый, в стоптанной обуви и, видимо, боялся зайти внутрь: вдруг не пустит охрана или задержит милиция. Скорее всего, он был одним из тех, кого жизнь выкинула на обочину, но ещё делал попытку остановиться на самом краю – не имея ни жилья, ни работы, но всё-таки пытаюсь как-то существовать, не скатываясь до помойки.

Видимо, он сильно пил, но сегодня был абсолютно трезвым, и как раз поэтому опасался всего, чего по пьянке не замечал. Он держался поодаль от толпы, перетекавшей из метро на улицу, с улицы на вокзал и опять в метро, – ото всех этих людей, спешащих по делам, имеющих собственный дом и определённое будущее.

Сентябрь был тёплым, светлым и без дождя, а небо – голубым с редкими серыми облаками. Часы на вокзальной башне показали половину второго. Запахнувшись в старенький плащ, стараясь не поднимать глаз, быстрой семенящей походкой мужчина прошёл в помещение вокзала. Никто его не остановил, только охранник смерил тусклым равнодушным взглядом, и вскоре мужчина оказался на платформе, к которой медленно подкатывал поезд, следовавший из российской глубинки.

Мужчина теперь почти бежал по перрону и, когда поезд остановился, оказался ровно напротив двери нужного ему вагона. Проводница сошла на платформу, протёрла тряпкой поручень и открыла дверь в тамбур.

Старушка выбралась на перрон одной из первых – в стареньком пальтеце, перехваченном крест-накрест платком. В руках у неё были чемодан, перевязанный верёвкой, и корзинка, закрытая поверху дерюгой.

– Мама, – сказал мужчина, обнимая старушку, – здравствуй, мама!..

Она плакала и целовала его в обе щеки.

Он взял в одну руку чемодан, в другую – корзинку и повёл бабульку к выходу. На привокзальной площади он остановился и, не в силах скрыть радости, показал на стелу, установленную в честь Победы, и на открывающуюся за ней панораму:

– Вот это – наш Невский! А там – Лиговка!..

Он вёл её по улицам и показывал город, в котором она никогда до этого не была. Его лицо светилось такой любовью, словно под Богом оставались только они вдвоём с матерью.

– Какой большой город... – прикрывая рот ладошкой, говорила мать. – И людей-то сколько!.. Они что, все друг друга знают? Или приезжие?

Мужчина счастливо смеялся и что-то отвечал.

– А вот, – показывал он куда-то вбок, – смотри: это шаверма. Ты когда-нибудь пробовала? Хочешь, я тебя шавер-

мой угощу? Очень вкусное мясо. У нас тут всё вкусное...

Бабушка отнекивалась, и они шли дальше. Наконец они добрались до коммунальной квартиры, где он жил в одной из комнат. Там стояли выдавшая виды кровать, шифоньер и тумбочка с двумя старыми табуретками возле.

– Это временно, – пояснил он матери, – пока у меня там, в квартире, ремонт делают... Ну, кафель меняют, сантехнику новую устанавливают, потолки белят... Поживём пока здесь, а в следующий раз я тебя уже в хорошее жильё приглашу.

Он с детства не умел врать, особенно ей.

Мать сняла пальто, он – плащ, и когда разулся, чтобы надеть тапочки, мать увидела его протёртые носки. Она распаковала корзинку, и комната наполнилась запахом приготовленной по-домашнему курочки, малосольных огурцов и хлеба, ещё позавчера тёплого, из печи.

– Давай хоть поедим по-человечески, сынок, – сказала она. – Трудно тебе, чай, тут живётся.

– Ничего, управляюсь, – всё так же с улыбкой глядя на старушку, сказал мужчина. – Только вот Таська, помнишь, жена моя, ушла. Но я не сержусь.

– Господь ей судья, – расстилая на тумбе скатёрочку, сказала мать. – Я знаешь чего, сынок, приехала-то? Тебя с собой забрать, к нашим. Совсем в деревне мужиков не осталось, а дом рук требует. Я уже старая, еле-еле с огородом справляюсь. Приезжай... Мне одна радость: схоронишь меня как положено, а то чужие люди на погост понесут... не дело это.

Он ел, держа куски курицы руками, а мать смотрела, как он не может остановиться, по уши утопая в каравае, похрустывая огурцом и снова отправляя в рот куриные грудку, ножку, другую ножку... Лишь когда на скатерти почти ничего не осталось, мужчина остановился и поглядел на мать.

– Рассчитайся на работе, – велела та как о решённом, – берём билеты и поехали.

Мужчина отвёл глаза в сторону:

– У меня денег на билет не хватит – всё за ремонт отдал.

– Есть у меня деньги, – ответила мать, – я свинью продала.

Поедешь?

Она глядела на сына строго, предлагая то последнее, за что ему ещё можно было ухватиться. Он был трезв и всё понимал. Сейчас ему очень хотелось выпить, но приходилось что-то решать всерьёз, а он за последнее время вообще разучился думать.

Мужчина поглядел на заскорузлые, коричневые от грубой работы руки матери, на её старенькое платье с выцветшими кружевами (наверное, выходное по случаю приезда), на морщины, избородившие её лицо, и словно бы нутром почувствовал, как он всё это любит. В этой жизни ничего больше не оставалось, кроме строгих, ждущих глаз матери и тех детских воспоминаний, когда он лежал под одеялом, засыпая, а эти руки, убаюкивая, гладили его, и казалось, будто всё в жизни сложится хорошо.

Он то ли вздохнул, то ли всхлипнул, оценив за короткую

секунду, как оно в действительности получилось и как он жил здесь последние десять лет. Потом он уткнулся в ладони матери, зажмурившись, как раньше, а когда поднял лицо, возвращаясь сюда, в нынешнюю свою бытность, то сказал лишь одно, но самое важное для них обоих слово:

– Поедем.

В коридоре коммуналки громко ссорились соседи, а здесь, в этой комнате, стояла такая тишина, какая бывает, когда от счастья можно ничего вокруг не замечать. Мать смотрела на сына, который до неузнаваемости постарел в этом городе, а тот что-то говорил, рассказывая истории, по большей части о ком-то, не о себе, и в ответ материнский взгляд дарил ему то, чего он лишён был с тех пор, как уехал.

Наступала пора возвращаться.

К себе самому.

Топография и геодезия

Эх-ма!.. Водка была холодной и вкусной.

Мы сидели в бане, снятой на целый день, за деревянным столом в зале с камином. Из буфета уже принесли закуску, остальное планировалось на потом. Водку мы взяли с собой, охотничьи колбаски нам должны были пожарить позже – в общем, мы удобно расположились в мягких креслах и отдыхали, попарившись и приняв по рюмочке. Отдых был вполне заслуженным.

Мы – это три сорокалетних топографа-геодезиста, которые только что выполнили крупный заказ, разделив и оформив под кадастр бывшие земли Министерства обороны. Двое из нашего состава – начальник группы, в просторечье Ваня, и я – были плотными и мохнатыми во всех местах мужиками, носившими бороды и работавшими в основном в поле. Третий, Жора, наоборот, был худым, высоким и гладко выбритым. Он имел дело с геодезическими архивами и выполнял чудовищную по сложности работу. Вчера мы сдали бумаги заказчику и получили причитающиеся нам деньги, в честь чего и была организована баня.

Да, ещё с нами были три девицы из агентства добрых услуг, они тоже сидели возле стола, закутавшись в простыни. Для них принесли шампанское, это подняло девочкам настроение, и я уже готовился перейти к следующей стадии

отдыха, когда разгорелся нешуточный спор.

Началось с какой-то вскользь брошенной Ванечкой фразы, типа того, что люди состоят из поступков, которые они совершили. Он, конечно, в работе был трудяга и умница, но тут вопрос стоял глобально, и я не мог не возразить:

– Глупости! Человек – существо духовное. Мы из себя представляем то, что думаем и что чувствуем. Материя, знаете ли, мертва, а дух, знаете ли, вечен.

Гладколицый и темноглазый Жорик обычно отмалчивался, когда его не спрашивали, но тут вдруг сказал своим негромким голосом:

– Человек, по-моему, – это прежде всего убеждения. Вот ты, – обратился он ко мне, – что ты можешь отдать за свои убеждения?

– Смотря за какие, – откликнулся я.

– За самые важные, – уточнил Жора.

– Это насчёт Родины, что ли? – переспросил я. – За сколько долларов я выдам военную тайну?

Жора посмотрел на меня с жалостью, как на больного. Я понял, что пошутил довольно глупо.

– За жену свою, к примеру, к бандитам на нож полезешь? – спросил он, отжимая меня к краю.

– Полезу, – сказал я, повышая градус разговора. – А ты за что полезешь?!

Вклинился Ваня, предварительно разгладив смоляную бороду:

– Когда к Богу попадёшь, ты ему не о принципах рассказывать будешь, а про то, что реально сделал... Мы или попустому живём, или со смыслом. Я вот, например, мечтаю создать кадастр всей территории страны и добиться, чтобы сделали комплексный план развития России. Я даже проект по этому поводу написал, отослал президенту.

– И что? – хором спросили мы с Жорой.

– Поблагодарил меня какой-то клерк от его имени, – пожал Ваня мохнатыми плечами. – А ведь что-то вроде ГОЭЛРО нам обязательно нужно. Нельзя без руля плавать – утонем. Вот за ГОЭЛРО мне и умереть было бы не обидно... если уж вы про убеждения толкуете.

У меня, если честно, подобных глобальных планов не было, зато существовала своя гипотеза, касавшаяся личного духовного роста:

– Знаете, что такое закон сохранения зла? – спросил я их обоих. – Закон означает, что количество зла в мире постоянно, это вроде как налитая до краёв чашка. Если ты добавляешь туда хоть каплю, то на тебя же эта капля и прольётся. В какой форме, неважно: может, родственники заболели, а может, денег лишишься... И вот, чем большему кругу людей ты доставляешь неприятности, тем больший круг людей доставит неприятности тебе. Поэтому в мир нужно вносить как можно меньше зла. Что означает, – закончил я, – необходимо иметь постоянную внутреннюю, то есть духовную оценку того, что ты делаешь. Поняли? Всё определяют не поступки

и не какие-то абстрактные принципы, а духовные критерии, которые ты для себя выбрал: что в твоём понимании есть зло, а что – добро.

Все помолчали, обдумывая.

– Мальчики, а вы на нас внимание обратите? – пропела одна из девиц.

– Кушайте пока, отдыхайте, – отмахнулись мы, наливая девочкам шампанского, а себе снова водку.

– ... Не всё так просто, – уточнил Жора. – Как же быть с твоим «добром»? Его что, тоже в мире неизменное количество? И оно, по той же схеме, возвращается к тому, кто его принёс, но только в иной форме? А может, это похоже на джекпот: выигрыш достаётся везунчику, а не тому, кто больше всех монет в автомат набросал?.. Вот, к примеру, ты делаешь-делаешь добро, а тебе в ответ – ничего... А другой за просто так имеет все блага. И где здесь справедливость?

Вопросы были вполне законными. Мы выпили ещё по одной и порешили на том, что творить добро нужно обязательно. А уж как тебе за это воздастся, не суть важно.

– Знаете, кого я считаю неудачником? – заявил Ваня. – Тех, кто ничего не сделал для других. Ведут себя высокомерно, но внутри-то труха... Все эти наши миллиардеры – полное дерьмо.

– Полное!.. – подтвердили мы с Жорой. – А присутствующие здесь – золотой фонд человечества! И мы своё первородство, то бишь принципы, на которых воспитаны, за во-

нючие доллары никому не продадим!..

Мы сдвинули стопки, чувствуя себя тремя русскими богатырями.

– Мальчики, вы про нас всё-таки не забыли? – снова слышалось сбоку.

Мы опять отмахнулись: сидите, мол, девчонки, – не видите, что ли, у нас разговор серьёзный? Кушайте, развлекайтесь как-нибудь, дайте пообщаться по-человечески!

Мы спорили, смеялись, парились, играли в бильярд и обнимались наконец-таки с девчонками, а потом хорошо закусили, снова играли в бильярд и пили водку. Всё было здорово.

Противоречий в наших взглядах больше не осталось. Каждый из нас состоял из тех поступков, которые мы совершили, – это раз. Каждый представлял собою то, что умел прочувствовать до самой глубины души, – это два. И, конечно же, любой из нас соткан был из принципов, за которые мог бы отдать жизнь, – три.

Взятое вместе, это означало, что нам по сорок лет, мы русские мужики, и поэтому всё у нас сложится отлично!

Где-то идёт дождь

Мой сладкий, помнишь слоистые скалы с соснами на вершинах, обрывающиеся в бирюзовое море, и чаек, скользящих вдоль этого обрыва, словно белые росчерки под солнцем?

Помнишь дно лагуны, покрытое зеленоватыми водорослями, и крупных рыб, неспешно движущихся среди камней?

Помнишь ночь и высокую луну, от которой повсюду светло, словно днём, и миллионы орущих во тьме цикад? Кончался август, и у нас обоих появлялось ощущение, будто всё происходящее – лишь прелюдия к чему-то долгому и прекрасному.

А кофе на террасе, днём, за маленьким столиком, – это ты помнишь? Уходило прочь бездумное лето, и трудно было поверить, что скоро нам нужно будет вернуться туда, где уже холодно и идёт дождь, – вернуться, чтобы выстроить новую свою жизнь в соответствии с пониманием, которое мы обрели этим летом.

...Ты не помнишь всего этого, потому что такого лета у нас не случилось. Ты женат на другой, а ко мне забегаешь на час, оставляя после себя чувство голода, который ничем, кроме тебя, не утолить.

А я живу предчувствием нашего лета, невзирая на то, что сейчас идёт дождь и холодно. Я надеюсь, что это предчув-

ствие меня не обманет: когда-нибудь мы обязательно с тобой уедем.

Я заранее знаю куда и – жду.

Тело, в котором я живу

Я безобразна. Слепа на один глаз. Лицо наполовину сожжено кислотой. Осталась сморщенная кожа, розовая с черным, и полгубы. Нет части волос. Шея в шрамах. Писать трудно. Часто останавливаюсь. Текста почти не вижу.

Но это не важно.

Я жила в Екатеринбурге. Училась на психолога. Была красива. Выступила на конкурсе, получила приз. Поехала в Новосибирск. Снова приз. Потом Москва. В числе трёх лучших готовили к Парижу. Мне было двадцать лет, рост сто восемьдесят. Обошла многих. Наверное, кто-то устроил подлость. Моему парню из Екатеринбурга позвонили, сказали, что я гуляю. Сплю со всеми членами жюри, чтобы попасть в Париж. Дали ему совет. Он приехал в Москву. Встретил вечером в парке. И плеснул кислотой в лицо.

Два года по больницам. Три пересадки кожи. Операции на глазах. Один вернули, наполовину. Другой окончательно потеряла.

Взялась за учёбу, по книгам. Родители помогли. Читали вслух, я заучивала. Потом понемногу сама. Стала заниматься методикой выявления талантливых детей, которые ещё никак себя не проявили. В них эти способности могут умереть. Нужно вовремя их выявить. Потом специальным образом требуется ребят обучить. К четырнадцати годам получа-

ются гении.

Я защитила диплом. Нашла несколько школ, где учат по опережающим методикам. Нужно было искать особых детей. Искать везде. Писала письма, привлекала меценатов. Привлекла. Предложила создавать систему лицеев нового типа. Согласились, выделили денег. Пока – на первые две обучающие программы. Плюс на проживание детей в интернате.

Организовала в тех школах классы для обучения. Взяла двух помощников. Езжу по деревням, собираю детей. Тестирую. Выявляю талантливых. Договариваюсь с родителями. Отправляю детей в интернат и на обучение.

Нестандартные дети меня не боятся. Они сами не такие, как все. Просто это не видно внешне. Я для них своя. Привыкаю быть им общей мамой. Слушаются. Любят. Я их тоже люблю, всех и каждого отдельно.

Скоро расширим штат помощников. Построим несколько лицеев. Заставляю спонсоров платить. Возьму в интернат пару детей от богатых. Может, в этих кругах тоже есть талантливые ребята.

Всё задуманное сбывается. Педагогов набираем поимённо. Берём из числа лучших. Некоторые дети прошли первый год обучения. Проявили способности сразу. Это невероятно! Мы вырастим уникалов.

Ночами думаю о мужчинах. Когда была моделью, от них не было отбоя. Теперь шарахаются. Трусят. Но кто-нибудь обязательно станет моим мужем. Мне уже двадцать пять. По-

завчера ко мне на улице приставал пьяный. Еле отшла. До сих пор гадко.

Хочется любви. Мешает тело, в котором я живу. Рано или поздно заработаю денег. Сделаю пластическую операцию. Стану как новая. Заведу семью.

Для начала всё. Буду вести этот дневник. Писать день за днём. Выложу его в интернете. Организуем общее дело на всю Россию. Кто захочет – откликнется.

Жду вас сегодня и завтра!

Цикл «Всё начинается с тебя»

Сигарета и чашечка кофе

Она сказала ему, уже стоя в прихожей и застёгивая плащ: – Всё, что у меня было до тебя, – это проба. Позвони мне вечером. Когда я слышу твой голос в трубке, у меня такое чувство, будто я разговариваю с Богом.

Женщина улыбнулась, чмокнула его в щёку и ушла – высокая, стильная, умудрившаяся не потерять себя в этой любви.

Мужчина с растрёпанной тёмной шевелюрой закрыл за ней дверь, потёр небритую щёку и выключил в прихожей свет. Потом, как был в длинном халате, прошёл на кухню, где они только что пили кофе, налил себе ещё чашечку и закурил.

«Всё, что у меня было до тебя, – подумал он об этой женщине, – тоже не больше, чем проба. Когда я слышу твой голос в телефонной трубке, у меня появляется чувство, будто я только теперь понял, зачем родился. Всё остальное видится каким-то блёклым. Я хочу произносить слово “люблю” не только тогда, когда мы лежим в постели и договорились, что впоследствии такое слово ни к чему не обязывает. Я хочу спокойно сообщать тебе о таком своём состоянии в любое

время суток».

Прошла минута.

«Самое главное, от чего ты меня уберегаешь, – подумал он, вспоминая эту женщину, – от пошлой возможности стать как все, то есть любить деньги, иметь авто престижной марки, домик у моря где-нибудь в Испании и удовлетворять прочие плебейские мечты с помощью подобных атрибутов. Якобы обладание всем этим барахлом возвеличивает человека... Чушь! Ты легко сбиваешь мишуру с таких представлений, свойственных моральным калекам нашего времени. Рядом с тобой понятно, что есть хорошо, а что плохо, и никакого отношения эти критерии к количеству денег не имеют. Ты заставляешь ценить жизнь по-настоящему. Мы оба занимаемся искусством, каждый по-своему, а в конечном итоге – служим высокому началу в людях. Поэтому мы и нашли друг друга, а вот теперь, как ни поверни – полюбили».

Сигарета, первая после ночи, была вкусной до головокружения, кофе – крепким и ароматным, как раз того сорта, который ей больше всего нравился. «Вот так, – подумал он, – ворвалась в мою жизнь и всё перевернула».

Тело, напоенное любовью, ещё помнило вожделение, которое рождала и удовлетворяла эта женщина. Он улыбнулся, вспомнив некоторые детали. Воспоминания радовали мужское сердце, и он даже не волновался оттого, что у женщины, которая сегодня провела здесь ночь, были муж и пятилетняя дочка. Ещё у неё были авто престижной марки, дом

в Испании на берегу моря, гардероб, который она регулярно пополняла новомодными коллекциями, и солидный счёт в банке, открытый для неё мужем в соответствии с брачным контрактом. Всё это существовало в другой жизни, предшествовавшей их встрече, и теперь предстояло решить, что со всем этим делать дальше.

Женщина твёрдо дала понять, что отказывается от материальных благ в пользу той свободы, которая позволит ей соединить судьбу с любимым. Остальное виделось малозначимым и не стоило долгих рассуждений. Решение было принято, прочее должно было воспоследовать однозначно. Мужчина подумал, что чувствует себя счастливым и никак не может привыкнуть к этому новому для себя состоянию.

Оставалось докурить сигарету, выпить кофе и отправиться в арт-галерею, где он был директором и где он, директор, выставлял уникальные работы современных российских художников. Он искал и находил этих одарённых людей, а после стремился сделать их всемирно известными. Та женщина, что он обнимал сегодня ночью, держала в Испании собственную галерею и работала с художниками, которых он отбирал здесь, в России.

Оставалось дождаться вечера, чтобы набрать номер её телефона – и, услышав её голос, понять, зачем ты родился на свет мужчиной.

Инопланетянин

Девчонка была ершистой, и даже волосы у неё торчали в разные стороны, словно перья. Она огрызалась на каждое слово и нетерпеливо ждала, когда же они с подружкой отсюда свалят. Все знали, что она бывшая детдомовская, и если что – дерётся так, что лучше не связываться. С ней и не связывались.

В кафе было накурено, пацаны все уже пьяные, но подружке нравился один из них, и она явно не спешила уходить.

Девчонке это надоело, поэтому, махнув рукой и накинув пальтишко, она выбралась на свежий воздух. Пахло осенью, к ночи уже подмерзло. После громкой музыки вечерняя тишина показалось какой-то даже неестественной.

На крыльце стоял парень в тёмном свитере и, запрокинув голову, смотрел на звёзды. Услышав, как хлопнула дверь, он сказал, не оборачиваясь:

– Гляди, вон Кассиопея. Говорят, оттуда инопланетяне прилетают.

Парень поднял руку к небу и куда-то показал. Девчонка, недоумевая, встала рядом с ним и тоже посмотрела в указанном направлении.

– Ой, – удивился парень, повернувшись к ней, – извини!.. Я думал, это кореш мой, мы с ним поспорили... в общем, я в книге вычитал, что на земле всё время присутствуют суще-

ства вроде контролёров с Кассиопеи. Нашёл в энциклопедии это созвездие, а теперь вот на небе.

– А что они тут делают, контролёры? – недоверчиво спросила девчонка. – Проверяют, чтобы нас в кафе не обсчитали?

Она хмыкнула, он засмеялся.

– Там написано, будто мы на Земле своими гадостями так космос испортили, что им дышать стало трудно. Ищут способы, как нас на правильный путь наставить.

Она разглядела, что парень был немного постарше неё – лет девятнадцати, – вполне адекватный.

– Ты не куришь? – спросила она.

– Бросил, – развёл он руками. – Тебе что, сигарету стрелнуть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.